

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ
ҰЛТТЫҚ ҒЫЛЫМ АКАДЕМИЯСЫНЫҢ

ХАБАРЛАРЫ

ИЗВЕСТИЯ

НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

**СЕРИЯ
ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК**

1 (274)

ЯНВАРЬ-ФЕВРАЛЬ 2010 г.

**ИЗДАЕТСЯ С ЯНВАРЯ 1962 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД**

АЛМАТЫ
НАН РК

Бас редактор
педагогика ғылымдарының докторы, ҚР ҰҒА-сының құрметті мүшесі, проф.
С.Ж. ПІРӘЛИЕВ

Бас редакторының орынбасарлары

ҚР ҰҒА академигі **К.Н. НӘРІБАЕВ**,
ҚР ҰҒА академигі **Ә.Н. НЫСАНБАЕВ**,
ҚР ҰҒА академигі **Ө. АЙТБАЙ**

Редакция алқасы:

ҚР ҰҒА-ның академиктері **К.М. БАЙПАҚОВ**, **Ғ.С. САПАРҒАЛИЕВ**, **С.А. ҚАСҚАБАСОВ**, **Ғ.Е. ЕСІМ**, **Б.Е. КӨМЕКОВ**, **С. С. ҚИРАБАЕВ**; тарих ғылымдарының докторы **М.К. ҚОЙГЕЛДИЕВ**, философия ғылымдарының докторы, проф. **Р.Б. ӘБСАТТАРОВ**, заң ғылымдарының докторы, проф. **Б.Ж. ӘБДІРАЙЫМОВ**, тарих ғылымдарының докторы **М.Х. ӘБУСЕЙТОВА**, социология ғылымдарының докторы **З.К. ШАУКЕНОВА**, экономика ғылымдарының докторы **Н.К. НҰРЛАНОВА**, социология ғылымдарының докторы **Л.Т. ҚОЖАМҚҰЛОВА**, психология ғылымдарының докторы, проф. **Ж.И. НАМАЗБАЕВА**, тарих ғылымдарының докторы **С.Ф. МӘЖИТОВ**, философия ғылымдарының кандидаты **Г.Г. БАРЛЫБАЕВА** (жауапты хатшысы)

Главный редактор

доктор педагогических наук, проф., почетный член НАН РК
С.Ж. ПРАЛИЕВ

Заместители главного редактора

академик НАН РК **К.Н. НАРИБАЕВ**,
академик НАН РК **А.Н. НЫСАНБАЕВ**,
академик НАН РК **У. АЙТБАЙ**

Редакционная коллегия:

академики НАН РК **К. М. БАЙПАКОВ**, **Г. С. САПАРГАЛИЕВ**, **С.А. КАСКАБАСОВ**, **Г. Е. ЕСИМ**, **Б. Е. КУМЕКОВ**; доктор исторических наук **М.К. ҚОЙГЕЛЬДИЕВ**, доктор философских наук, проф. **Р.Б. АБСАТТАРОВ**, доктор юридических наук, проф. **Б.Ж. АБДРАИМОВ**, доктор исторических наук, проф. **М. Х. АБУСЕИТОВА**, доктор социологических наук **З.К. ШАУКЕНОВА**, доктор экономических наук **Н. К. НУРЛАНОВА**, доктор социологических наук **Л. Т. ҚОЖАМҚҰЛОВА**, доктор психологических наук, проф. **Ж.И. НАМАЗБАЕВА**, доктор исторических наук **С.Ф. МАЖИТОВ** кандидат философских наук **Г. Г. БАРЛЫБАЕВА** (ответсекретарь)

Editor-in-chief

doctor of pedagogical sciences, honorary member of NAS of the RK, prof.
S. ZH. PRALIEV

Editorial staff:

academician of NAS of the RK **K.N. NARIBAEV**,
academician of NAS of the RK **A.N. NISANBAEV**,
academician of NAS of the RK **U. AITBAI**

deputy editor-in-chief

academicians of NAS of the RK: **K.M. BAIPAKOV**, **A.N. NISANBAEV**, **G. S. SAPARGALIEV**, **S.A. KASKABASOV**, **G.E. ESIM**, **B. E. KUMEKOV**; doctor of historical sciences **M.K. Koigeldy**, doctor of philosophical sciences, prof. **R.B. ABSATTAROV**, doctor of juridical sciences, prof. **B. ZH. ABDRAIMOV**, doctor of historical sciences, prof. **M.KH. ABUSEITOVA**, doctor of sociological sciences **Z.K. SHAUKENOVA**, doctor of economical sciences **N.K. NURLANOVA**, doctor of sociological sciences, **L.T. KOZHAMKULOVA**, doctor of psychological sciences, prof. **ZH.I. NAMAZBAEVA** doctor of historical sciences **S. Ph. MAZHITOV**, candidate of philosophical sciences **G.G. BARLIBAEVA** (secretary)

Адрес редакции:

г. Алматы, ул. Кунаева, 142

тел. 272-13-19, 272-13-18, 293-95-07

О.А. АРТЮХОВА

ПРОБЛЕМЫ ПОЗДНЕГО ПАЛЕОЛИТА КАЗАХСТАНА

Поздний палеолит – это эпоха расселения человека современного типа по всему земному шару. Все современное человечество со всеми расами и народами принадлежит к виду *Homo sapiens sapiens*. Как происходило становление человека современного типа, его распространение, какими драмами и трагедиями оно сопровождалось (ведь Старый Свет уже был заселен другими формами человека: *Homo erectus*, *Homo neanderthalensis* и др.) ученые разных специальностей устанавливают, исследуя памятники эпохи позднего палеолита.

Поздний палеолит Казахстана, казалось бы, неплохо изучен. Изданы карты распространения позднепалеолитических памятников¹. Есть монографии, посвященные отдельным памятникам² и эпохе в целом³. О каких же проблемах идет речь?

Таких проблем несколько.

1. Незначительное количество позднепалеолитических памятников в аридных регионах Евразии.

«Верхнепалеолитических памятников на территории бывшей советской Средней Азии и Казахстана известно очень немного, на порядок меньше, чем среднепалеолитических»⁴. Чаше

все это объясняют палеогеографическими условиями: неблагоприятный для жизни климат в позднем плейстоцене, связанный с относительным похолоданием и аридизацией, что вызвало усиление пыльных бурь и наступление ледников в горах⁵. Существует и другое мнение: «Данных о неблагоприятных условиях для заселения Средней Азии во второй половине верхнего плейстоцена нет»⁶.

Существуют трудности методического плана. Так, на долговременных стоянках открытого типа в Средней Азии и Казахстане вычленив артефакты, принадлежащие культурам позднего палеолита, нелегко. Очень уж они отличаются от верхнепалеолитических культур Европы⁷.

Поиск, выявление и анализ палеолитических стоянок требует не только археологического опыта, но и комплексного подхода, с привлечением данных по геологии, геоморфологии, палеогеографии. Именно таким образом в 2006 г. была обнаружена стоянка с позднепалеолитическим инвентарем, остатками кострища и рабочей площадки в предгорной зоне Заилийского Алатау, в урочище Рахат, к северо-востоку от г. Алматы. Культурные остатки залежали в лессовой толще на глубине около 12 м⁸. Финансирование на этот

¹ Каменный век Казахстана (Карта м-ба 7 500 000) // Национальный атлас Республики Казахстан. Том II/ Социально-экономические карты. Алматы, 2006. С.95; Каменный век // Большой Атлас истории и культуры Казахстана. Алматы: АО «АБДИ Компани», 2008. С.76-81.

² Деревянко А.П., Аубекеров Б.Ж., Петрин В.Т., Таймагамбетов Ж.К., Артюхова О.А., Зенин В.Н., Петров В.Г. Палеолит Северного Прибалхашья (Семизбугу, пункт 2, ранний-поздний палеолит). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1993. – 114 с.; Артюхова О.А., Деревянко А.П., Петрин В.Т., Таймагамбетов Ж.К. Палеолитические комплексы Семизбугу, пункт 4 (Северное Прибалхашье). Новосибирск, 2001; Петрин В.Т., Таймагамбетов Ж.К. Комплексы палеолитической стоянки Шульбинка из верхнего Прииртышья. Алматы, 2000; Деревянко А.П., Таймагамбетов Ж.К., Нохрина Т.И., Бексенов Г.Т., Цыбанков А.А. Индустриальные комплексы северо-восточной части хребта Каратау (Южный Казахстан). – Алматы-Новосибирск, 2007; Zh. K. Taimagambetov. Maibulak – first stratified paleolith site in Zhetysay (Kazakhstan). - Древнейшие миграции человека в Евразии. Материалы Международного симпозиума (6-12 сентября 2009 г., Махачкала, Республика Дагестан, Россия). Новосибирск, 2009. С.300-309; и др.

³ Вишняцкий Л.Б. Палеолит Средней Азии и Казахстана. – СПб.: Европейский дом, 1996. – 213 с.; Ожерельев Д.В. Позднепалеолитические памятники Казахстана. Автореф. Дисс. ... К.и.н. Алматы, 2007.

⁴ Вишняцкий Л.Б. Культурная динамика в середине позднего плейстоцена и причины верхнепалеолитической революции. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. Ун-та, 2008, с.116.

⁵ Ранов В.А. Каменный век Южного Таджикистана и Памира. Дисс. ... д.и.н. Новосибирск, 1988; Амирханов Х.А. Некоторые особенности верхнепалеолитических индустрий аридных областей (Северная Африка и Аравия) // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки (Доклады Международного симпозиума. Новосибирск, 1990. С.11-15.

⁶ Палеолит СССР. М.: «Наука», 1984. /Абрамова З.А./ Поздний палеолит Азиатской части СССР. С.303.

⁷ Джуракулов М.Д. Самаркандская стоянка и проблемы верхнего палеолита в Средней Азии. Ташкент, 1987.

⁸ Мамиров Т.Б. Новые материалы по палеолиту Юго-Восточного Казахстана (по данным разведочных работ 2006 года) // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий: материалы 47 регионального (3 всероссийского с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых Сибири и Дальнего Востока (г. Новосибирск, 3-4 апреля 2007 г.) Новосибирск: 2007, с.27-28.

объект выделено не было. Памятник подвергается интенсивному разрушению. Трудно представить, сколько палеолитических памятников в предгорной зоне уничтожено в результате хозяйственной деятельности в последние десятилетия.

2. На территории республики выявлено крайне мало стратифицированных палеолитических памятников, которые служат основным источником сведений о физическом облике древних людей, о палеогеографической обстановке, животном и растительном мире того времени, возрасте культурных остатков.

Это можно объяснить несколькими причинами. Основная – геологическая. Центральные районы Казахстана издавна были областью дефляции, здесь практически отсутствуют четвертичные отложения, в которых обычно и залегают палеолитические культурные остатки. Многочисленные памятники каменного века в Сарыарке имеют поверхностный культурный горизонт (Семизбугу, Хантау и др.).

Западные районы республики находятся в зоне активного воздействия колебаний уровня Каспийского и Аральского водоемов в течение антропогена. Стоянки палеолита, за редкими исключениями, можно обнаружить лишь за пределами береговых линий древних водоемов (стоянки на полуострове Мангыстау, Ешкитау, Камыслыбас и др.).

Север республики – это область накопления мощнейших аллювиальных отложений, искать здесь палеолитические памятники – дело весьма трудоемкое и малорезультативное.

Остаются горные районы Восточного и Юго-Восточного Казахстана, а также речные долины юга республики, к которым приурочены почти все найденные в ископаемом состоянии палеолитические местонахождения.

Другая немаловажная причина небольшого количества выявленных памятников палеолита, в особенности позднего, – молодость казахстанского палеолитоведения. К примеру, палеолитические памятники Костенковско-Борщевского микрорайона Русской равнины изучаются мно-

гочисленными экспедициями практически непрерывно с 1879 г.⁹, в то время как первые профессиональные исследования каменного века Казахстана начаты Х.А.Алпысбаевым в 1958 г. после окончания им аспирантуры и защиты кандидатской диссертации по теме «Позднепалеолитическая стоянка Костенки 2»¹⁰, поскольку казахстанские материалы по эпохе палеолита еще не были открыты. Долгие годы он оставался единственным дипломированным специалистом по палеолиту в Казахстане. И сейчас археологов, изучающих каменный век, явно недостаточно для огромной страны, богатой археологическими памятниками различных эпох каменного века.

К настоящему времени на территории Казахстана выявлены и с разной степенью полноты исследованы лишь следующие позднепалеолитические стратифицированные памятники: стоянка им. Ч. Валиханова, Шульбинка, Майбулак, Ангресор 2, Батпак 7, Ешкитау, Рахат. Материалы первых пяти памятников более или менее полно охарактеризованы в диссертационной работе Д.Ожерельева¹¹, последние два практически не исследованы, о них опубликована лишь предварительная информация.

3. Материалы многочисленных памятников открытого типа недостаточно введены в научный оборот, хотя они несут достаточно ценную информацию о технико-типологических особенностях культур каменного века и их относительной хронологии.

Сравнительно неплохо охарактеризованы дольгероменные стоянки с поверхностным культурным горизонтом Северного Прибалхашья, о которых А.Г.Медоев писал еще в начале 1960-х гг.: «Главной чертой каменной индустрии в позднем палеолите Сары-Арка является органичный синтез реликтовых форм, унаследованных от шельско-ашельской, ашельской и мустьерской (леваллуа-мустье) культур с прогрессивными формами, обычными для позднего палеолита вообще»¹². Монографически опубликованы коллекции стоянок Семизбугу 2¹³ и Семизбугу 4¹⁴, собран-

⁹ Васильев С.А. Древнейшее прошлое человечества: поиск российских ученых. Санкт-Петербург, 2008. – 179 с.

¹⁰ Таймагамбетов Ж.К. Хасан Алпысбаевич Алпысбаев // Каменный век Казахстана и сопредельных территорий (Материалы Международной конференции, посвященной 70-летию Х.А.Алпысбаева). Туркестан: ТОО «Мирас», 1998. С.6-11.

¹¹ Ожерельев Д.В. Позднепалеолитические памятники. . .

¹² Медоев А.Г. Каменный век Сары-Арка в свете новейших исследований // Известия АН КазССР, сер. обществ. наук. 1964, вып.6.

¹³ Деревянко А.П., Аубекеров Б.Ж., Петрин В.Т., Таймагамбетов Ж.К., Артюхова О.А., Зенин В.Н., Петров В.Г. Палеолит Северного Прибалхашья (Семизбугу, пункт 2, ранний-поздний палеолит). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1993.

¹⁴ Артюхова О.А., Деревянко А.П., Петрин В.Т., Таймагамбетов Ж.К. Палеолитические комплексы Семизбугу, пункт 4 (Северное Прибалхашье). Новосибирск, 2001.

ные А.Г.Медоевым в 1961 и 1962 гг., а также коллекции, полученные в Северном Прибалхашье в процессе работ Российско-Казахстанской археологической экспедиции¹⁵.

Материалы Х.А.Алпысбаева по памятникам древнего и позднего палеолита Южного Казахстана, изданные им еще в 1979 г.¹⁶, неплохо дополняются результатами современного технико-типологического анализа комплекса стоянок Кызылтау, исследованных в последние годы¹⁷.

К сожалению, практически не опубликованы и не обработаны богатейшие коллекции с Мангышлака и Павлодарского Прииртышья, хранящиеся в «Музее палеолита» при КазНУ им. аль-Фараби, на основании которых А.Г.Медоев выделял автохтонные позднепалеолитические культуры шахбагата I и II и кудайколь I и II¹⁸. Этот пробел ни в коей мере не может заполнить изучение небольших коллекций, собранных в центральной части полуострова и на Устюрте¹⁹.

4. Отсутствие антропологических остатков соответствующего времени на казахстанских памятниках сильно затрудняет решение проблемы видового состава позднепалеолитического населения на территории региона.

Еще совсем недавно эволюция человека представлялась в виде линейной последовательности: австралопитек – питекантроп – неандерталец – кроманьонец. Подразумевалось, что между ними существовали постепенные эволюционные переходы. Одновременно на Земле жил повсеместно один вид человека; питекантроп (или эректус) создал индустрию ашеля с бифасами, неандерталец – мустье с остроконечниками, кроманьонец – различные верхнепалеолитические культуры с пластинами, костяными орудиями и пещерной живописью.

На сегодняшний день, в результате многолетних целенаправленных поисков, накоплены новые палеоантропологические материалы. С развитием физических методов датирования получены даты узловых моментов биологической истории человечества. Генетические исследования пролили свет на взаимоотношения различных человеческих видов между собой. Эволюция человечества посвящена обширная литература, которая постоянно пополняется²⁰.

В схематичном виде эволюция человека представляется так. Колыбелью человечества является Африка, точнее ее восточная часть. Здесь появились и в течение пары миллионов лет сосуществовали разные виды австралопитеков. Из среды австралопитеков выделился *Homo habilis* (человек умелый), который начал изготавливать орудия из камня и, очевидно, других природных материалов. Ему на смену пришел *Homo erectus* (его раннюю форму называют *Homo ergaster*), который первый покинул Африку и начал заселять Евразию. Европейские эректусы эволюционировали в гейдельбергского человека (*Homo heidelbergensis*) а затем - неандертальского (*Homo neanderthalensis*). Эректусы, оставшиеся в Африке, дали начало человеку современного типа *Homo sapiens*, наиболее древние костные остатки которого имеют возраст около 200 000 лет. Около 100 000 лет назад сапиенсы начали предпринимать попытки перебраться в Евразию, но дальше Ближнего Востока, на первых порах, им проникнуть не удавалось. И лишь около 40 000 лет назад им удалось пробиться в Европу, заселенную на тот момент неандертальцами, и в Азию, на большей части которой жили еще разновидности эректусов²¹.

¹⁵ Славинский В. С. Палеолит Северного Прибалхашья (По материалам местонахождений Саяка) : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06 : Новосибирск, 2004.

¹⁶ Алпысбаев Х.А. Памятники нижнего палеолита Южного Казахстана. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1979. 208 с.

¹⁷ Цыбанков А.А. Палеолитические комплексы Кызылтау (Южный Казахстан) : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06 : Новосибирск, 2004; см. также: Деревянко А.П., Таймагамбетов Ж.К., Нохрина Т.И., Бексеитов Г.Т., Цыбанков А.А. Индустриальные комплексы северо-восточной части хребта Каратау (Южный Казахстан). – Алматы-Новосибирск, 2007.

¹⁸ Медоев А.Г. Геохронология палеолита Казахстана. Алма-Ата, 1982.

¹⁹ Абдыканова А.К. Палеолитические комплексы полуострова Мангышлак (Западный Казахстан) : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06 : Новосибирск, 2007.

²⁰ Вишняцкий Л.Б. Человек в лабиринте эволюции. – М.: Изд-во «Весь мир», 2004. – 156 с.; Деревянко А.П. Заселение человеком Евразии в раннем палеолите. – Древнейшие миграции человека в Евразии. Материалы Международного симпозиума (6-12 сентября 2009 г., Махачкала, Республика Дагестан, Россия). Новосибирск, 2009. С.5-28; Деревянко А.П. Древнейшие миграции человека в Евразии и проблема формирования верхнего палеолита // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005. - №2 (22). – С.22-36; Деревянко А.П. Человек идет по свету // Наука из первых рук. 2005. №1 (4). С. 18-26; Вишняцкий Л.Б. Культурная динамика в середине позднего плейстоцена и причины верхнепалеолитической революции. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. Ун-та, 2008. – 251 с. и т.д.

²¹ Деревянко А.П. Древнейшие миграции человека в Евразии. ...; Деревянко А.П. Заселение человеком Евразии в раннем палеолите...

Первобытная история Европы, в особенности Западной, изучена наиболее детально. В последние годы интенсивно обсуждается таксономический статус *Homo neanderthalensis*, а именно: представляет ли он особый вид или является подвидом человека современного типа, как было принято еще совсем недавно; тупиковая ли это ветвь эволюции, или же неандертальцы внесли свой генетический вклад в современное население Земли. Это важно для того, чтобы понять, какие взаимоотношения складывались между неандертальцами и кроманьонцами как на уровне индивидов, так и популяций.

Оказывается, внутри огромного неандертальского ареала накапливались генетические различия между восточными и западными популяциями. «Соответственно, не исключается интеграция мигрировавшими современными людьми восточных палеоантропов и полное их замещение на западе, где генетический барьер был уже непреодолим»²². Подтверждение этому М.Б.Медникова видит в особенностях развития подростков в этих разных группах. Так, в экстремальных условиях ледниковой Европы «классические» неандертальцы в поздний период своего существования выживали на пределе своих физических возможностей. «Колоссальная физическая нагрузка, холодовой стресс и частое голодание могли способствовать дисгармоничному развитию неандертальских подростков, нарушению сроков полового созревания наряду с ранней изношенностью скелета»²³. Азиатские неандертальцы (Тешик-Таш) жили в более комфортных условиях и темпы развития у них вполне современные, хотя и тешикташский ребенок нередко голодал.

Результаты реконструкции диеты методом изотопного анализа углерода и азота костной ткани показали, что рацион неандертальцев состоял почти исключительно из белков наземных живот-

ных. Кроманьонцы были более всеядными, они регулярно употребляли в пищу растительные и морские продукты, речную рыбу.

Травмы на сохранившихся скелетных остатках неандертальцев свидетельствуют, что они «были чрезвычайно мобильны, их маршевые переходы отличались длительностью, передвижение осуществлялось по сильно пересеченной местности, что в целом провоцировало разнообразные травмы стопы»²⁴. В некоторых случаях (Шанидар) – существование крайней формы агрессии (прямой контактной, «лоб в лоб»)»²⁵.

Ныне известно более ста местонахождений периода верхнего палеолита, в которых обнаружены костные останки человека современного типа на европейском континенте. Наибольшее число черепов собрано на территории Франции и бывшей Чехословакии. В России имеется два таких местонахождения: Костенки и Сунгирь. Все верхнепалеолитические останки отличаются как от предшествующих форм, так и от современных²⁶.

Однако, количество памятников, содержащих антропологические останки, составляет незначительную долю процента от всех позднелитических памятников. Основную информацию об антропогенезе археологи получают, изучая каменные артефакты. В первой половине позднего палеолита на территории Европы сосуществуют три основные типа индустрий:

«1) собственно верхнепалеолитических («развитых»), в которых отсутствует сколько-нибудь выраженный среднелитический компонент; 2) «симбиотических» («архаичных»), в которых наряду с ярко выраженными верхнепалеолитическими характеристиками наличествует столь же хорошо выраженный (по крайней мере, в типологическом отношении), мустьерский компонент; 3) собственно среднелитических (переходного мустье)»²⁷.

²² Медникова М.Б. Неандертальская проблема в свете современной концепции биологического вида. // Древнейшие миграции человека в Евразии. Материалы Международного симпозиума (6-12 сентября 2009 г., Махачкала, Республика Дагестан, Россия). Новосибирск, 2009, с. 155.

²³ Там же.

²⁴ Бужилова А.П. Реконструкция состояния здоровья неандертальцев и оценка из приспособленности к среде. // Древнейшие миграции человека в Евразии. Материалы Международного симпозиума (6-12 сентября 2009 г., Махачкала, Республика Дагестан, Россия). Новосибирск, 2009, с. 73.

²⁵ Там же, с. 74.

²⁶ Васильев С.В. Пять выводов о том, как человек разумный пришел в Европу и куда делись неандертальцы // Древнейшие миграции человека в Евразии. Материалы Международного симпозиума (6-12 сентября 2009 г., Махачкала, Республика Дагестан, Россия). Новосибирск, 2009. С. 77-88.

²⁷ Аникович М.В., Аниюткин Н.К., Вишняцкий Л.Б. Узловые проблемы перехода к верхнему палеолиту в Евразии. Труды Костенковско-Борщевской археологической экспедиции. Вып. 5. Санкт-Петербург, 2007, с. 14; Аникович М.В. Появление верхнепалеолитической культуры в Европе и *Homo sapiens sapiens*: взгляд археолога. // Древнейшие миграции человека в Евразии. Материалы Международного симпозиума (6-12 сентября 2009 г., Махачкала, Республика Дагестан, Россия). Новосибирск, 2009, с. 44..

В идеале средний и верхний палеолит различаются по технологии первичного расщепления, технике скола, характеру заготовок, типологическому составу орудийного набора, технологии изготовления составных орудий, технологии обработки кости и т.д.²⁸. Л.Б.Вишняцкий приводит в виде таблицы основные различия между индустриями среднего и позднего палеолита, а также параметры, по которым производится расчет индекса среднего/верхнего палеолита²⁹. Этим параметров 11: 1) отщепы, 2) плоскостное расщепление, 3) некраевое скалывание, 4) среднепалеолитические типы орудий, 5) пластины, 6) объемное расщепление, 7) краевое скалывание, 8) верхнепалеолитические типы орудий, 9) подготовка камня к креплению, 10) формальные костяные орудия, 11) символизм. Оценки три – 1, 0,5 и 0. Для среднего палеолита они берутся со знаком «-», для верхнего – со знаком «+». Для идеального верхнего палеолита индекс будет составлять 7, для идеального среднего палеолита -4³⁰.

Попробуем рассчитать по этим параметрам индекс для достаточно представительной коллекции Семизбугу 4, собранной А.Г.Медоевым в 1961-1962 гг. и послужившей основой для выделения в Северном Прибалхашье саякской культуры позднего палеолита³¹. Коллекция насчитывает 6302 артефакта, изготовленных из кремнистых алевролитов девона черного цвета, четко делится на три основных серии или комплекса: сильнодефлированные изделия, среднедефлированные и слабо- или совсем недефлированные. К серии со слабодефлированной и недефлированной поверхностью относятся 5223 экземпляра. А.Г.Медоев считал их позднепалеолитическими³².

Артефакты слабодефлированного и недефлированного комплекса Семизбугу 4 представлены следующими категориями: нуклеусы – 364 экз., орудия – 1963 экз., обломки – 78 экз., краевые и полукраевые отщепы – 1131 экз., пластины без ретуши – 288 экз., технические сколы – 134 экз.

Нуклеусы разнообразны. 2 нуклеуса относятся к клетонской системе расщепления, 23 – к леваллуазской, 33 нуклеуса совмещают черты техники леваллуа и призматической. Остальные нуклеусы принадлежат призматической технике расщепления³³.

Орудия представлены следующими типами: орудия леваллуа (типичные и атипичные отщепы, остроконечники) – 32 экз., скребла простые продольные (прямые, выпуклые и вогнутые) – 125 экз., скребла продольные двойные (прямые, прямо-выпуклые, прямовогнутые, выпуклые, вогнутые, выпукло-вогнутые) – 50 экз., скребла конвергентные (выпуклые и вогнутые) – 4 экз., скребла угловатые – 94 экз., скребла поперечные (прямые, выпуклые, вогнутые) – 103 экз., скребла других типов (с утонченной спинкой, с двухсторонней ретушью, с противоположающей ретушью, комбинированные) – 47 экз., скребки (типичные и атипичные) – 80 экз., резцы (типичные и атипичные) – 50 экз., проколки (типичные и атипичные) – 45 экз., пластины с ретушью (с ретушированными краями, усеченным концом, острия и т.д.) – 122 экз., комбинированные с доминированием позднепалеолитических типов – 176 экз., ножи с обушком (типичные и атипичные) – 98 экз., ножи с естественным обушком – 39 экз., комбинированные с доминированием ножей – 22 экз., топорики мустьерские – 4 экз., зубчато-выемчатые орудия – 332 экз., клювовидные острия – 54 экз., комбинированные (скребла+зубчато-выемчатые) орудия – 201 экз., отщепы с ретушью – 57 экз., чопперовидные скребла – 13 экз., орудия других типов (долотовидные, сверла, клювы, рыльца, кинсоны и др.) – 93 экз., бифасы и бифасиально обработанные орудия – 62 экз., орудия из тонких плиток – 19 экз., преформы бифасов (или нуклеусов?) – 14 экз., отбойники – 27 экз.

Орудия изготовлены преимущественно из отщепов нелеваллуа, часто укороченных; из полукраевых коротких, реже – из пластинчатых за-

²⁸ Вишняцкий Л.Б. Культурная динамика в середине позднего плейстоцена и причины верхнепалеолитической революции. – СПб.: Изд-во С.-Петербурга. Ун-та, 2008, с.31.

²⁹ Там же, с.32.

³⁰ Там же.

³¹ Артюхова О.А., Деревянко А.П., Петрин В.Т., Таймагамбетов Ж.К. Палеолитические комплексы Семизбугу, пункт 4 (Северное Прибалхашье). Новосибирск, 2001.

³² Медоев А.Г. Геохронология палеолита Казахстана. Алма-Ата, 1982. С.11-12.

³³ Артюхова О.А., Деревянко А.П., Петрин В.Т., Таймагамбетов Ж.К. Палеолитические комплексы Семизбугу, пункт 4 ..., табл.7, с.73.

готовок, очень редко – из пластин, сколов леваллуа, элювиальных плиток. Совершенно отсутствуют (не сохранились) костяные орудия, символизм.

Формально индекс составляет -0,5, что соответствует «архаичному верхнему палеолиту»³⁴.

Можно предполагать, что традиция среднего палеолита (мустье) в Центральном Казахстане не прервалась, неандертальский человек участвовал в сложении на этой территории позднепалеолитических индустрий.

Резюме

На территории Казахстана пока не найдены останки людей эпохи палеолита. По каменным инструментам позднего палеолита, на примере стоянки Семизбугу 4, можно предполагать, что неандертальцы принимали участие в становлении человека современного типа на территории Центрального Казахстана.

Резюме

Қазіргі таңда Қазақстан территориясында палеолит кезеңіне жататын адамның сүйек қалдықтары табылған жоқ. Кейінгі палеолит кезеңіне жататын Семізбұғы 4 тұрағындағы тас құралдарына қарап, Орталық Қазақстан аймағындағы қазіргі адамдардың түрлерінің қалыптасуында неандерталдықтар роль атқарғанын болжамдауға болады.

Т.Б. МАМИРОВ

ТЕХНИКА ПЕРВИЧНОГО РАСКАЛЫВАНИЯ НА МЕСТОНАХОЖДЕНИЯХ ВОСТОЧНОГО ПРИАРАЛЬЯ (по материалам 2002 г.)

В 2002 году в ходе работ Казалинского геологического отряда ИГН НАН РК, Артюховой О.А. были открыты 12 местонахождений палеолита в районе озера Камыстыбас в Восточном Приаралье¹.

Памятники расположены на останцах высотой около 120-130 м, бронированных пластами кварцитовидных песчаников, на побережье озера Камыстыбас. Артефакты сосредоточены на вершинах останцов, на их склонах и у подножий. В качестве источника сырья использовался кварцитовидный песчаник хорошего качества светло-серых, темно-серых оттенков, полупрозрачных, со светлыми пятнами с точечной дефляцией.

Всего было подвергнуто технико-типологическому анализу 636 экз., по степени дефляции поверхности изделий артефакты были разделены на три серии сильно-, средне-, и слабodefлированные. В данной статье рассматривается техника первичного расщепления, а именно нуклеусы, их заготовки и обломки, по которым можно сделать предварительные выводы.

К рассматриваемой категории изделий отнесено 43 артефакта. Первая, *сильнодефлированная серия* представлена тремя невыразительными нуклеидными изделиями. Заготовка одностороннего одноплощадочного нуклеуса, трехгранной формы, размерами 71x54x53 мм, из плохого трещиноватого сырья с сильной точечной коррозией. Фронт выпуклый, трехгранный, ударная площадка образована одним снятием, трапециевидной формы, размерами 40x46 мм, угол наклона к фронту составляет 40°.

Заготовка размерами 65x49x59 мм, фронт подготовлен тремя сколами с площадки и одним с дистала, контрфронт представляет вогнутую грань, ударная площадка образована двумя сколами, образует прямой угол с фронтом.

Третья заготовка, овальной формы, размерами 81x64x27 мм, с негативами снятий конвергентных сколов на фронтальной и противоположной стороне, края несут следы бифасиальной и лицевой обивки.

³⁴ Вишняцкий Л.Б. Опыт эволюционного ранжирования индустрий конца среднего и ранней поры верхнего палеолита // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2004. №3. С.41-50.

¹ Данные местонахождения палеолита были нами обозначены как стоянки-мастерские Айтеке би 1-12.

Среднедефлированная серия представлена 18 экз., среди них семь нуклеусов, восемь заготовок, два обломка и одна преформа.

Два односторонних одноплощадочных нуклеуса. Первый, овальной формы, размерами 100x67x40 мм с негативами снятия трех треугольных сколов системы леваллуа на листовидном фронте. Ударная площадка изогнутая, размерами 62x31 мм, образует угол 80° по отношению к фронту. Второй, веерообразной формы, размерами 102x98x51 мм для снятия леваллуазских остроконечников, разбитый из-за трещин в породе. Фронт выпуклый, ударная площадка подготовлена четырьмя сколами, срединно-выпуклая асимметричная, овальной формы, размерами 94x54 мм, угол наклона к фронту составляет 80°.

Третий, дисковидный нуклеус системы леваллуа, размерами 115x103x53 мм. Поверхности сильновыпуклые, фронт с негативами конвергентных сколов, контрфронт с негативами субконвергентных сколов. Ударная площадка скошена к поверхностям нуклеуса.

Два нуклеуса, переоформлены в орудия. Первый, одноплощадочный односторонний нуклеус с выделенным острием, трапециевидной формы, размерами 69x101x39 мм. Фронт выпуклый, подготовлен конвергентными сколами, правая нижняя часть – трещиноватая, со следами забитостей, неудачных сколов. Два негатива отщепов свидетельствуют об удачных сколах. Ударная площадка линзовидной формы, размерами 92x36 мм., выпуклая, подправлена четырьмя фасетками от кромки фронта, угол наклона к фронту составляет 50°. Левый край – двугранный крутой, правый край – извилистое ребро, с выделенным на верхнем углу лицевой чешуйчатой глубокой средней полукрутой ретушью острием, обратная сторона – с ретушью утилизации. Сырье трещиноватое, после неудачных сколов нуклеус, был переоформлен в острие.

Второй, односторонний одноплощадочный нуклеус – скребло, трапециевидной формы, размерами 66x57x31 мм. Фронт выпуклый с негативами конвергентных сколов, двумя неудачными сколами с ударной площадки. Ударная площадка образована одним сколом, вогнутая треугольной формы, размерами 56x23 мм, угол наклона к фронту составляет 80°. Левый край – прямое ребро, правый выпуклое ребро с лицевой чешуйчатой глубокой крупной отвесной ретушью (скребло).

Два нуклеуса призматической системы скалывания, первый одноплощадочный односторон-

ний нуклеус трехгранной формы, размерами 101x98x54 мм. Фронт – треугольный, выпуклый, на 80% покрыт коркой, с четырьмя негативами неудачных сколов пластин. Ударная площадка прямая, подготовлена одним сколом, подработана мелкими фасетками по кромке фронта. Размеры – 88x76 мм, угол наклона к фронту составляет 45°; второй, торцовый нуклеус для пластин, прямоугольной формы, размерами 63x22x43 мм. Ударная площадка овальная, прямая, по трещине, размерами 40x20 мм, угол наклона к фронту составляет 90°.

Заготовка одностороннего одноплощадочного нуклеуса леваллуа для отщепов размерами 126x116x86 мм. Фронт и контрфронт выпуклые, подготовлены конвергентными сколами. Ударная площадка – выпуклое скошенное ребро, с пятью сколами от кромки фронта, угол наклона 45-50°. Края – тупые ребра с бифасиальной обивкой.

Заготовка веерообразного нуклеуса одноплощадочного одностороннего системы леваллуа, размерами 110x103x47 мм. Фронт на 20% покрыт коркой, с семью конвергентными сколами, контрфронт подчищен от корки. Ударная площадка выпуклая, четырехфасеточная, срединно-выпуклая симметричная, размерами 103x42 мм, угол наклона к фронту составляет 70°.

Заготовка нуклеуса для отщепов системы леваллуа трехгранной формы, размерами 83x59x50 мм. Фронт треугольный в плане, сильно выпуклый, с ребром посередине. Ударная площадка трех-четырёхфасеточная, срединновыпуклая асимметричная, ромбовидная, размерами 70x54 мм, угол наклона к фронту составляет 90°.

Заготовка протопризматического двухплощадочного одностороннего нуклеуса, клиновидной формы, размерами 79x62x76 мм. Фронт выпуклый, с негативами трех сколов с ударной площадки, контрфронт уплощенный, на 95% покрыт коркой, латерали выпуклые, подправлены сколами, вторая ударная площадка имеет угол наклона к фронту 95°.

Заготовка одностороннего одноплощадочного нуклеуса для пластин, конусовидной формы, размерами 181x110x78 мм. Фронт и контрфронт выпуклые, подготовлены конвергентными сколами. Ударная площадка размерами 87x46 мм подготовлена одним снятием, угол наклона к фронту составляет 75°. Края изделия подработаны обивкой.

Заготовка одностороннего одноплощадочного нуклеуса, размерами 216x149x105 мм. Фронт

выпуклый, с негативами семи пластинчатых сколов с ударной площадки. Контрфронт равномерно выпуклый, ударная площадка скошена на 45° , забита, представляет собой лезвие, могло использоваться как массивное рубящее орудие.

Заготовка одностороннего одноплощадочно-го нуклеуса призматической системы скальвания, трехгранной формы, размерами 72x72x39 мм. Фронт выпуклый двугранный, подготовлен конвергентными сколами, контрфронт вогнутый. Ударная площадка S-видная, размерами 69x37 мм, подготовлена одним снятием, образует прямой угол с фронтом скальвания.

Заготовка одностороннего одноплощадочно-го нуклеуса, овальной формы, размерами 87x116x57 мм. Фронт выпуклый с негативами конвергентных сколов. Ударная площадка S-видной формы, четырехфасеточная срединно-выпуклая асимметричная, со следами забитостей на кромке с фронтом, угол наклона к фронту составляет 50° . Мог использоваться в качестве отбойника, имеет две точки забитостей на дистале и правом крае.

Одна не выразительная преформа пирамидальной формы, размерами 120x93x65 мм. Фронт сильно выпуклая, грань с негативами шести сколов, контрфронт уплощен, ударная площадка выпуклая асимметричная, разбита.

В серии два обломка нуклеусов. Первый, обломок двустороннего продольно-поперечного нуклеуса, размерами 104x86x47 мм. Второй – обломок плохо определимого нуклеуса, листовидной формы, размерами 195x57x26 мм.

Слабодефлированная серия более представительна (22 экз.), большую часть занимают целые нуклеусы (63,6%), которые представлены следующими типами.

Нуклеус системы леваллуа, дисковидной формы, размерами 103x105x36 мм. Фронт округлый уплощенный с негативами четырех конвергентных сколов, контрфронт выпуклый с двумя снятиями, 80% периметра занимает ребро, 20% скошенная грань – площадка для снятия типичного леваллуазского скола, угол наклона к фронту составляет 40° .

Четыре одноплощадочных односторонних нуклеуса системы леваллуа, первый, клиновидной формы, размерами 123x69x71 мм. Ударная площадка скошенная, трехфасеточная выпуклая, трапециевидная, размерами 63x53 мм, угол наклона к фронту составляет 55° ; второй для снятия отщепов, округлой формы, размерами

98x100x77 мм. Ударная площадка трехфасеточная вогнутая, четырехугольная, размерами 64x76 мм, угол наклона к фронту составляет 85° ; третий, трапециевидный, размерами 68x99x45 мм, для снятия отщепов; четвертый, четырехугольной формы, размерами 87x135x50 мм. Ударная площадка – сердцевидная (117x35 мм), прямая, продольно подправленная, угол наклона к фронту составляет 60° .

Нуклеус системы леваллуа для отщепов, трехгранной формы, размерами 56x62x33 мм. Фронт треугольный, подготовлен сколами. Ударная площадка ромбовидная 43x27 мм, двухфасеточная срединновыпуклая асимметричная. Угол наклона к фронту составляет 80° .

Нуклеус системы леваллуа поперечный, трехгранной формы размерами 62x83x29 мм. Фронт треугольный, выпукло-вогнутый, подготовлен одним сколом с правого края, с ударной площадки имеются негативы трех сколов. Ударная площадка – узкая грань, с забитостями, сработанный.

Двухплощадочный двусторонний поперечный нуклеус, размерами 58x110x29 мм. Первый фронт S-видный, с тремя сколами снятия с ударной площадки, первая ударная площадка – четырехфасеточная выпуклая линзовидная, размерами 100x30 мм, угол наклона к первому фронту составляет 50° . Второй фронт – S-видный, двухфасеточный срединно-выпуклый симметричный. Вторая ударная площадка – трехфасеточная прямая, вогнутая, линзовидная, размерами 88x19 мм, угол наклона к фронту составляет 50° .

Два одноплощадочных односторонних нуклеуса призматической системы, первый, незаконченный, размерами 103x72x50 мм. Фронт занимает 50% периметра (+левый край) с негативами пяти пластин, остальные три неудачные. Ударная площадка оформлена двумя сколами, прямая, размерами 71x50 мм, правая часть подработана с контрфронта и фронта по кромке окаймляя площадку, угол наклона к фронту составляет 85° ; второй нуклеус, размерами 91x84x86 мм. Ударная площадка выпуклая очищена от корки, с тремя сколами от кромки фронта, трехфасеточная грубоподправленная, размерами 97x87 мм, угол наклона к фронту составляет 45° .

Призматический нуклеус, размерами 104x58x82 мм. Фронт занимает 100% периметра, негативы восьми пластин. Ударная площадка трехфасеточная выпукло-вогнутая, размерами 83x58 мм, угол наклона к фронту от 70 до 80° .

Призматический одноплощадочный микронуклеус для пластин конусовидной формы, размерами 51x33x29 мм. Фронт занимает 50% края, с негативами десяти пластин, контрфронт – выпуклый, трехгранный. Ударная площадка – тонкоподправленная прямая, округлой формы, размерами 33x33 мм, образует угол в 80° к фронту.

Нуклеус-скребок, трехгранной формы, размерами 44x30x40 мм. Фронт выпуклая грань с тремя поперечными сколами уплощающими фронт, контрфронт – S-видный, с противоположащей чешуйчатой глубокой крупной отвесной ретушью – лезвие скребка. Ударная площадка – изогнутая, трехфасеточная прямая, трапециевидной формы, размерами 37x30 мм, угол наклона к фронту составляет 80°.

Интересен триэдр, четырехгранной формы размерами 67x131x77 мм. Ударная площадка не подготовлена, первая сторона выпуклая, с негативами конвергентных сколов, вторая сторона выпуклая более узкая с негативами четырех конвергентных сколов. Края выпуклые, с негативами параллельных сколов с первой стороны, у второго края подправка со второго торца.

Заготовок нуклеуса меньше (27,3%), представлены следующими типами:

- две заготовки нуклеусов системы леваллуа для отщепов, первая массивная, трехгранной формы, размерами 144x165x149 мм. Ударная площадка – треугольная, размерами 144x161 мм, 20% по трещине скошенная к контрфронту, 80% поверхности подработана шестью сколами с кромки фронта, образуя угол наклона с фронтом 80°. Хорошая заготовка, в качестве фронта скалывания можно использовать несколько площадок. Вторая, овальной формы, размерами 78x50x32 мм. Ударная площадка прямая, образована двумя сколами, трапециевидной формы, размерами 40x25 мм, угол наклона к фронту составляет 50°;

- две заготовки нуклеусов призматической системы, первый трехгранной формы, размерами 55x62x100 мм. Ударная площадка гладкая, подготовлена одним сколом, треугольная, размерами 58x56 мм, угол наклона к фронту составляет 50%. Вторая пирамидальной формы, размерами 82x52x50 мм. Ударная площадка вогнутая образована одним снятием, треугольной формы 43x33 мм, угол наклона к фронту составляет 50°;

- заготовка двухплощадочного одностороннего нуклеуса(?), четырехгранной формы, размерами

101x57x52 мм. Первая ударная площадка образована одним сколом, трапециевидная вогнутая, размерами 36x35 мм, угол наклона к фронту составляет 50°. Вторая ударная площадка трапециевидная, сколы не читаются, размерами 41x50 мм, угол наклона к фронту составляет 80°;

- заготовка одностороннего одноплощадочного нуклеуса трехгранной формы, размерами 76x65x42 мм. Ударная площадка трехфасеточная прямая, ромбовидной формы, размерами 63x45 мм, угол наклона к фронту составляет 80°. Края выпуклые ребра с обратной чешуйчатой крупной распространенной крутой ретушью.

В серии четыре преформы, первая призматическая, размерами 72x59x39 мм, вторая плохо определяемая, четырехгранной формы, размерами 81x56x53 мм; третья призматическая, размерами 59x60x64 мм; четвертый нуклеидный обломок трехгранной формы, размерами 85x54x35 мм.

Таким образом, о технике раскалывания можно судить по сравнительно немногочисленным нуклеусам, заготовкам и обломкам нуклеусов.

В среднедефлированной серии часть нуклеусов представлена нуклеусами системы леваллуа (37,5%), единичны призматические нуклеусы, торцовые, нуклеус-скребло. Заготовки нуклеусов представляют две техники расщепления – призматическую (42,9%) и систему леваллуа (42,9%), один экземпляр является заготовкой протопризматического нуклеуса.

Слабодефлированная серия более представительна. В коллекции 14 целых нуклеусов, из которых больше половины изготовлены в технике леваллуа (57,1%), единичны оригинальные типы, например «триэдр», призматическая техника представлена двумя нуклеусами для пластин, микронуклеусом и нуклеусом-скребком. Заготовки нуклеусов равнозначно распределены между заготовками системы леваллуа (33%), призматической системы (33%) и переходных типов (33%).

На памятниках Айтеке би 1-12 преобладает леваллуазская и призматическая системы раскалывания, характерны преимущественно для средне- и слабодефлированной серии. В слабодефлированной серии происходит заметное увеличение призматической техники раскалывания. Типологически материал относится к раннему и позднему палеолиту и находит параллели в индустрии стоянок-мастерских Аккыр 1-4 в Восточном Приаралье и Аральск 1-3, Акеспе на севе-

ро-восточном побережье Аральского моря². Тех-
нико-типологическая характеристика орудийно-
го набора стоянок-мастерских Айтеке би 1-12
подтверждает данную связь³.

Резюме

Шығыс Арал маңайындағы тұрақтардың құрал-жаб-
дық жинақтарының алғашқы өңдеу техникасы жүйелен-
ген. Құралдардың сақталу дәрежесіне қарай жабдықтар
үш түрге бөлінген. Олардың маңыздылары, яғни орташа

және жақсы сақталған түрлері леваллуаздық және при-
зматикалық өңдеу жүйелеріне сәйкес келеді.

Summary

The article analyzes the technics of initial split referring to
the Southern Aral site according to the exploration data. The
samples were divided into three types with regard to the level
of preservation. The most information supported ones are
averagely and slightly ruined types which are mainly presented
by levaluese and prismatic split systems.

Таблица. Первичное расщепление на стоянках-мастерских Айтеке би 1-12

	Сильнодефлир ованная серия	Среднедефлир ованная серия	Слабодефлиро ванная серия
Нуклеусы:			
Призматические		1	2
Торцовые		1	
Леваллуазские		2	7
Радиальные		1	1
Другие			1
Микронуклеус для пластин			1
Нуклеусы-орудия триэдр		2	1
Заготовки нуклеусов:			
Призматические		3	2
Протопризматические		1	
Леваллуазские		3	2
Другие	2	1	2
Преформа	1	1	2
Обломки нуклеусов		2	
Итого	3	18	22

² Артюхова О.А. Палеолитические памятники Северного Приаралья // Современные проблемы геоэкологии и созоло-
гии. Алматы, 2001. - С.169-172; она же. Местонахождения каменного века в Северном и Восточном Приаралье. Отчет о
полевых работах 1984 г. Алма-Ата, 1986.

³ Материалы представлены выборочными сборами с поверхности, необходимо проведение сплошных сборов на памят-
никах для получения достоверных и более точных данных.

А.А. ГОРЯЧЕВ, Ю.А. МОТОВ

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА БУТАКТЫ-I НА ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ОКРАИНЕ ГОРОДА АЛМАТЫ В 2008 ГОДУ

Археологический комплекс Бутакты-I расположен на юго-восточной окраине г. Алматы, в 500 м к юго-востоку от 9 км трассы в урочище Медео. Территория памятника представляла собой ровную террасу правого берега реки Жарбулак (Казачка), протяженностью 1,5-2 км и шириной до 1 км, упирающуюся в отроги северного склона хребта Заилийского Алатау. Еще в середине XX века эта территория была активно застроена жилыми домами и садами, в результате чего основная часть археологического комплекса безвозвратно погибла. Сохранилась лишь его западная часть в виде уплощенного холма, доминирующего над близлежащей местностью, отсеченного крутым и глубоким оврагом. Именно на этой площадке длиной 200 м и шириной до 50 м были зафиксированы остатки погребальных сооружений и фрагменты поселенческой керамики.

Памятник был обнаружен в 1996 году и находился в аварийном состоянии в результате хозяйственно-строительной деятельности. Поэтому в сезонах 1997-1998 гг. сотрудниками Института археологии МОН РК были произведены аварийно-спасательные археологические изыскания с целью определения времени функционирования комплекса. В результате раскопок были выявлены два погребения сарматского(?) и одно погребение тюркского времени¹. На глубине до 2 м ниже уровня погребений было найдено жилище эпохи бронзы². В сезонах 1996-1999 гг. на археологическом комплексе Бутакты-I были проведены в основном аварийно-спасательные и рекогносцировочные раскопки. В 2003-2004 гг. в составе Алматинской комплексной археологической экспедиции (руководитель – д.и.н. Байпаков К.М.) начаты планомерные археологические исследования: снят топографический план сохранившегося участка, обследованы аварийные погребения в южной части

и заложен раскоп на жилище эпохи бронзы в центральной части участка³.

В результате исследований расчищено одно жилище эпохи бронзы и стоянка раннего железного века над ним, выявлено и обследовано 30 погребений раннего железного века и раннего и развитого средневековья. Выяснено, что данный комплекс с перерывами функционировал на протяжении более чем двух с половиной тысяч лет, что делает памятник особо ценным при изучении ранней истории Алматы⁴.

Рис. 1. Топографический план археологического комплекса Бутакты-I

¹ Мотов Ю.А. Отчет о полевых исследованиях за 1997 год // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана.

² Горячев А.А. Отчет о полевых исследованиях экспедиции по изучению памятников эпохи бронзы за 1997, 1998 гг. // Архив Института археологии им. А. Х. Маргулана, с.20-24.

³ Горячев А.А. Отчеты о полевых исследованиях Коктобинского отряда Алматинской комплексной археологической экспедиции за 2003, 2004 гг. // Архив Института археологии им. А. Х. Маргулана.

⁴ История Алматы. Алматы, 2006. Т.1. С. 71-77; Горячев А.А. Археологические памятники комплекса Бутакты-I на юго-восточной окраине города Алматы // Известия НАН РК. Серия общественных наук. №1. Алматы, 2006. С. 45-59.

Рис. 2. План раскопа стоянки раннего железного века на комплексе Бутакты-I в полевом сезоне 2008 года

В сезонах 2007-2008 гг. в связи с угрозой полного уничтожения памятника проведены аварийно-спасательные исследования на сохранившемся участке комплекса Бутакты-I. Материалы исследований 2007 года представлены авторами в публикации⁵. Раскопками полевого сезона 2008 года охвачены участки поверхности к западу от основного раскопа, где зафиксированы остатки стоянки раннего железного века и серия захоро-

нений раннего железного века и средневековья. Общая площадь раскопок составила 256м² (рис. 1). Результатам этих работ и посвящена настоящая статья.

1.1. Стоянка раннего железного века

В полевом сезоне 2007 года были расчищены частично конструкции жилища 2 турлучного типа в центральной части памятника. Раскопком

⁵ Горячев А.А., Мотов Ю.А. Результаты исследований археологического комплекса Бутакты-I на юго-восточной окраине города Алматы в 2007 году // Известия НАН РК. Серия общественных наук. №1. Алматы, 2008. С. 67-82.

2008 года охвачено пространство к западу от данного жилища, что позволило полностью открыть его конструкции вместе с прилегающим к нему двором и находившимися на его территории хозяйственными постройками. Жилище и хозяйственные постройки стоянки раннего железного века определяются по остаткам хозяйственных ям под каркасно-столбовые конструкции дома и небольшим каменным выкладкам для хозяйственных нужд, а также концентрации фрагментов керамики и костей животных.

Анализ стратиграфической ситуации позволяет предположить, что полы жилищ зафиксированы нами в виде светлого гуммированного суглинка. Этот слой явно содержит следы просеянной глины, которая являлась основным строительным материалом жилищ раннего железа в предгорной и в горной зонах хребта Иле-Алатау. Планиграфически этот слой не выходит за рамки ямок для опорных каркасно-столбовых конструкций и явно выровнен и сохраняет следы устройства жилища в виде каменных выкладок и хозяйственных ям как внутри, так и за его пределами.

Уровень древней поверхности стоянки раннего железного века находится на глубине 70-100 см от современного уровня. Культурный слой с находками этого времени составляет около 40 см (горизонты ВС – 86-100 см и С1 – 100-150 см), что говорит о длительном использовании этой территории в качестве поселения⁶. Кроме того, находки фрагментов керамики, каменных изделий и костей животных встречаются в переотложенных слоях верхних горизонтов.

Жилище 2 обнаружено в западной части раскопа в квадратах Д-3, Д-4, Ж-3 и Ж-4. Южная часть конструкции разрушена более поздними средневековыми погребениями 16, 20, 21 (рис. 2). Жилище представляло собой заглубленную наземную стоянку юртообразной формы. Для ее устройства подготовлена площадка округлой формы, диаметром около 7 м и глубиной 20 см. По окружности размещались опорные столбы, диаметром от 10 до 20 см, которые вкапывались на глубину 20-30 см. В центре жилища устанавливались две центральные опорные столбовые конструкции, которые делили пространство жи-

лища на две половины. Затем площадка заливалась раствором жидкой просеянной глины с песком и органическими добавками (возможно кизяка или соломы).

Конструкции стен и крыши не определяются, хотя по материалам раскопок можно предположить, что их основу составляли каркасы из жердей и прутьев. Стены тщательно штукатурились глиняным раствором. Крыша, вероятно, имела конусовидную форму и накрывалась кошмой или шкурами животных. Под полом в центральной части жилища, к востоку от центральной конструкции южного опорного столба, обнаружено захоронение ребенка младенческого возраста, описанного ранее⁷. От центральных опорных столбов прослеживаются ямки столбовых конструкций, которые, вероятно, разделяли жилище на две части – западную и восточную.

В южной части жилища найдено углубление округлой формы, диаметром около 70 см и глубиной 10 см, которое могло использоваться для хранения продуктов. В северной части жилища зафиксирована хозяйственная ямка овальной формы, размерами 40x20 см и глубиной около 20 см. Западная сторона жилища насыщена большим количеством мелких и средних по размерам ямок, которые, вероятно, фиксируют устройство внутренних хозяйственных приспособлений. Вход в помещение обозначен с западной стороны прерыванием ямок под столбовые конструкции жилища. Следов очага внутри жилища не найдено, что дает основание соотнести его с юртообразными сооружениями.

Перед входом в жилище с западной стороны отмечена выровненная площадка, размерами 4x4 м. С южной и западной сторон ее фиксируются мелкие ямки. Они, вероятно, обозначают остатки ограждения хозяйственного двора в виде плетня. Его общие размеры и форма не устанавливаются из-за недостаточно раскопанной территории памятника. В южной части жилища, так и в центральной части двора обнаружены средневековые захоронения, которые значительно разрушили более древние жилые постройки. Предположительно, ограждение было расположено к западу и северу от жилища, составляя в ширину около 6 м

⁶ Токсеитова Г.А. Реконструкция условий природной среды формирования почв в эпоху бронзы, в раннем железном веке и в древнетюркский период на юго-востоке Казахстана и особенности погребенных почв на примере поселения Бутакты (г. Алматы) по микроморфологическим данным // Отчет о полевых исследованиях Алматинской комплексной археологической экспедиции в сезоне 2004 года. Алматы, 2005. С. 153-155.

⁷ Горячев А.А., Мотов Ю.А. Результаты исследований археологического комплекса Бутакты-1 на юго-восточной окраине города Алматы в 2007 году. // Известия НАН РК. Серия общественных наук. №1. Алматы, 2008. С. 72, рис.5.

и в длину около 10 м. Вход во двор располагался возле жилища с южной стороны. Там же у входа обнаружены в раздавленном состоянии две глубокие керамические чашки.

С северной стороны жилища найдены ямки (20-30 см в диаметре), внутри которых зафиксированы крупные фрагменты битой керамической посуды и фрагменты костей животных. В 6 м к северу от жилища зафиксированы остатки тандыра. Тандыр представлял собой глинобитное сооружение, заглубленное в грунт на глубину до 30 см. В основании он составлял около 1 м в диаметре, а в высоту – до 70 см. На дне тандыра обнаружено значительное количество костей мелкого и крупного рогатого скота, некоторые из которых были значительно обожжены.

Аналоги юртообразных жилищ поселения Бутакты-1 отчасти прослеживаются в материалах стоянок финальной бронзы и раннесакского периода из верховьев ущелья Тургень⁸. Однако, у древних жителей нашего поселения отсутствует традиция плотно утрамбовывать полы стоянок глиной с целью защитить жилище от грунтовых вод, как, например, в верховьях ущелья Тургень, или обозначать контуры жилища каменными конструкциями, как в степной и предгорной зоне Семиречья⁹.

Более отдаленные аналогии жилищ Бутакты обнаруживаются в юртообразных постройках Цимлянского городища и городища у хутора Крымский в долине реки Дон (Восточная Европа) в раннем средневековье¹⁰, где они отмечаются как «переходный временный» тип жилья. Несмотря на серьезную хронологическую разницу, близость технологических приемов обустройства таких жилищ дает нам основание предположить, что на поселении Бутакты-1 были устроены стационарные жилища «турлучного» типа. Их происхождение связывается специалистами с процессом становления и развития различных форм кочевого скотоводства на территории Центральной Азии. Формирование наземных юртообразных жилых построек на данной территории начинается с периода финальной бронзы и завершается к середине I тысячелетия до н.э.¹¹.

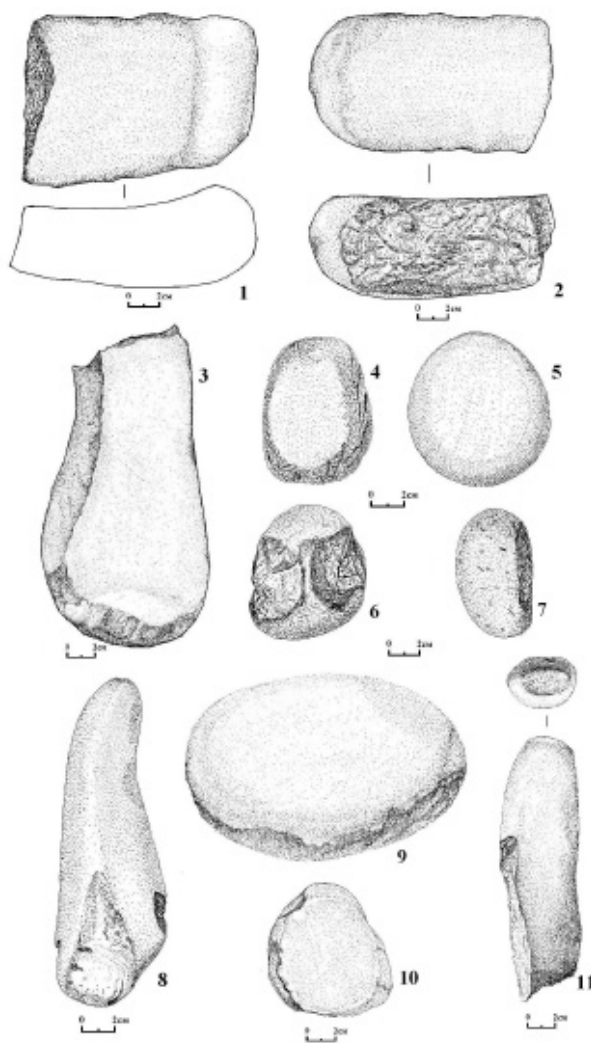

Рис. 3. Каменные изделия и орудия труда из слоя стоянки раннего железного века на комплексе Бутакты-1

Вещевой инвентарь стоянки раннего железного века представлен коллекцией каменных орудий труда (свыше 50) и фрагментами керамической посуды (около 1000 экземпляров). Костяные инструменты в материалах этого полевого сезона не обнаружены. Более того, на территории стоянки раннего железного века кости животных кроме специальных хозяйственных ям встречаются редко. Принадлежали они баранам, коро-

⁸ Горячев А.А. Отчет о полевых исследованиях Тургеньского и Коксуйского отрядов Семиреченской археологической экспедиции (САЭ) за 2002 год // Архив Института археологии им. А. Х. Маргулана МОН РК. Алматы, 2003. С.9; Горячев А.А. Археологические исследования жилищ горной бронзы Заилийского Алатау // Материалы международной научной конференции «Кадырбаевские чтения-2007». Актобе, 2007. С. 39.

⁹ Байпаков К.М., Марьяшев А.Н., 2001. Новые данные по изучению поселений эпохи раннего железного века в Жетысу // Известия МОН РК НАН РК. Серия общественных наук. №1, рис.1,2,7.

¹⁰ Флёргов В.С. Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. М., 1996. Рис. 2,6.

¹¹ Вайнштейн И.В. Мир кочевников Центральной Азии. М., 1991. С. 57.

вам, лошадям, зайцу и собакам. Судя по степени стертости зубов и отсутствию эпифизов установлено, что среди баранов, коров и лошадей были особи разных возрастов: от молодняка до очень старых. Наиболее многочисленной группой среди остеологического материала жилища в целом являются фрагменты костей мелкого рогатого скота (39%), затем следуют костные останки крупного рогатого скота (29%). В оставшейся части представлены останки лошади (21%). Около 8% составляют кости собак. Преобладание костей мелкого рогатого скота является характерной чертой комплекса.

Среди многочисленных каменных изделий в верхних слоях раскопа встречаются фрагменты каменных зернотерок и их курантов, пестообразные изделия, каменные лошала, терочки, крышки и изделия яйцевидной формы (рис. 3). Всего определимых орудий труда и предметов хозяйственного назначения около 30.

Наиболее массивные фрагменты по размерам (11 экз.) относятся к каменным зернотеркам и фрагментам курантов. Они выполнены из камней крупнозернистой структуры, имеют форму вытянутого овала, в сечении прямоугольной или трапециевидной формы. С двух боковых сторон камни обычно были оббиты или шлифованы. Следы сработанности носит верхняя уплощенная рабочая поверхность. Все изделия этой группы найдены во фрагментарном состоянии, их общие размеры не устанавливаются. В основном для их изготовления использовались камни длиной до 30-35 см, шириной до 10 см и толщиной до 4-5 см.

Малочисленную серию изделий составляют песты-молотки. От аналогичных каменных изделий жилища эпохи бронзы их отличают миниатюрные размеры. Песты-молотки изготовлены из темно-зеленого галечника мелкозернистой структуры. Имеют форму узкого вытянутого овала, в сечении овально-прямоугольной формы. Торцевые стороны уплощены, со следами сработанности. Размеры орудий – около 17х 6 см.

Интерес вызывает находка каменной пластины темно-зеленого цвета мелкозернистой структуры. Пластина овальной формы, размерами

9,5х3 см, в сечении конусовидной формы. Нижняя рабочая поверхность заострена и сильно сработана. Ручка не обнаружена. Возможно, пластина играла только роль лезвия ножа.

Достаточно часто в слое стоянки встречаются каменные изделия, выполненные преимущественно из гальки крупнозернистой и мелкозернистой структуры. Формы этих видов орудий труда разнообразны: овальные, прямоугольные, каплевидные, трапециевидные, цилиндрические и другие. Их объединяют схожие следы сработанности на рабочих поверхностях, оставшиеся в результате длительного трения, что позволяет нам определить их как лошала или терочки.

Обнаружено 14 предметов округлой и яйцевидной форм, которые были изготовлены из темного серо-зеленого камня мелкозернистой структуры или светло-серого камня крупнозернистой структуры. В сечении чаще всего округлой или овальной форм. Размеры варьируются от 3 до 6,5 см в диаметре или размерами от 3х2 см до 6,5х7,5 см. Торцевые стороны слегка уплощены, со следами сработанности. Они могли использоваться как молоточки.

Также найдена серия массивных камней со следами использования. Они различной конфигурации – округлой, овальной, прямоугольной, треугольной и других. Общей чертой этих орудий труда является наличие ровной плоскости на одной из граней камня, которая использовалась как рабочая поверхность. Они определяются нами как наковальни. Данную группу каменных орудий труда атрибутировать достаточно сложно, так как она представляет широко распространенные бытовые инструменты, которые не имеют каких-либо дополнительных отличительных признаков. В силу этого их характеристика в научной литературе редко присутствует, хотя среди поселенческих находок в Центральной Азии они составляют значительную серию, начиная с эпохи неолита. По имеющимся у нас данным следует отметить, что подобный набор инструментов в Жетысу характерен для поселков ремесленников и скотоводов в горной зоне Заилийского и Джунгарского Алатау от эпохи бронзы до раннего железного века¹².

¹² Байтаков К.М., Марьяшев А.Н., 2001. Новые данные по изучению поселений эпохи раннего железного века в Жетысу // Известия МОН РК НАН РК. Серия общественных наук. №1, рис. 8; Горячев А.А. Отчет о полевых исследованиях Тургенского и Коксуйского отрядов Семиреченской археологической экспедиции (САЭ) за 2001 год // Архив Института археологии им. А. Х. Маргулана МОН РК. Алматы, 2002. рис. 4; Горячев А.А. Отчет о полевых исследованиях Тургенского и Коксуйского отрядов Семиреченской археологической экспедиции (САЭ) за 2002 год // Архив Института археологии им. А. Х. Маргулана МОН РК. Алматы, 2003. Рис. 12; Goryachev, 2004. «CHARTER IV. The Bronze Age Archaeological Memorials in Semirechie // Metallurgy in Ancient Eastern Eurasia from the Urals to the Yellow River. New York, USA. 2004. Figure 4.7.: 21-23,26,27.

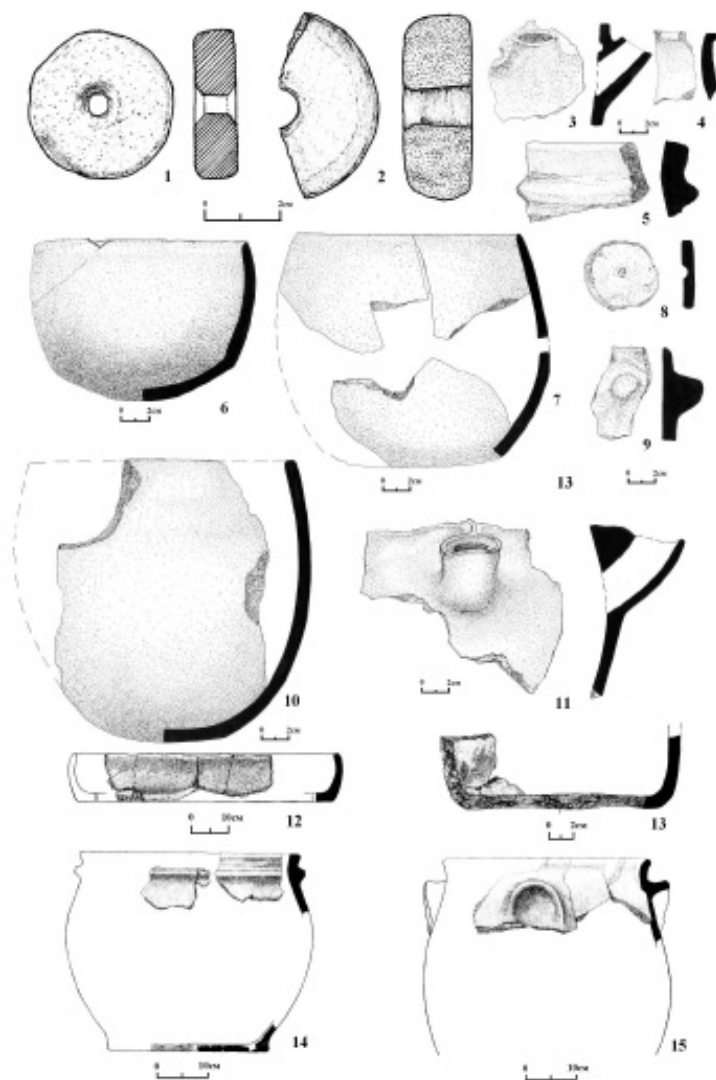

Рис. 4. Фрагменты керамической посуды и глиняные изделия из слоя стоянки раннего железного века на комплексе Бутакты-I

Следы *металлургического производства* из слоя стоянки раннего железного века представлены куском железорудного шлака.

Глиняные изделия и керамика. Наиболее значительную и многочисленную серию находок на стоянке раннего железного века комплекса Бутакты-I составляет керамика. Всего было обнаружено свыше 1000 фрагментов. Среди керамики, обнаруженной в слое стоянки, встречаются фрагменты кувшинов, котловидных сосудов с налепными ручками, крупных хумообразных и горшковидных сосудов, а также кружек и мисок различных размеров (рис. 4). Ряд фрагментов орнаментирован пальцевыми защипами по венчику и налепным прямоугольным валиком по шейке.

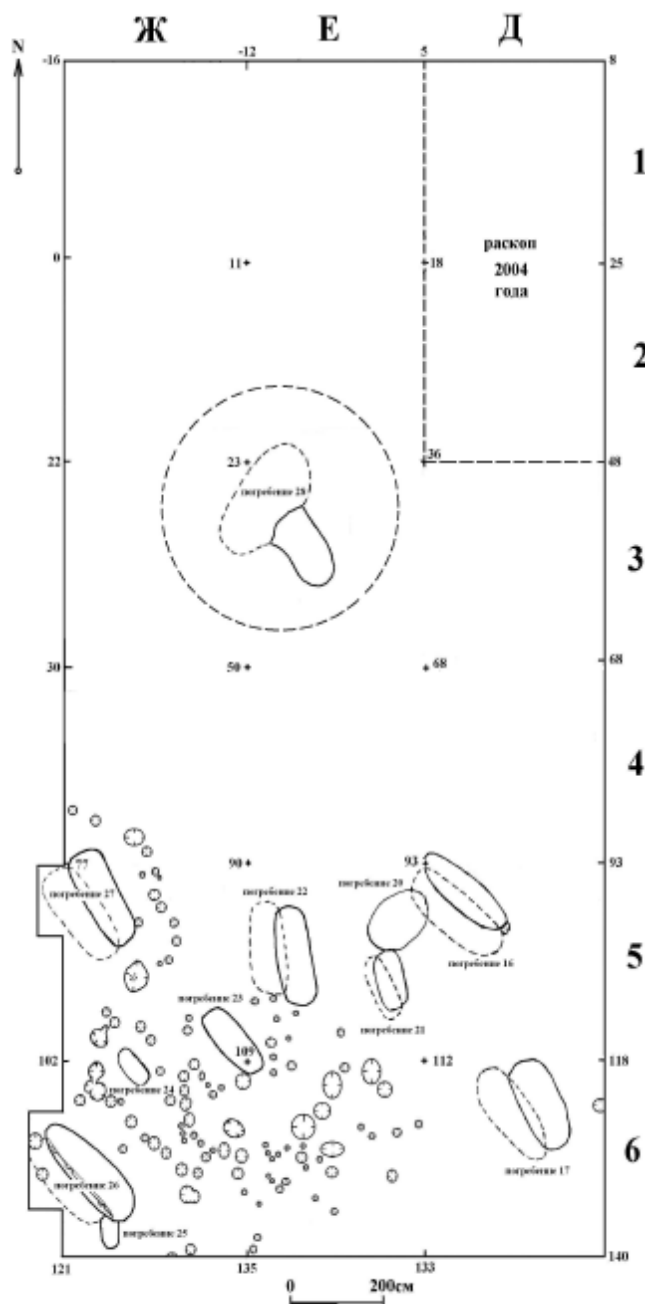
Интерес представляют найденные в хозяйственном дворе жилища фрагменты чашевидных сосудов с носиками для слива, а также много-

численные фрагменты керамической посуды различных форм, обнаруженные как внутри жилища, так и за его пределами. Из всех глиняных изделий и инструментов наиболее часто встречаются пряслица и заготовки под пряслица из фрагментов стенок керамических сосудов. Все они имеют округлую форму, диаметром от 4 до 5 см. В центре обычно высверлено отверстие, диаметром 0,5-0,8 см (рис. 4: 1, 2, 8).

Практически вся керамика в слое стоянки раннего железного века лепная, формована по шаблону на твердой основе с матерчатой перегородкой. Поверхность сосудов тщательно заглаживалась гладким инструментом.

Наиболее близкие аналогии керамике стоянки среди семиреченских материалов обнаруживаются в материалах стоянки сакского времени на археологическом комплексе Тургень-II. Близость керамических комплексов материалам

Рис. 5. План раскопа
могильника на комплексе
Бутакты-І
в полевом сезоне
2008 года

памятников сако-усуньского времени долины реки Или¹³ и горной зоны Заилийского Алатау¹⁴ позволяет соотнести данный слой с широким кругом памятников второй половиной I тысячелетия до н.э.

Почти полное отсутствие орнаментации, за исключением налепных валиков, пальцевых защипов и ногтевых вдавлений и то в редких слу-

чаях, является одной из основных характеристик этой керамики. Данные признаки сближают их со среднеазиатскими керамическими комплексами сакского времени¹⁵, датируемых преимущественно поздними этапами этого периода.

По совокупности признаков и данным стратиграфии, полученных ранее, слой стоянки ран-

¹³ Акишев К.А., Кушаев Г.А. Саки и усунь долины реки Или. Алма-Ата, 1963. Табл. XI.

¹⁴ Горячев А.А. Отчеты об археологических разведках и раскопках САЭ в полевых сезонах 2000-2003 гг. // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана МОН РК. Алма-Ата, 2001-2004.

¹⁵ Вишневецкая О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи. М., 1973. Табл. XXII, XXIII.; Яблонский Л.Т. Саки Южного Приаралья. М., 1996. Рис. 33, 34.; Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура Ферганы. М.-Л., 1962. С.170.

него железного века, исследованный в полевом сезоне 2008 года, вероятней всего, соотносится с кругом памятников позднебакского периода и датируется в пределах IV–III вв. до н.э.

1.2. Погребальные памятники

В 2008 году исследования на территории памятника Бутақты-І проводились на площади 12 квадратов, представляющих полосу длиной в 6 квадратов (№ 1-6) на линиях с индексами Е, Ж, расширяющих площадь раскопа I к западу. Прирезки были произведены в квадратах 4 и 6. На площади указанных квадратов были выявлены и исследованы 9 разновременных погребений, располагающихся относительно компактной группой в южной части раскопа. На площади раскопа выявлено, расчищено и зафиксировано большое количество ямок, значительная часть их находится рядом с могильными сооружениями: вокруг отдельных могил прослеживаются ряды ямок, следующих контуру могилы, в ряде случаев столбовые ямки «связывают» соседние могилы. При некоторых могилах ямки не зафиксированы. Ямки представляют собой следы столбовых конструкций. Нахождение ямок рядом с могилами указывает на преднамеренное их здесь размещение – это ограждения на столбовой основе.

В ходе «зеркальной» зачистки горизонтальной поверхности раскопа, вокруг нескольких могил была отмечена слоистая структура «почвы» с характерной комковатостью. Такие следы указывают на существование ранее над могилами курганных земляных насыпей (грунтовых или глиняных), впоследствии расплывшихся или распаханых, ко времени раскопок не сохранившихся.

Погребение 20 (кв. Е–5). Погребение частично разрушено, оставшаяся часть скелета расчищена и зафиксирована на отметках 50-62 см¹⁶.

Камера овальная в плане, размерами (в пределах раскопанной части) 1,45х 0,84 м.

Умершая женщина 25-30 лет¹⁷ была погребена на левом боку. Верхняя часть скелета ориентирована на запад-юго-запад. Череп лежит на левом боку. Руки «опущены», при этом сильно разведены в локтях. Ноги уложены по линии север-юг, бедренные кости обеих ног повреждены, нижняя часть скелета разрушена. Контур могилы достоверно не прослежены, у юго-восточного края могилы зафиксирован камень. Погребальный инвентарь не обнаружен.

Погребение 21 расположено в западной части квадрата Е-5. Могила подовальная в плане, подбойного типа, размерами 157х 76 см, глубина 110 см, ориентирована по оси юг-север с небольшим отклонением к западу. Подбой вырублен в западной продольной стенке, дно спускной ямы и погребальной камеры находятся на одном уровне (рис. 6: 2).

На полу погребальной камеры расчищен скелет ребенка (девочки 4-6 лет), уложенного на спине и ориентированного головой на север-северо-запад, ноги согнуты в коленях, обозначая «позу всадника». Череп поврежден, кости скелета от шейных позвонков до тазовых (включительно) и костей стоп перемещены и перемешаны. В неповрежденном состоянии зафиксированы лишь длинные кости ног. Ограблением данная ситуация не может быть объяснена. Могила имеет явные следы «обезвреживания покойного».

Среди костей погребенной найдены пять амулетов-астргалов барана (рис. 8: 11-15), три из них найдены у дна спускной ямы: по краям и в центре; два других лежали на дне погребальной камеры – за головой и «в ногах». Все астргалы имели сквозные отверстия – для подвешивания. Среди перемешанных костей скелета обнаружены шейные позвонки, возможно, зайца, почти все (кроме одного) с отверстиями для подвешивания (рис. 8: 17-21).

На полу слева от черепа расчищена галечка овальной формы. «В ногах» на полу, на одной линии с астргалом найдена бронзовая монета с отверстиями для подвешивания. Несколько восточнее, у дна спускной ямы, находился бронзовый амулет с антропоморфным изображением и обломанной петелькой. Еще один предмет – каменная «глазчатая» бусина – обнаружен у пятчатых костей ног.

Амулет-галечка овальной формы, размерами 27,6 х 18,1 х 13 мм, предположительно из розового кварца. Следов обработки не обнаружено (рис. 8: 9).

Каменная бусина «с глазком», диаметром 10,6-11 мм, шириной 4,8-6,1 мм, с отверстием около 5 мм была выточена из темно-коричневого непрозрачного камня с белыми прослойками. «Глазок» обозначен на ободке бусины со стороны его максимального утолщения (рис. 8: 10).

Бронзовая подвеска изготовлена из монеты фельса правильной окружности, диаметром 27,65 мм, толщиной 0,6 мм¹⁸ (рис. 8: 22).

Бронзовый амулет-подвеска (30,2х 20 мм) толщиной 1,5 мм, с выпуклым изображением чело-

¹⁶ В тексте глубинные отметки даются от уровня дневной поверхности.

¹⁷ Здесь и далее половозрастные определения принадлежат антропологу А. И. Исмагуловой.

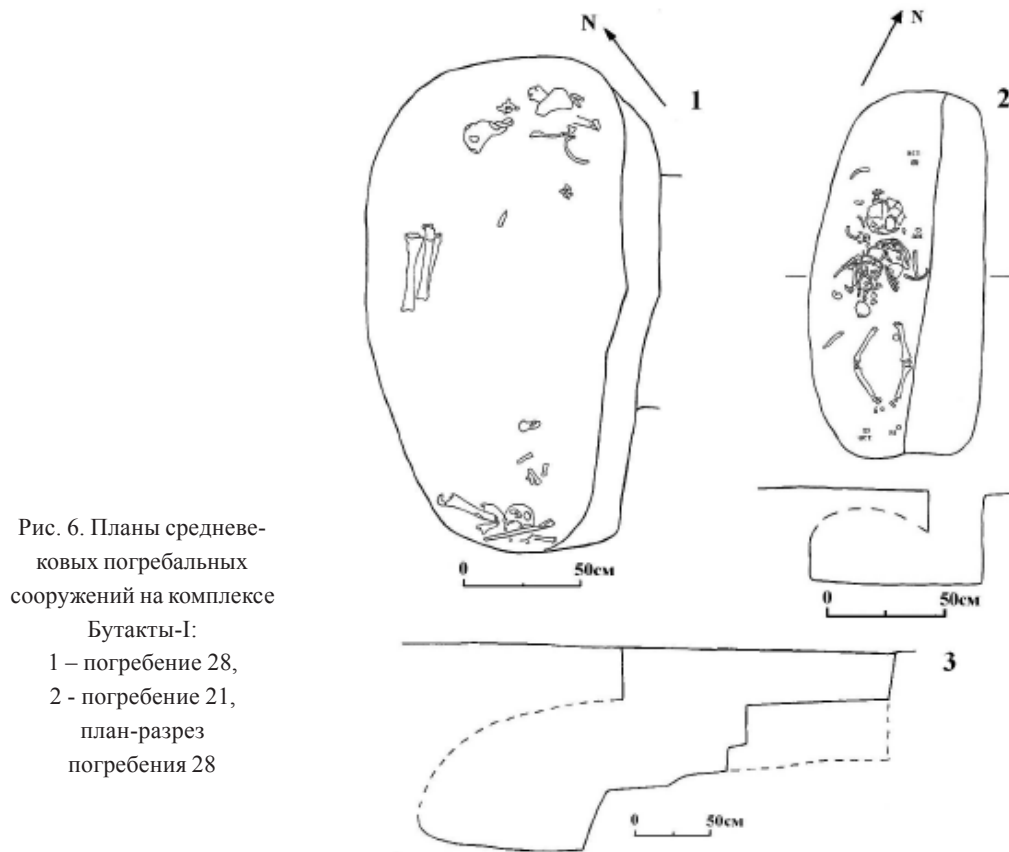

Рис. 6. Планы средневековых погребальных сооружений на комплексе Бутакты-I:
1 – погребение 28,
2 - погребение 21,
план-разрез погребения 28

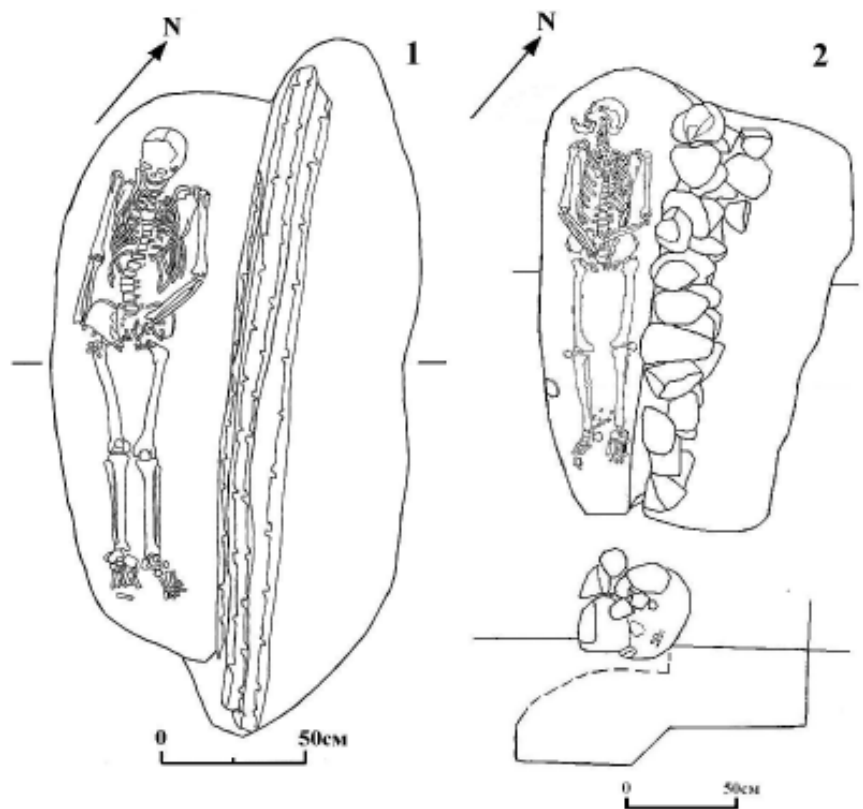

Рис. 7. Планы средневековых погребальных сооружений на комплексе Бутакты-I:
1 – погребение 25,
2 - погребение 27.

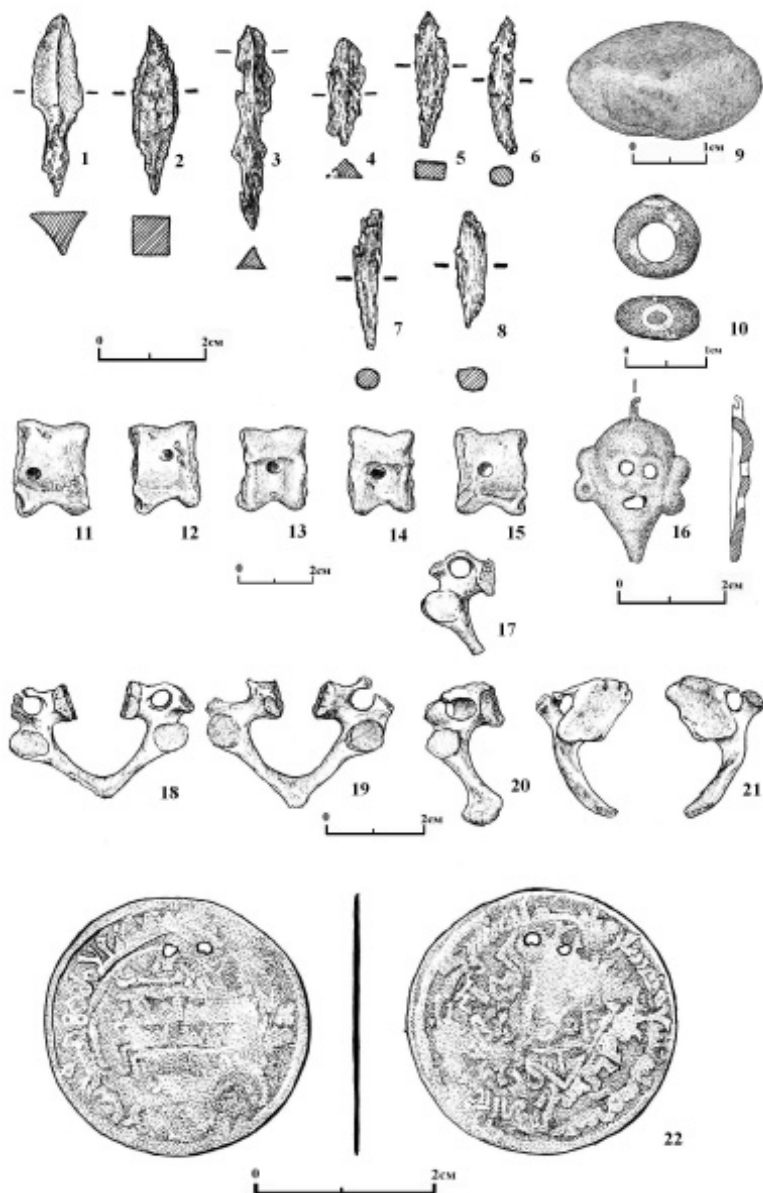

Рис. 8. Вещевой инвентарь из средневековых погребений на комплексе Бутакты-I:
 1-8 -погребение 28,
 9-22 – погребение 21;
 1- 8 – железо,
 9,10 – камень,
 11-15, 17-21 - кость,
 16,22 – бронза

веческого лица с клиновидной бородой. Отливка грубая, черты лица выполнены небрежно. Петелька сломана (рис. 8: 16).

Погребение 22 расположено в центральной и восточной части квадрата Е-5. Могила подбойного типа. Спускная яма подтрапцевидная в плане, размерами 164х61 см, вытянута по линии Ю-С. Дно спускной ямы имеет значительный уклон (-116-134 см) в сторону подбоя, вырубленного в западной продольной стенке ямы.

Погребальная камера подтрапцевидная в плане, со скругленными углами, размерами 167х87 см, имеет пол, понижающийся к западной стенке, до глубины 161 см.

На полу погребальной камеры расчищено погребение мальчика-подростка 14-15 лет, уложенного в вытянутом положении на спине, с руками, положенными вдоль туловища, ориентированного головой на север-северо-восток.

Кости скелета находятся в положении, близком к естественному, при этом: отсутствуют кости кистей рук; кость правого предплечья и кость грудины - оказались перемещенными к стенке камеры. Предметов погребального инвентаря не обнаружено.

Погребение 23 расположено на стыке квадратов Е /Ж-5/6. Могила представляет собой яму с прямыми стенками, подовальную в плане, разме-

¹⁸ Бронзовая монета - фельс, чекан Ферганы 359 г.х. (соотв. конец 969- осн. часть 970 г.н.э.) от имени Саманида Мансура I б. Нуха. Определение В.Н.Настича.

ры 158x43 см. На дне ямы, на глубине 94 см расчищен скелет молодой женщины 16-18 лет, погребенной в вытянутом положении на спине. Кисти рук ее сложены на тазовых костях. Погребенная ориентирована головой на север-северо-запад. Голова зафиксирована в легком повороте вправо, к юго-западу. Кости скелета находятся в положении, близком к естественному. Сопроводительного инвентаря нет. Могила окружает «кольцо» из вереницы ямок, явно связанных с ограждением - оградой.

Погребение 24 расположено на стыке квадратов Ж-5 и Ж-6 и представляет собой погребение ребенка 3-5 лет, совершенное на глубине 0,8 м. Костяк младенца фиксируется в вытянутом положении на спине, головой ориентирован в северо-западном направлении. Предметов погребального инвентаря не обнаружено. Выявлен ряд ямок, от столбовых конструкций типа ограды, прямоугольной в плане, вытянутой по линии юго-восток – северо-запад, заключающей погребение.

Погребение 25 расположено на стыке квадратов Ж /3-6/. Могила подбойного типа. Узкая длинная спускная яма, вытянута в направлении с ЮЮВ на ССЗ на 2,4 м, при ширине 0,57 м. В юго-западной продольной стенке вырублен подбой, дно которого ступенькой в 16см понижается от уровня дна спускной ямы. Погребальная камера в плане стопообразна, длина ее – 2,02 м, ширина – до 0,79 м. Вход в подбой закрыт двумя широкими и длинными плахами-горбылями расколотого ствола (тянь-шаньской ели), установленными в положении «на ребро».

На дне погребальной камеры, на глубине 1,31 м, расчищен скелет мужчины 18-20 лет, погребенного в вытянутом положении на спине (рис. 7: 1). Руки его положены вдоль туловища, кисти рук сложены на тазовых костях. Головой погребенный ориентирован на северо-северо-запад, лицевая сторона обращена на юго-запад. Предметных находок нет.

Погребение 26 расположено в юго-западной части квадрата Ж-6/. Погребение было совершено в яме с прямыми стенками, овальной в плане. Прослежена южная часть погребальной ямы на протяжении до 0,9 м, шириной до 0,37 м. Судя по положению ног, расчищенных на глубине 0,8 м, погребенная женщина 25-35 лет, уложена вытянуто на спине, головой ориентирована на север-северо-восток. Погребение было уничтожено при устройстве могилы погребения 25.

Погребение 27 расположено на стыке квадратов Ж /3 - 4/5. Могила подбойного типа. Спускная яма подтрапезиевидная в плане размерами 1,97x0,73 м. В юго-западной продольной стен-

ке вырублен подбой стопообразный в плане. Подбой закрыт каменным закладом из валунов.

На дне подбойной камеры, на глубине 1,47 м, расчищен скелет мужчины 40-45 лет, погребенного в вытянутом положении на спине. Руки его положены вдоль туловища, кисти рук сложены на тазовых костях. Головой погребенный ориентирован на северо-запад, лицевая сторона черепа обращена на юго-запад, нижняя челюсть отвалилась и перевернулась (рис. 7: 2).

«В ногах» погребенного помещены кости птицы: ребро – между берцовой костью правой ноги и стенкой, трубчатая кость и позвонок – между пяточных костей.

В горизонтальной зачистке выявлены столбовые ямки, замыкающие пространство вокруг могилы с восточной стороны. С юго-восточной стороны расчищена жертвенная ямка диаметром 0,5 м, отстоящая от каменной заставки подбоя на 0,5 м. В ямке, с округлым дном, заложенной камнями, расчищено несколько фрагментированных трубчатых костей лошади и коровы.

Погребение 28 (кв. Е / Ж-2 /3). Катакомба Т-образной формы. Дромос имеет направление с ЮВ на СЗ. Длина его – 2,05 м, ширина у ЮВ края – 0,5 м, у противоположного – 1 м. В настоящее время дромос представляется ступенчатым, дно его резко понижается ко входу в камеру. В ходе расчистки отмечено, что участок дромоса, примыкающий к камере, был заполнен сильно гуммированным грунтом, конечный, юго-восточный, участок дромоса был предположительно заложен сырцовым кирпичом.

Длинная ось погребальной камеры расположена под прямым углом к оси дромоса. Пол погребальной камеры находится на 27–40 см ниже дна дромоса (рис. 6: 3).

Погребальная камера в плане стопообразна, ее размеры – 2,12x1,27 м. Вид могилы производит впечатление ограбления. На дне камеры, на глубине более 2 м, расчищены костные останки (рис. 6: 1). Погребенный – мужчина 40-45 лет, крупного роста, был положен у внутренней стенки катакомбы, вытянуто на спине, головой ориентирован в север – северо-восточном направлении. Часть костей скелета сохранилась на полу камеры, в положении близком к естественному. Другая часть костей достаточно аккуратно была удалена со своих мест. Перемещенными оказались череп, кости левого предплечья и лопатка с ключицей, кость левого крыла таза и кости кистей рук. Кости ног, за исключением левой бедренной, перемещены полностью. Перемещенные кости, в том числе и

череп, оказались у северо-восточной, юго-западной и северо-западной стенок в перемешанном слое. В перемешанном слое оказался фрагмент железного ножа и фрагменты железных наконечников стрел (рис. 8: 1-8). В то же время, на полу камеры расчищены остатки колчанного набора - несколько наконечников стрел, первоначально находившиеся у правого локтя погребенного. На правом крыле таза расчищена железная пряжка пояса.

Погребение, предположительно, определяется как воинское, при этом учитываются факты: 1. «Длинные кости очень крупные, массивные, с сильно развитым поверхностным рельефом». 2. «На левом ребре среднего уровня отмечен мечевидный нарост (на верхнем крае) – след перелома с образованием костной мозоли и прирастание края вышестоящего ребра». 3. Бронебойные наконечники стрел в колчанном наборе. Из предметных находок, составлявших погребальный инвентарь воина, не сохранилось ни единого предмета из цветных металлов. Предметы из цветных металлов из состава погребального инвентаря, не были похищены, но были изъяты из могилы в ходе «обрядов обезвреживания покойного».

Погребения 21 и 28, исследованные в этом сезоне, могут быть определены с опорой на находки монеты и наконечников стрел, как раннесредневековые, VIII–X вв., погребения 23, 25, 27 могут быть определены как раннемусульманские и отнесены к XI–XII вв.

Материалы средневековых погребений могильника Бутақты-1 могут служить пособием для изучения «обрядов обезвреживания покойного», широко практиковавшегося в Семиречье и за его пределами. Значительный интерес вызывает факт фиксации ямок- следов столбовых конструкций рядом с могилами. В случае с погребением 24 ямки расчищены и зафиксированы параллельно с могилой. В результате полевых исследований была уточнена структура средневекового могильника археологического комплекса Бутақты-1.

Таким образом, обследованные ранее поселения эпохи бронзы и зафиксированные в этом

сезоне стоянка позднесакского времени и средневековые захоронения дают возможность проследить развитие древних культур на северных склонах Заилийского Алатау на протяжении 2,5-3 тысяч лет. Это делает продолжение его изучения, учитывая угрозу его возможного быстрого разрушения и гибели как археологического памятника, особенно актуальным.

Резюме

2008 жылы далалық маусымда Бутақты-1 археологиялық кешеніндегі зерттеулер жалғастырылды. Ерте темір ғасырының тұрғын үйі, оған жалғасқан аула мен оның территориясында шаруашылық жайлары бар құрылыс толығымен аршылды. Стратиграфиясы мен заттай материалдары бойынша ол б.д.д. IV-III ғғ. даталанады.

Ескерткіштің қалың қабатын қиып өткен 9 жерлеу орны зерттелді. Жерлеу орындарының басым бөлігінде мүлік жоқ, олардың кейбірінде ерте мұсылмандық жерлеуге ұқсас белгілер жатыр, жай және ақымды қабірлердегі мәйіттің шалқасынан созылып жатуы, басының солтүстік-солтүстік-батысқа бағытталуы, бетінің оңтүстік-батысқа қарауы. 21-лақаатты және 28-катакомбалы моладан баланың (21) амулет әшекейімен және ержеткен жастағы жауынгердің (28) қару-жарақтарымен жерленген орны аршылды. Бұл жерлеу орындарынан «молаға зиян келтірмеу ғұрпының» ізі анықталды. Заттардың - қола тиын мен жебе ұштарының негізінде бұл молалар VIII-X ғғ. даталанды.

Зерттелген қола дәуірінің ерте қонысы және есепке алынған осы маусымдағы кейінгі сак уақытының тұрағы мен ортағасырлық жерлеу орындары Іле Алатауының солтүстік баурайындағы 2,5-3 мыңжыл бойындағы ежелгі мәдениет дамуын іздестіруге мүмкіндік туғызады.

Summary

Archaeological researches on archeological complex of Butakty-I were continued in a season of 2008. Architectural designs of dwelling of the Early Iron Age together with adjoining court yard and economic constructions taking place in its territory were continued excavation and it were completely open. By its stratigraphical levels, objects material they are dated to IV-III centuries BC.

There were 9 burials were investigated, that cuts thickness of cultural layers of a monument. The most part of burials were without objects, in some of them features of similarity with Early Islam burials in general - "podboi" (niche kind) tombs were traced or in position is extended on a back, orientation of body by a head to the North - Northwest, the reference of the face to the Southwest. The burial tomb # 21 is in "podboi" and 28 in a catacomb, contained burial of the child (21) with a set of amulets and the man-warrior of mature age (28) with subjects of arms. In these burials traces «a ceremony of neutralization of buried». On the basis of finds - a bronze coin and heads of arrows - these tombs are dated VIII-X centuries AD.

The epoch of bronze surveyed earlier a settlement and fixed in this season settlement of the Late-Saka time and medieval burial constructions enable to look after development of ancient cultures on a period enduring for 2,5-3 Millennia.

И.А. КУКУШКИН

КОЛЕСНИЧНЫЕ КОМПЛЕКСЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА

Появление в эпоху бронзы легкой колесницы, запряженной лошадыми, вызвало настоящий переворот в социально-экономической и духовной сфере общества. Возможность с огромной по тем временам скоростью преодолевать значительные расстояния, превосходные боевые качества сделали колесничную запряжку настоящим символом бронзового века, навсегда запечатленного в памятниках наскального искусства. Быстрота передвижения колесницы, которую можно было сравнить только с полетом птицы, стала основой мифологических представлений о летящей по небу колеснице, запряженной крылатыми конями или птицами.

Стремительное распространение пароконной колесничной запряжки на гигантской по протяженности территории, от Передней Азии и Балкано-Дунайского региона на западе до Урало-Казахстанских степей и Средней Азии на востоке, подтвержденное археологическими данными, легло в основу выделения хронологического горизонта колесничных культур, неизменным атрибутом которых стали щитковые псалии.

Думается, ключевую роль в появлении этих культур сыграл вызванный ксеротермическим периодом острый экономический кризис, охвативший оседлоземледельческие цивилизации древневосточного типа. Резкое сокращение пищевых ресурсов буквально вытолкнуло в конце III тыс. до н.э. избыточное пассионарное население Передней и Средней Азии, переориентированное в большей мере на скотоводческую деятельность,

в степные и лесостепные области северной полосы Евразии¹.

Этот миграционный всплеск хорошо согласуется с радиоуглеродными датировками погребальных и поселенческих комплексов колесничных культур. Так, судя по калиброванным значениям, время сооружения синташтинского могильника Кривое Озеро в Южном Зауралье определяется концом III тыс. до н.э.² Синхронизируется с ним и хронологически близкая позиция синташтинского поселения Аркаим³. Рубеж III-II тыс. до н.э. демонстрируют радиоуглеродные датировки ряда других синташтинских памятников⁴, а также примыкающих к ним потаповских древностей Среднего Поволжья⁵. Показательно, что в конце III тыс. до н.э. произошло ахейское вторжение в материковую Грецию. С этой первой волной грекоязычных племен связано появление на Южных Балканах боевой колесницы с запряженными в нее лошадыми⁶.

В археологических материалах этот процесс отразился в виде находок в погребениях щитковых псалиев, снабженных шипами, нередко предметов вооружения и инсигний власти. Характерны также захоронения лошадей, имитирующих колесничную запряжку. Иногда встречаются колесницы или колеса, установленные в погребальных камерах.

В Урало-Казахстанском регионе особенно значительное количество погребений с лошадыми выявлено в синташтинско-аркаимской культуре Южного Зауралья, в частности, в могильнике Синташта⁷. В петровской культуре Север-

¹ Кукушкин И.А. Андроновская общность: проблема генезиса // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Материалы II региональной научно-практической конференции. Челябинск, 2004. С.82.

² Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск, 2003. С.263.

³ Лаврушин Ю.А., Спиридонова Е.А. Основные геолого-палеоэкологические события конца позднего плейстоцена и голоцена на восточном склоне Южного Урала // Природные системы Южного Урала: Сборник научных трудов Челябинск, 1999. С.86.

⁴ Епимахов А.В. Абсолютная и относительная хронология бронзового века Урала в свете новых радиоуглеродных дат / Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии: Сборник научных трудов. Барнаул, 2004. С.206.

⁵ Трифионов В.А. К абсолютному датированию «микенского» орнамента эпохи развитой бронзы Евразии // Радиоуглерод и археология. Вып. 1. СПб., 1996. С. 62.

⁶ Андреев Ю.В. Ахейская Греция во II тысячелетии до н.э. Микенская цивилизация // История древней Греции. М., 1986. С.48, 50.

⁷ Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Ч. I. Челябинск, 1992.

ного Казахстана парные захоронения лошадей головами на запад зафиксированы, по крайней мере, в десяти курганах⁸. Показательно, что пароконные погребения «упряжных» лошадей, символизирующие колесничную запряжку, найдены на территории материковой и островной Греции в среднеэлладский период. Отмечено порядка десяти таких местонахождений⁹.

До недавнего времени Центральный Казахстан, занимающий лидирующее положение по количеству и разнообразию древностей эпохи бронзы, оставался в стороне от исследовательского бума, охватившего Поволжский, Южно-Уральский и Северо-Казахстанский регионы, связанного с широкомасштабными раскопками укрепленных поселений и могильников колесничных культур. Между тем, определенный прорыв в этом направлении наметился еще в 1980 г. и был связан с открытием могильника Сатан¹⁰. К материалам этого памятника исследователи обращались неоднократно и фрагментарно коллекция представлена в целом ряде публикаций¹¹.

В курганах некрополя были найдены остатки полуобгоревшей колесницы, кремневый наконечник стрелы, желобчатый псалий, изготовленный из трубчатой кости, бронзовый нож. В керамический комплекс входили горшковидные сосуды острореберных форм, в том числе с «воротничком» и с налипшим валиком по шейке¹². Причем у ряда горшков отмечено выравнивание верхней части шейки под внутренний скос, образующий легкое внутреннее ребро. Показательна также находка миниатюрного острореберного орнаментированного сосудика с валиком по шейке и двумя противоположными отверстиями в верхней части шейки, считающегося своего рода «визитной карточкой» целого ряда скотоводческих культур

лесостепной полосы Евразии¹³. Отмечен также крупный фрагмент большого кувшинообразного сосуда, форма которого характерна для определенной категории посуды Передне- и Среднеазиатского ареала.

В дальнейшем керамические комплексы, имеющие острореберную профилировку плеча и нередко узкий налипной валик по шейке, были зафиксированы в ранних слоях нескольких поселений и ряде могильников, что послужило основой для выделения раннеандроновской нуртайской культуры Центрального Казахстана¹⁴. Однако, только в одном из курганов могильника Нуртай (2) было отмечено парное захоронение лошадей, уложенных ногами друг к другу на площадке из белой глины. Юго-западная ориентировка лошадей, расположенных с юго-западной торцевой стороны центрального каменного ящика, символизировала колесничную запряжку. В кургане зафиксированы две могилы в виде каменных ящиков. В центральной могиле отмечено погребение двух взрослых людей, периферийная – содержала тройное детское захоронение. Сопроводительный инвентарь погребений состоял из каменной булавы, бронзового ножа, костяных наконечников стрел, двух каменных кулонов, сердоликовой бусины и других женских украшений, а также посуды острореберных форм¹⁵.

Продолжение исследований могильника Аяпберген, где были зафиксированы алакульские и федоровские погребения¹⁶, позволило выявить курган (7) с парным захоронением лошадей, уложенных в позе колесничной запряжки на глинистую площадку с западной торцевой стороны центрального каменного ящика. В кургане зафиксировано три погребения, предположительно мужчины и двух женщин, совершенные в двух камен-

⁸ Зданович Г.Б. Щитковые псалии из Среднего Приишимья // КСИА, № 185. Памятники неолита и бронзы. М., 1986. С. 64.

⁹ Зданович Д.Г. К этнокультурной характеристике населения степного Зауралья эпохи средней бронзы: обряды жертвоприношения животных // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Материалы II региональной научно-практической конференции. Челябинск, 2004. С. 64.

¹⁰ Евдокимов В.В. Работы Карагандинского отряда // Археологические открытия 1980 года. М., 1981. С. 434.

¹¹ Ткачев А.А. Периодизация и хронология алакульских памятников Центрального Казахстана // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда, 1987. рис. 1-4,5,9,12; Новоженев В.А. Наскальные изображения повозок Средней и Центральной Азии. Алматы, 1994. С. 158-160, рис. 97; Чиндин А.Ю. Относительная хронология могильников эпохи развитой бронзы // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда, 1987. рис. 1-1, 2 и др.

¹² Евдокимов В.В., Варфоломеев В.В. Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана. Караганда, 2002. С. 20-23. рис. 3,4.

¹³ Виноградов Н.Б. Могильник... С. 230.

¹⁴ Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Ч. 1. Тюмень, 2002. С. 147.

¹⁵ Там же. С. 161-165

¹⁶ Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Ч. 2. Тюмень, 2002. С. 83.

ных ящиках и грунтовой яме. Керамический комплекс состоял из сосудов остроруберных и уступчатых форм, в том числе с «воротничком», причем на двух горшках отмечено выравнивание верхней части шейки под внутренний скос. В качестве погребального инвентаря в центральном мужском погребении найден набор наконечников стрел, изготовленных из кости и рога. Среди женских сопроводительных украшений отмечена бусина из бирюзы¹⁷

Наиболее существенные результаты были получены при исследовании четырех курганов могильника Ащису, относящихся к эпохе бронзы¹⁸. Все курганы имели земляную насыпь диаметром от 12 м до 15 м, высотой - 0,3 – 0,5 м и были окружены кольцевым рвом, разомкнутым с западной стороны. На месте погребения устраивалась глиняная площадка, обычно ограниченная округлой в плане оградой из небольших плит, установленных на ребро. В центральной части, как правило, сооружались две крупные грунтовые погребальные камеры, разделенные материковой перегородкой.

Погребения сопровождалось захоронениями лошадей, уложенных на глиняную площадку. Причем в двух случаях зафиксированы сравнительно хорошо сохранившиеся парные костяки лошадей, символизовавших колесничную запряжку.

Погребальный инвентарь могильника представлен оружием, орудиями труда и украшениями, изготовленными из бронзы, резной костью в виде щиткового орнаментированного псаля и муфты стрекала, кремневыми наконечниками стрел, коллекцией остроруберной керамической посуды с геометрическим орнаментом, а также медным остроруберным сосудом на кольцевом поддоне.

Керамическая коллекция составляет более двадцати частично или полностью реконструируемых сосудов с ребристым плечом при переходе шейки в тулово. На значительной части серии отмечен узкий наклепной валик на перегибе

шейки, а также выравнивание верхней части шейки под внутренний скос до образования легкого внутреннего ребра.

Среди элементов орнамента широко представлены цепочки ромбов, треугольников, пирамидки, уголки вдавления, желобки и каннелюры. Рисунок выполнен техникой прочерчивания, гребенчатым штампом и вдавлениями.

Радиоуглеродное датирование костного материала, проведенное Лабораторией геологии и палеоклиматологии кайнозоя Института геологии и минералогии СО РАН (г.Новосибирск), определило датировку могильника рубежом III-II тыс. до н.э. (СОАН – 7479 - 3910±70 лет от 1950 г.).

Захоронение парных «упряжных» лошадей, уложенных на боку, в западном секторе кургана за пределами или на краю погребальных камер характеризует в большей мере центрально-казахстанскую традицию. При проведении этого ритуала нередко использовался огонь, отмечаемый, как правило, в виде золистого слоя, подстилающего костяки лошадей. На определенную петровскую окрашенность погребений может указывать расположение костяков лошадей, уложенных по краям погребальных камер¹⁹. Характерно, что в качестве реминисценции отмечено два случая парного захоронения лошадей в алакульском могильнике Майтан, но совершенных уже не в основном сооружении, а в пристройках к центральным оградкам²⁰.

В федоровской традиции Центрального Казахстана этот ритуал отразился в обычае помещать кости лошади, иногда черепа, на подкурганной площадке, ограниченной плитами ограды²¹. В федоровских памятниках Южного Зауралья кости лошади, обычно ребра, находят в погребениях с кремацией²².

С мифологизацией колесничных представлений у андроновских племен связаны наскальные рисунки колесниц, запряженных лошадьми. Центрально-Казахстанская традиция захоронения лошадей спинами или ногами друг к другу бук-

¹⁷ Кукушкин И.А. Могильник Аялберген-раннеандроновский памятник Центрального Казахстана// Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. Выпуск 2.- Павлодар, 2006. –С.50-69.

¹⁸ Кукушкин И.А. Археологические исследования могильника Ащису. Курган 1.//Историко-культурное наследие Сарыарки.-Караганда, 2007.-С40-63; Кукушкин И.А. Исследования могильника Ащису. Курган 2//Кадырбаевские чтения. –Актобе, 2007. С86-91.

¹⁹ Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск, 1988.С.135.

²⁰ Ткачев А.А. Бронзовый век Центрального Казахстана. Автореф. дисс. докт. ист. наук. М., 2003.С.23.

²¹ Евдокимов В.В., Варфоломеев В.В. Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана. Караганда, 2002. С.37.

²² Сальников К.В. Бронзовый век Южного Зауралья // МИА, № 21. М., 1951,С.114.

вально калькируется при изображении пароконной колесничной запряжки в наскальном искусстве эпохи бронзы. Характерно, что, например, на Алтае, где алакульские памятники полностью отсутствуют, иконографической особенностью петроглифов этого блока, является абсолютное преобладание упряжных коней спинами к дышлу («план»)²³.

Среди наиболее значимых изделий, составляющих коллекцию металлического инвентаря могильника Ащису, можно отметить крупный крюк с раскованной втулкой, втульчатый наконечник копья, нож-кинжал и сосуд на кольцевом поддоне.

Аналогии бронзовому крюку известны в памятниках синташтинской культуры, где они найдены в поселенческих²⁴ и погребальных комплексах²⁵. На территории Северного Казахстана (Акмолинская область) подобный крюк с раскованной втулкой зафиксирован на многослойном поселении Павловка, где отмечена петровская, федоровская, алакульская и саргаринско-алексеевская керамика²⁶. Крюк был отнесен к федоровскому слою²⁷.

Втульчатый наконечник копья в плане технологии изготовления близок сеймо-турбинским бронзам. По разработанной классификации наконечники данного типологического разряда относятся к КД - 36²⁸. Близкие аналогии отмечаются в могильнике Бектениз в северном Казахстане²⁹ и в могильнике Кривое Озеро в Южном Зауралье³⁰. Оба памятника отнесены к петровской культуре.

Нож-кинжал относится к срубно-андроновскому типу и по своим основным характеристикам сближается с аналогичными изделиями этого периода. В качестве примера можно указать на

нож, найденный в петровском могильнике Кулевчи VЙ в Южном Зауралье.³¹

Сосуд на кольцевом поддоне. Острорезберный, тонкостенный, шейка слегка отогнута наружу, срез венчика прямой. Предположительно изготовлен из самородной меди местными мастерами, владеющими технологией производства металлической посуды, что подтверждается внешним обликом типичного острорезберного горшка и конструктивными особенностями изготовления.

На сегодняшний день ащисуский медный сосуд уникален и является пока единственной находкой подобного рода, зафиксированный у скотоводческого населения степной полосы Евразии, заселенной во II тыс. до н.э. андроновскими и срубными племенами. Ближайшие аналогии в плане технологических приемов, отмечаются в Бактрии и Маргиане и далее на запад в областях древнейших оседло-земледельческих цивилизаций Передней Азии.³²

Кремневые наконечники стрел с выделенным черешком и нередко с жальцами на лопастях, так называемого сейминского типа, относятся к массовому инвентарю синташтинских погребений. Для петровской культуры более всего характерны кремневые наконечники стрел с прямым, усеченным основанием пера³³.

В нуртайских погребениях почти повсеместно присутствуют наконечники стрел игловидных форм, изготовленных из кости и рога. Исключением являются могильники Сатан и Ащису, где были зафиксированы оба типа кремневых наконечников, возможно, указывающих на их более раннюю хронологическую позицию. В то же время на поселениях Икпень I, II, III в нуртайских и федоровских слоях кремневые наконечники стрел

²³ Слободзян М.Б. Изображения колесниц в петроглифах Алтая // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Сборник научных трудов. Барнаул, 2002. С.118.

²⁴ Нелин Д.В. Поселение эпохи бронзы Шибяево-1: результаты исследования // Проблемы изучения энеолита и бронзового века Южного Урала. Орск, 2000. С.120, рис.3-1.

²⁵ Зданович Д.Г. и др. Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника. Кн. 1. Челябинск, 2002. С. 39, рис.21-7.

²⁶ Малютина Т.С. Стратиграфическая позиция материалов федоровской культуры на многослойных поселениях казахстанских степей // Древности Восточно-Европейской лесостепи: Межвузовский сборник научных трудов. Самара, 1991. С. 157.

²⁷ Зданович Г.Б. Бронзовый век... С. 170, табл.10-15.

²⁸ Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.: «Наука», 1989.С80-81, рис.47.

²⁹ Зданович Г.Б. Основные характеристики петровских комплексов Урало-Казахстанских степей // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья: Уфа, 1983.С.56.

³⁰ Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое озеро в южном зауралье. Челябинск, 2003. С.69, рис.26-1.

³¹ Зданович Г.Б. Основные характеристики петровских...С.53, рис.3-17.

³² Сариниди В.И. Царский некрополь на Северном Гонуре//ТИИАЭ АН Каз ССР. 1958. Т.5.С.171, рис.19.

³³ Зданович Г.Б. Бронзовый век.... С.138.

представлены достаточно отчетливо³⁴. Небольшая серия кремневых наконечников стрел с выделенным черешком, найденных совместно с керамикой нуртайского и алакульско-федоровского облика, отмечена также на поселении Атасу³⁵.

До недавнего времени в Центральном Казахстане было известно всего два щитковых желобчатых псаля с треугольной планкой, вырезанных вместе с шипами из трубчатой кости, которые происходили: один – из могильника Сатан, другой – из федоровского слоя поселения Икпень 1. Возможно, к ним следует отнести фрагмент желобчатого псаля из поселения Мыржик³⁶. Для примера, в Северном Казахстане зафиксировано более двадцати желобчатых, сегментовидных и дисковидных щитковых псалиев, представленных в материалах поселений и могильников³⁷. Количество щитковых псалиев, найденных в Южном Зауралье, по самой приблизительной оценке составляет около пятидесяти экземпляров³⁸. С территории Поволжья происходит порядка 30 щитковых псалиев³⁹. С этих позиций трудно переоценить находку уникального ащисуского псаля, прямые аналогии которому неизвестны в скотоводческих культурах степной бронзы. Определенное сходство щитка отмечается с фрагментарно сохранившимися псалями, найденными на поселениях Кулевчи III и Новоникольское I в Северном Казахстане⁴⁰, но удлиненная планка, возможно, имевшая в древности «бабочковидную» форму, резной рельефный орнамент, покрывающий лицевую «парадную» сторону, ставит его в особую подгруппу пока неизвестных сегментовидных псалиев. Продуманность формы псаля в совокупности с филигранно выполненной резьбой заставляет предполагать

не только обширный опыт в косторезном деле, но и наличие глубоких традиций в области доместики и управления лошадей, что позволяет уверенно включить регион в ареал распространения колесничных культур Евразии.

Керамический комплекс могильника Ащису с колесничной атрибутикой в целом соответствует нуртайской культуре, которая при всем своем своеобразии имеет определенные черты сходства с петровским типом посуды⁴¹. Однако, обточка (по гончарной терминологии) или подрезка верхней части шейки под внутренний скос до образования легкого внутреннего ребра, а также наклепной валик и горизонтальная штриховка треугольников, в большой мере характеризуют синташтинскую гончарную и орнаментальную традиции и, видимо, являются довольно ранними хронологическими признаками диагностического порядка для памятников этой категории⁴².

Вместе с керамикой остросереберных пропорций в нуртайских памятниках представлена посуда уступчатых и плавнопрофилированных форм, отмечены поддоны. Наряду с гладким штампом и прочерчиванием, широко применялся гребенчатый штамп, распространенный на синташтинской посуде. В орнаментике присутствует фактически весь спектр элементов андроновского геометрического рисунка. Эти и некоторые другие признаки, по мнению А.А. Ткачева, свидетельствуют о проникновении и взаимодействии канайских (федоровских) племен Восточного Казахстана с автохтонным нуртайским населением Центрального Казахстана. Появление протофедоровских горшков в могильниках Петровка и Синташта

³⁴ Ткачев А.А. Центральный... Ч.1. 2002. рис.9,13,22,28.

³⁵ Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. Алма-Ата, 1992. С. 181, рис.142.

³⁶ Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К. Культура... 1992. С. 185, 212, рис.145.

³⁷ Зданович Г.Б. Щитковые... 1986. С. 60; Плешаков А.А. Мартынюк О.И., Баев А.В. Могильник эпохи бронзы Баганаты III. Петропавловск, 2005. С. 40-42; Калиева С.С., Колбин Г.В., Логвин В.Н. Могильник у поселения Бестамак// Маргулановские чтения. Петропавловск, 1992. С. 58.

³⁸ Епимахов А.В. Могильник эпохи бронзы Солончанка IА и вопрос интерпретации одиночных синташтинских курганов// Археологический альманах, № 15. Псалии. Элементы упряжки и конского снаряжения в древности. Сборник статей. Донецк, 2004. С.99.

³⁹ Кузнецов П.Ф. Реконструкция крепления конской узды по результатам изучения дисковидных псалиев Поволжья// Археологический альманах, № 15. Псалии. Элементы упряжки и конского снаряжения в древности. Сборник статей. Донецк, 2004. С. 31.

⁴⁰ Зданович Г.Б. Щитковые... 1986. С. 62, рис.2-8,15.

⁴¹ Ткачев А.А. Центральный... Ч. 2. 2002. С.147.

⁴² Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск, 2003. С. 247.

также связывается с миграциями канайских популяций⁴³.

Действительно, федоровские признаки в нуртайских памятниках достаточно многочисленны, но они не выбиваются из общего массива своей чужеродностью, и на наш взгляд, предполагают изначальное смешение нескольких культурных традиций. В дальнейшем процесс трансформации нуртайских древностей приводит к появлению так называемых памятников «синкретического» типа, органично сочетающих в себе алакульско-федоровские черты. Впоследствии происходит размежевание андроновского этно-культурного массива на две самостоятельные и самодостаточные культуры – алакульскую и федоровскую⁴⁴. Показательна в этом отношении керамическая коллекция могильника Сатан, которая на 75% состоит из посуды, изготовленной по федоровским технологическим канонам⁴⁵.

Особенно ярко общность раннеандоновских традиций алакульской и федоровской культур проявились в Южном Зауралье и отчасти в Северном Казахстане, где в декоре керамики обеих культур отмечается пустая зона в нижней части шейки сосудов, известная также в кожумбердинских и амангельдинских памятниках. В свою очередь, их культурное размежевание и противопоставление друг другу контрастно отразилось в алакульской ингумации и тотальной федоровской кремации, которая сходит на нет в восточных регионах, куда перемещается федоровское население. Здесь полностью исчезает и пустая зона в нижней части шейки федоровских горшков.

Видимо, в дальнейшем федоровская культура, занимавшая в основном, восточный и южный регионы андроновского мира, перерастает в древности бегазы-дандыбаевского круга, чему

не противоречит своеобразный, но в большей мере федоровский геометризм орнамента на бегазинских сосудах. Особенно яркие памятники этой культуры выявлены именно на территории федоровского ареала. Прежде всего, это скальные мавзолеи Бегазы, расположенные в Северном Прибалхашье, могильник Старый Сад в Западной Сибири, некрополь Северный Тагискен в Южном Приаралье. Исследователи единодушно отмечают нуринскую (федоровскую)⁴⁶ или андронидную орнаментацию всей бегазы-дандыбаевской посуды в целом⁴⁷, причем обоснованно считают, что дандыбаевские памятники продолжают линию развития федоровской культуры на самых поздних этапах ее существования⁴⁸. Значительное влияние на формирование бегазы-дандыбаевских памятников зафиксировано со стороны южных оседло-земледельческих культур, что отразилось в появлении специфичных узкогорлых и кубковидных сосудов на полых ножках, а также существенной доли станковой посуды в керамических коллекциях комплексов⁴⁹.

На завершающих стадиях развития алакульской культуры, происходит ее нивелирование со срубным миром, вероятно, ставшее возможным в результате близкой идеологической платформы, что выразилось в появлении характерной валиковой керамики, распространившейся от Поволжья до Приалтайских степей. В Центральном и Северном Казахстане памятники финальной бронзы с валиковой керамикой объединены в алексеевско-саргаринскую культуру, которая наиболее детально исследована на крупнейшем поселении Кент⁵⁰. Прослеживается также определенная преемственность гончарных техно-

⁴³ Ткачев А.А. Центральный ... Ч. 2. 2002. С. 147-191, 198.

⁴⁴ Кукушкин И.А. Андроновские памятники «синкретического» типа в шкале относительной и абсолютной хронологии // Археологические исследования в Казахстане. Труды научно-практической конференции «Маргулановские чтения № 14» Шымкент-Алматы, 2002. С. 261.

⁴⁵ Ломан В.Г. Гончарная технология населения Центрального Казахстана второй половины II-го тысячелетия до н.э. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1993. С. 14.

⁴⁶ Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1979. С. 332.

⁴⁷ Молодин В.И., Нескоров А.В. О связях населения Западно-Сибирской лесостепи и Казахстана в эпоху поздней бронзы // Маргулановские чтения. 1990. Сборник материалов конференции. Ч. 1. М., 1992. С. 95.

⁴⁸ Итина М.А., Яблонский Л.Т. Мавзолеи Северного Тагискена. Поздний бронзовый век Нижней Сырдарьи. М., 2001. С. 104.

⁴⁹ Удодов В.С. Эпоха развитой и поздней бронзы Кулунды: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Барнаул. 1994. С. 11., Итина М.А., Яблонский Л.Т. Мавзолеи... С. 104.

⁵⁰ Варфоломеев В.В. Кент и его округа (некоторые итоги палеоэкономического социокультурного анализа памятников Восточной Сары-Арки) // Степная цивилизация Восточной Евразии. Т. 1. Древние эпохи. Астана, 2003. С. 88-99.

логических приемов алакульского и саргаринского населения⁵¹.

Таким образом, погребения Центрального Казахстана с колесничной атрибутикой совершались только в курганах. Обязательным условием являлось наличие подкурганной глиняной площадки, окруженной концентрической оградой из плит, установленных на ребро. В большинстве случаев отмечается кольцевой ров. Захоронения производились в плиточных ящиках или каменных гробницах, сооруженных в грунтовых ямах. В одном кургане были зафиксированы остатки колесницы, в четырех других найдены парные костяки «упряжных» лошадей, причем в трех случаях выявлены ритуалы, связанные с использованием огня. Во всех колесничных погребениях присутствует оружие дистанционного боя в виде костяных или кремневых наконечников стрел. В качестве символа власти в одном случае обнаружена каменная булава. В двух погребальных комплексах отмечены находки двух щитковых псалиев, подтверждающих широкое использование лошадей в качестве упряжных животных.

Возможно, есть смысл отойти от чрезмерного поэтапного дробления андроновских древностей⁵² и всю эпоху степной бронзы Центрального Казахстана разделить на четыре последовательных периода. Первый - протоандроновский, включающий в себя посуду нуртайского типа, имеющую остросеребряные формы нередко с узким напленным валиком на месте перегиба шейки, которая в свою очередь подработана в верхней части под внутренний скос до образования легкого внутреннего ребра. Орнаментальные композиции выполнены резной техникой, гладким и гребенчатым штампом. Очевидно, изначально нуртайский керамический комплекс отражает

смешение нескольких культурных традиций, что отмечается и для синташтинских памятников. Второй период – раннеандроновский, характеризующийся появлением синкретических форм сосудов алакульско-федоровского облика, отвечающих признакам алакульской и федоровской культур. Третий период – собственно андроновский, который связан с выделением алакульских и федоровских памятников в самостоятельные культуры. Четвертый – позднеандроновский, который с учетом преемственности культурных традиций, объединяет комплексы валиковой керамики алексеевско-саргаринского типа и бегазы-дандыбаевские древности.

Несмотря на единичность исследованных в Центральном Казахстане памятников с колесничной атрибутикой, полученные материалы погребальных и поселенческих комплексов позволяют отнести их к горизонту колесничных культур и датировать рубежом III-II или началом II тыс. до н.э. Дальнейшие исследования памятников данной категории позволят наметить пути решения целого спектра таких проблем как хронология и периодизация, этнокультурная атрибутика, динамика и направленность андроновского культурогенеза.

Резюме

Орталық Қазақстанда археологиялық кешендердің ашылуы бұл аймақты далалық Еуразияның колесничиялық мәдениеттерге, оның ареал таралу шегінде өткізу рұқсат етеді.

Summary

The discovering in the Central Kazakhstan of archeologic complexes with chariot attributes, allows to include the region in an area of distribution chariot cultures of steppe Eurasia. The new unique material allows to plan ways of the decision of a lot of the problems connected with dynamics of genezise of Andronov culture and with cultural-chronological aspects.

⁵¹ Ломан В.Г. Гончарная ... С.18,30.

⁵² Качев А.А. Бронзовый век ... 2003. С.18-34.

Б. А. БАЙТАНАЕВ

ПОСЕЛЕНИЕ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ УРОЧИЩА БУРГУЛЮК И КЕРАМИКА КАРЖАНТАУСКОГО ТИПА

В свое время В.М. Массон, изучая истоки городской культуры Средней Азии, писал: «Новые материалы со все большей убедительностью показывают, что истоки процесса урбанизации Средней Азии, по крайней мере для южных ее районов, следует искать в памятниках эпохи бронзы. С нашей точки зрения, можно говорить о двух эпохах в урбанизации Средней Азии – древневосточной (конец III – середина I тыс. до н.э.) и античной (III в. до н.э. – IV в. н.э.)»¹.

В.М. Массон определил хронологию начального этапа урбанизации, анализируя материалы памятников эпохи бронзы южных районов Средней Азии, таких, как Намазга-Депе, Алтын-Депе, Яз-Депе, Сапаллитепе и др., и выявил их древневосточные корни. Отметим, речь шла тогда о территории бассейна Амударьи.

В изучаемом нами районе правобережья Сырдарьи было открыто поселение эпохи бронзы, которое, несомненно, является первой ступенью в процессе урбанизации Испиджабского историко-культурного района Южного Казахстана.

Поселение бронзового века обнаружено во время исследования могильника Бургулюк-2. Тогда, в 2002 году, при снятии насыпей, а также в ходе зондажей в нескольких курганах попадались фрагменты керамики, характерные для бронзового века. Исходя из этого, предполагалось, что имело место наложение курганов раннежелезного века на более ранние². Однако впоследствии в ходе кабинетных разработок выяснилось, что курганы сооружались на территории поселения бронзового века, для их насыпей также использовался грунт, взятый с этого поселения.

В 2003 году для выявления культурных слоев поселения эпохи бронзы на территории могильника целенаправленно было заложено 7 раскопов³. Это обусловлено было прежде всего тем, что оно является одним из первых в Южном Казахстане,⁴ и первым, на котором проведены широкомасштабные раскопки.

Проведенные на поселении раскопки показали, что наиболее интенсивно обживалась южная часть естественной гряды где располагался памятник.

Четко фиксируются два крупных периода функционирования поселения. На первом этапе люди возводили свои жилища, используя традиционный многолетний опыт строительства своих предков. Сначала выкапывался котлован соответствующих размеров, стены которого обкладывались камнями в несколько рядов. Затем сооружались, по-видимому, стены каркасного типа, которые перекрывались кровлей.

В ходе раскопок выяснился характер кладки стен, которые сохранились на некоторых участках на высоте четырех рядов камней (около 60 см). Они были выложены с соблюдением определенных закономерностей. Так, в южной части блок кладки выглядел следующим образом: снизу шел ряд окатанных камней (валунов), их перекрывали крупные уплощенные камни. Затем вновь ряд валунов, который в свою очередь перекрывал уплощенный камень.

Судя по остаткам стен, нами был вскрыт значительный по размерам дом, в котором намечается четыре комнаты.

¹ Массон В.М. Проблемы древнего города и археологические памятники Северной Бактрии (перспективы исследования) // Древняя Бактрия. – Л.: Наука, 1974. – С.6

² Байтанаев Б.А. Исследование памятника бронзового и раннежелезного века предгорья Каржантау (Предварительные результаты археологической экспедиции ЮКГУ им. М. Ауезова 2002 года) // Археологическое исследование в Казахстане: Труды научно-практической конференции «Маргулановские чтения –14». – Шымкент–Алматы, 2002. – С.249-251

³ Байтанаев Б.А., Грицина А.А., Богомолов Г.И. Первое поселение эпохи бронзы Южного Казахстана (Итоги археологических работ ЮКГУ им. М.О.Ауезова 2003 г.) // Археология и история Центральной Азии: Сборник научных трудов посвященный 70 летию академика Ю.Ф. Буракова. – Самарканд, 2004. – С.45-53.

⁴ Краткая сводка исследования памятников эпохи бронзы на территории Южного Казахстана дана АА. Рустемовым. Подробнее см.: Рустемов А.А. Новые памятники эпохи бронзы Шымкентской области // Тезисы докладов научно-практической конференции, посвященной 70-летию Чимкентского областного историко-краеведческого музея. Алма-Ата, 1990. – С.45-46; Рустемов А.А. К вопросу изучения эпохи бронзы Южного Казахстана // Атамұра: Сборник статей, посвященных 80-летию Южно-Казахстанского областного краеведческого музея. Шымкент, 1995. – С.86-90..

Второе жилище, обнаруженное под курганом 10, в отличие от описанного выше, имело круглую планировку. В ходе вскрытия было установлено, что выявленная каменная стенка вытянута по линии север-юг и состоит из 4-х рядов крупных речных валунов. Валунки из каменной кладки имеют различные размеры. Общая длина остатков выявленной стенки – около 1,5 м, ширина – 0,5 м, высота – 0,5 м. Последняя является частью помещения шириной 1,42 м, однако северная стенка этого помещения утрачена. Уровень пола понижается в западном направлении. Близ стены расчищены кости животных и мелкие фрагменты керамики. На уровне пола также была найдена фрагментированная ладьевидная зернотерка небольшого размера. Поверхность пола покрыта отдельными скоплениями угольков и комками охристой глины. Возможно, с юга к этому строению примыкало еще одно помещение.

Исследователи кулусайской культуры поздней бронзы, выделенной на территории горных районов северного Тянь-Шаня, отмечают определенную закономерность в выборе места обитания, которое характеризуется расположением поселений на грани лесной зоны и альпийских лугов⁵. В этой связи обживание предгорных склонов Каржантау с богатыми лесными запасами в эпоху поздней бронзы вполне закономерно, и в некоторой степени выбор места для данного поселения схож с поселениями кулусайского типа.

Бургулюкское поселение расположено так, что с трех сторон окружено горными отрогами, защищавшими его от господствующих зимой северо-восточных ветров. Наличие водных источников и хороший травостой, позволяющие выпасать скот с середины весны и до середины осени, делали его удобным для скотоводства, которое, видимо, составляло основу хозяйства. Стада же, судя по находкам костей, состояли из мелкого и крупного рогатого скота. Но вместе с тем, видимо, определенное значение имело и земледелие. Находки обломков зернотерок свидетельствуют о выращивании злаковых, скорее всего, богарным способом. В то же время под земледелие могли использоваться лишь ограниченные участки, орошаемые за счет небольших арыков.

Земледелие, скорее всего, носило не основной, а вспомогательный характер. Насельники занимались также ткачеством, для чего использовались пряслица, выточенные из стенок сосудов.

Керамика, полученная на месте поселения, найдена только во фрагментах. Она формована без применения гончарного круга ленточным способом или выдавливанием из кома глины, кострового обжига. Тесто достаточно хорошо отмучено и промешано. В качестве отощителя использовались толченый ракушечник, гипс и реже – мелкий песок. Венчики всех типов сосудов нередко украшались поперечными насечками (ногтевой орнамент) или линиями, а поверхность – гребенчатым, линейным и штампованным орнаментом, нанесенным по сырому тесту в виде елочки, реже – зигзагом. Поверхность большинства сосудов тщательно до блеска затирались или намеренно залащивались. По имеющимся формам всю посуду можно разделить на следующие типы.

Котлы: поверхность, как правило, закопчена. Судя по имеющимся фрагментам, сосуды имели шаровидную или близкую к ней форму. Венчик несложной конфигурации выделяется валиком, в некоторых случаях оттянут наружу. Нередко верхнее основание венчика имеет ровную площадку. Шейка короткая, дно плоское, с характерным выступом в придонной части. Сосуды сильно варьируют по размерам: диаметры закраин составляют от 13-14 см до 33 см и более.

Горшки: по качеству изготовления, размерам и формам почти ничем не отличаются от котлов, только поверхность их не несет следов копоти.

Чашки: наименее встречающийся тип посуды. Сильно варьируется по размерам от 16-18 см до 30 см и более. Форма венчика простая, он является как бы простым продолжением стенки сосуда. Толщина черепка крупных чаш достигает 1,2 см.

Схожая посуда извлечена при строительстве Ташкентского канала, где она определяется эпохой начала железного века⁶. Близкие формы, мотивы орнамента и способы его нанесения относятся к кулусайской культуре и представлены на поселениях Асы и Тургенъ в Заилийском Алатау⁷. Очень близкое сходство имеет керамика

⁵ Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Поселение эпохи бронзы в верховьях ущелья Тургенъ и на плато Асы // История и археология Семиречья. – Алматы, 2001. – Вып. 2. – С.121.

⁶ Древняя и средневековая культура Чача. – Ташкент: Фан, 1979. – С.10-16.

⁷ Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Указ. Соч., С.115,118,119.

нашего поселения с керамикой кайракумской культуры Ферганы, выявленной в свое время Б.А. Литвинским⁸.

Техника орнаментации сосудов состоит из гладкого и гребенчатого штампа, прочерченных линий и углублений. Большинство сосудов формованы дощечкой, следы которой наблюдаются на поверхности керамики. У некоторых форм верхнее основание венчиков приплюснуто во время формовки.

Некоторые горшки имеют сильно раздутое тулово⁹ и переход к тулову от прямой шейки (рис. 11, 16, 18, 19, 20). Подобной формы сосуды встречены и среди комплексов Асы и Тургенъ Заилийского Алатау, где такая структура объясняется исследователями влиянием среднеазиатских комплексов¹⁰. В то же время некоторые формы и орнаментальные мотивы найденной нами керамики (особенно оформление закраины венчика) имеют сходство с керамикой из поселения Теренкара, обнаруженной на северной окраине города Алматы, где она датируется IX-VIII вв. до н.э.¹¹.

Из всех этих комплексов керамика из нашего поселения по внешним признакам ближе всего соответствует керамике кайракумской культуры. Это, на наш взгляд, подтверждается аналогичными формами посуды и отсутствием у обоих комплексов валиков под венчиком, чего нельзя сказать о других проанализированных комплексах. Но у кайракумской культуры мало керамики с насечками, которые у бургулюкской встречаются повсеместно, что нельзя сказать о керамике из поселения Теренкара, где имеются аналогичные насечки по венчику.

Керамика поселения Бургулюк предгорья Каржантау синхронна с памятниками Заилийского Алатау, низовий Сырдарьи, Хорезма поздней

бронзы, где она датируется XI-VIII вв. до н.э., и представлена комплексами Кулусай, Теренкара, Тагискен, Тазабагъяб, Амирабад, Суярган, Кайракум.

Между тем поразительное сходство имеет с нашей керамикой керамика донгальского типа, обнаруженная на территории Центрального Казахстана.

В.Г. Ломан¹², изучивший ее, отметил сходство этой керамики с материалами саргаринской и алексеевской культуры и поселения типа Обиточная 12. Тем не менее существующие отличия и специфические особенности донгальской керамики не позволили автору отнести ее к последним, что дало возможность исследователю определить ее в самостоятельную культуру¹³.

В.Г. Ломан датировал донгальскую керамику VIII вв. до н.э., может быть, и позже, связав со временем перехода от поздней бронзы к раннему железному веку. В качестве доказательства автор предоставил убедительные выводы, сделанные на основании раскопок поселения Кент, в котором были исследованы два жилища с донгальским материалом, прорезавшие алексеевско-саргаринский зольник¹⁴.

Изученная нами керамика поселения Бургулюк по своим внешним признакам близка керамике донгальского типа и вместе с тем имеет свои отличительные особенности: это отсутствие рельефного пояса в нижней части горловины, наклепного горизонтального и косонаставленного валика, жемчужного орнамента. При этом в отдельных случаях венчик больших сосудов оттянут наружу, имея форму треугольника в сечении, который почти всегда орнаментируется насечками, продольными линиями или ногтевым вдавлением.

⁸ Литвинский Б.А., Окладников А.П., Ранов В.А. Древности Кайрак-кумов: (Древнейшая история Северного Таджикистана) // Труды Института истории им. А. Дониша Академии наук Таджикской ССР. – Т. – XXXIII. – Душанбе, 1962. – 403 с.

⁹ Среди случайных находок полученных экспедицией Южно-Казахстанского областного историко-краеведческого музея, в зоне затопления Бугунского водохранилища имеется образец, явно тяготеющий к керамике каржантауского типа. См. рис.

¹⁰ Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Указ. Соч., С.118.

¹¹ Григорьев Ф.П. Археологические памятники в районе г. Алма-Аты // Маргулановские чтения: сборник материалов конференции. – Алма-Ата, 1989. – С.218; Григорьев Ф.П. Древняя история Алматы // Проблемы изучения и сохранения исторического наследия: материалы международной археологической конференции. – Алматы, 1998. – С. 261,268. Самашев З., Григорьев Ф., Жумабекова Г. Древности Алматы. – Алматы, 2005. – С.19,30-35.

¹² Пользуясь случаем, выражаю признательность В.Г. Ломану, давшему нам консультацию по вопросу хронологии и классификации керамики донгальского типа.

¹³ Ломан В.Г. Донгальский тип керамики // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального Казахстана. – Караганда, 1987. – С.115-129

¹⁴ Там же., С.128

Датировка, предложенная В.Г. Ломаном по донгальской керамике, в целом совпадает с датами нашего поселения, по которым, мы считаем, время ее функционирования IX-VIII вв. до н.э. или IX-VII вв. до н.э. Это подтверждает, на наш взгляд, найденный под курганом 10 и стратиграфически связанный с нашим поселением бронзовый наконечник стрелы (рис. 25). Наконечник цельнолитой, с продольным швом на нервюре. У него выступающая наружу втулка, где имеется отверстие, очевидно, от утраченного шипа (?).

Подобные бронзовые наконечники стрел имеют аналогии и широкую географию среди памятников позднего бронзового века. К.А. Акишев датирует их IX-VIII вв. до н.э. и связывает с дандыбай-бегазинским временем¹⁵. Б.А. Литвинский отмечает их распространение в XII-VII вв. до н.э. от Прикаспия до границ Китая и на юг до Индии включительно¹⁶. Более подробно схожие наконечники стрел исследовала Н.А. Аванесова. Изучая бронзовые наконечники на большом фактологическом материале, ученый относит цельнолитые втульчатые наконечники стрел в третью группу и справедливо отмечает, что данный тип отличается «...удивительным разнообразием форм и размеров листа и насада». Сопоставляя этот тип наконечника стрелы с сопутствующими предметами из бронзы, датируемыми XII-VIII вв. до н.э., она отмечает, что данные наконечники в основном происходят из памятников позднего бронзового века с валковой керамикой¹⁷. В то же время мы должны отметить, что схожие бронзовые наконечники стрел с удлиненной втулкой доживают до раннескифского времени. С.В. Кузьминых, например, изучая металлургию Волго-Камья, отметил их в комплексах VII-VI вв. до н.э.¹⁸. В Центральном Казахстане среди материалов тасмолинской культуры они также датируются VII-VI вв. до н.э.¹⁹. Схо-

жие наконечники стрел, датируемые раннесакским временем, встречаются среди комплексов Южного Тагискена, Уйгарака²⁰.

Здесь уместно, на наш взгляд, отметить об особенностях валиковой керамики эпохи бронзы, которая активно изучалась в других историко-культурных районах.

Е.Н. Черных выделил единую культурно-историческую общность валиковой керамики. Ее истоки он видит в культурах «фракийской» зоны. В эту общность, по его мнению, на позднем этапе входят и среднеазиатские памятники Яз-1, Тилля-тепе Афганистана и амирабадские памятники Приаралья²¹.

Против этого мнения высказалась М.А. Итина. Она считает, что на примере лишь наличия валика нельзя объединять в единую общность различные культуры, которые не коррелируются в целом по другим признакам. По ее мнению, валик под венчиком был более развит в культурах развитой бронзы (XIII-XII вв. до н.э.) и связан с федоровским компонентом. В амирабадских же комплексах он трансформируется, сливаясь с венчиком, и становится воротничком²².

В более ранних своих работах М.А. Итина на анализе материалов низовьев Амударьи говорила, что валик, находящийся непосредственно под венчиком, и валик как рельефный поясок в нижней части горловины сосуда, появились не одновременно. Она считает, что рельефный поясок в нижней части горловины появляется позже, ближе к финалу культуры бронзового века²³.

Резюмируя свои выводы, М.А. Итина приходит к выводу, что валик на керамике, скорее всего, явление эпохальное, связанное с «модой», а не с единой культурно-исторической общностью²⁴.

Исследователи памятников степной зоны считают, что деятельность андроновских племен во второй половине II тысячелетия до н.э. протекала

¹⁵ Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. – Алма-Ата, 1963. – С.117-118.

¹⁶ Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». – М.: Наука, 1972. – С.91-92.

¹⁷ Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР. – Ташкент: Фан, 1991. – С.40-43

¹⁸ Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья. (Медь и бронза). – М.: Наука, 1983. – С.104,204.

¹⁹ Вишневецкая О.А. Центральный Казахстан // Археология СССР: Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С.133-134.

²⁰ Итина М.А. Ранние саки Приаралья // Археология СССР: Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С.41,354.

²¹ Итина М.А. К истории изучения бронзового века Южного Приаралья // Приаралье в древности и средневековье: К 60-летию Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. – М.: Восточная литература, 1998. – С.87.

²² Там же.

²³ Итина М.А. История степных племен Южного Приаралья (II - начало I тысячелетия до н.э.). – М.: Наука, 1977. – С.143-144.

²⁴ Итина М.А. К истории изучения бронзового века. Указ. Соч., С.88.

в основном в засушливый ксеротермический период²⁵. Это вынуждало их вести поиск новых форм ведения хозяйства и освоения новых территорий.

На этот счет, есть ряд высказываний ученых, работавших в этом направлении. Так, М.А. Итина, изучая культуру степных племен Южного Приаралья, отметила, что процесс инфильтрации андроновских (алакульских) и срубных племен из разных районов обитания в среду среднеазиатского населения происходил постоянно на протяжении всей второй половины II тыс. до н.э. и отразился на их культуре по-разному²⁶. Именно андроновские племена, наложившиеся на местные среднеазиатские культуры, трансформировались в тазабагыбскую культуру.

По мнению же Б.А. Литвинского, часть срубно-андоновских племен, двигаясь в более восточном направлении, достигнув Ташкентского оазиса и Ферганы, в тесной связи с южными культурами расписной керамики, на поздних этапах смешавшись с племенами чустской культуры, сложили кайраккумскую культуру²⁷. При этом Ташкентский оазис был периферией караккумской культуры, за которой на востоке до Семиречья включительно начинается другая группировка племен степной бронзы²⁸.

А.Н. Марьяшев и А.А. Горячев, определяя устойчивые культурные традиции в горной бронзы Северного Тянь-Шаня, выявили кулусайский тип памятников. Они считают, что их формирование произошло в результате переселения групп племен федоровского этапа андроновской культуры из восточных регионов (Южная Сибирь, Алтай, Восточный Казахстан) и слияние их не ранее XII-XI вв. до н.э. с местными племенами, которые в последствии развиваются на переходном этапе к раннему железному веку²⁹.

В.И. Сарианиди считает, что истоки чустской культуры Ферганы и культур соседних с ней рай-

онов уходят своими корнями к археологическим комплексам типа Тиллятепе Афганистана и Хоросана. Он верит, что южносреднеазиатские и североафганские памятники представляют собой общекультурное единство, выраженное как в материальной культуре, так и в монументальном зодчестве. Основной ареал распространения культуры расписной керамики В.И. Сарианиди определяет от оконечности Каспийского моря и предгорья Копетдага до Ферганской долины включительно³⁰.

Несколько по-иному этот вопрос трактует Х. Дуке, исследовавший бургулюкскую культуру Ташкентского оазиса, истоки которой уходят в общность культур круглодонной крашеной керамики бронзового века. По его мнению, переход племен степной цивилизации к оседлому образу жизни не мог не сказаться на культуре местного населения, что привело к трансформации культуры степных племен и образованию бургулюкской культуры³¹.

Возможно, с этим тезисом нужно и согласиться, так как в последующие периоды повсеместно наблюдается отсутствие материалов, явно тяготеющих к степной бронзе, что наводит на мысль об изменении в целом традиций керамического производства последних.

Сложность определяется и тем, что в изучаемом районе, так же, как и в Ташкентском оазисе, где была обнаружена бургулюкская культура, не найдены до сегодняшнего дня погребальные памятники позднего и финального периода бронзового века как бургулюкского типа, так и степного облика. Подчеркнем: позднего и финального периода.

Изученные могильники Южного Казахстана эпохи бронзы Таутары³², Шербай³³ датируются более ранним федоровским этапом. Эта датировка, по последним калиброванным радио-

²⁵ Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. – М.: Наука, 1967. – С.326-327.

²⁶ Итина М.А. История степных племен. Указ. Соч., 232.

²⁷ Литвинский Б.А. Проблемы этнической истории Средней Азии во II тысячелетии до н.э. (Среднеазиатский аспект арийской проблемы) // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н.э.). – М.: Наука, 1981. – С.157.

²⁸ Литвинский Б.А., Окладников А.П., Ранов В.А. Древности Кайрак-кумов. Указ. соч., С.

²⁹ Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Памятники кулусайского типа эпохи поздней и финальной бронзы Семиречья // История и археология Семиречья: Сборник статей и публикаций. – Алматы, 1999. – С.55.

³⁰ Сарианиди В.И. Храм и некрополь Тиллятепе. – М.: Наука, 1989. – С.40-42.

³¹ Дуке Х. Туябугузские поселения бургулюкской культуры. – Ташкент: Фан, 1982. – С.89.

³² Максимова А.Г. Могильник эпохи бронзы в урочище Таутары // Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук КазССР: Археологические исследования на северных склонах Каратау. – Алма-Ата: Наука, 1962. – Т. XIV. – С. 37-56.

³³ Смагулов Е.А., Баратов С.Р. Предварительные итоги археологических исследований на могильнике эпохи бронзы Шербай // Известия Министерства образования и науки Республики Казахстан, Национальной Академии наук Республики Казахстан. Серия общественных наук. – 2001. – № 1. – С.136-149

углеродным определениям, относится к XVI-XIV вв. до н.э.³⁴.

Также нельзя отнести к переходному времени от бронзы к железному веку, найденное в 1988 году археологическим отрядом Чимкентского областного музея, одиночное захоронение у поселка нижний Боралдай³⁵. Скорей это захоронение относится XII-X вв. до н.э. А.А. Рустемов, определивший возраст могилы эпохой перехода от бронзы к железному веку, основывался на анализе найденного в захоронении единственного сосуда с желобчатым венчиком³⁶. Однако в комплексе находок данного погребения имеются предметы из бронзы, которые позволяют сузить хронологические рамки и отодвинуть их от эпохи перехода бронзы к раннему железному веку³⁷. Это бронзовые бусы и бронзовые плетенные серьги. Последние имеют устойчивые даты XII-X вв. до н.э. определенные Н.А. Аванесовой на основе группы источников³⁸. Верхняя граница датировки – X вв. до н.э., памятников с подобными серьгами была установлена радиоуглеродным методом А.Е. Рогожинским по находкам могильника Тамгалы-IV³⁹.

Возможно, отсутствие могильников этого периода как в Ташкентском оазисе, так и в Испиджабском историко-культурном районе, объясняется в первую очередь самим обрядом захоронения племен той эпохи, который мог существенно отличаться от более раннего времени, имея способы кремации или выставления трупов. Это было время формирования зороастрийской культово-ритуальной практики в Средней Азии, когда туранцы и иранцы Авесты переходят к выставлению своих усопших и очищению их костей.

В какой-то мере данное предположение находит подтверждение в работах А.А. Горячева, проведенных в Заилийском Алатау на памятниках кулусайского типа. По этому поводу он пишет: «На этапе финальной бронзы в погребальных традициях кулусайской культуры отмечаются определенные изменения, что выражается в появлении внешней кольцевой ограды вокруг прямоугольных оград, захоронений кремированных останков в урнах (керамической посуде) и большем количестве погребений взрослых по обряду ингумаций. Это явление, на наш взгляд, следует связывать с распадом устойчивых связей и появлением новых культурных традиций, которые получают дальнейшее отражение в различных элементах погребальной обрядности сакских курганах Семиречья»⁴⁰. Как видно из этого, погребальная обрядность в эпоху перехода от бронзы к железному веку может иметь широкое разнообразие от ингумаций, кремации или других обрядов, которых еще придется установить.

Поселения бургулюкской культуры Ташкентского оазиса расположены в речных долинах, низовьях, болотистых местах, на лессовых мысах и вдоль берега. Для этой культуры характерны три типа жилищ: 1) легкие строения шалашного типа; 2) овальные или круглые землянки небольших размеров, до 22 кв. м; 3) землянки крупных размеров, где наличествуют перегородки с явными признаками многокомнатного дома⁴¹.

Материалы этапа Бургулюк-II отмечены учеными в нижних слоях таких памятников, как Шаштепе⁴², Каунчитепе, Кулакчин тепе и др.

Хронология бургулюкской культуры в свое время была предложена А.И. Тереножкиным. Он выделил в ней два этапа: первый – Бургулюк-

³⁴ Смагулов Е.А., Баратов С.Р. Некрополь эпохи бронзы в окрестностях г. Туркестан (Археологические работы в 2000 году на могильнике Шербай) // Отан тарихы. – 2004. – № 3-4. – С.81.

³⁵ Грищенко А.Н. Исследования Чимкентского областного историко-краеведческого музея // Маргулановские чтения (Сборник материалов конференции). – Алма-Ата, 1989. – С. 220-221.

³⁶ Рустемов А.А. К вопросу изучения эпохи бронзы Южного Казахстана... Указ. Соч., С.89

³⁷ В 1988 году будучи сотрудником Чимкентского областного историко-краеведческого музея автор статьи лично производил раскопки данного захоронение.

³⁸ Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы. ...Указ. Соч., С.57,58, рис.43.

³⁹ Рогожинский А.Е. Могильник эпохи бронзы урочища Тамгалы // История и археология Семиречья: Сборник статей и публикаций. – Алматы, 1999. – С.31-32.

⁴⁰ Горячев А.А. О погребальном обряде в памятниках кулусайского типа // История и археология Семиречья. – Алматы, 2001. – Вып. 2. – С.60

⁴¹ Буряков Ю.Ф., Кошеленко Г.А. Ташкентский оазис. Бургулюкская культура // Древние государства Кавказа и Средней Азии. – М.: Наука, 1985. – С.198-201.

⁴² Филанович М.И., Дуке Х. О древнейшем поселении на Шаштепе в Ташкенте // История материальной культуры Узбекистана. – Ташкент: Фан, 1990. – Вып. 24. – С. 39-49.

1 VI-IV вв. до н.э. и второй – Бургулюк-2, перекрываемый материалами каунчинской культуры III-II вв. до н.э.⁴³.

Х. Дуке, изучая туябугузские поселения бургулюкской культуры Ташкентского оазиса, на большом фактологическом материале датировал IX-VII вв. до н.э., что, несомненно, указывает на соседское пребывание насельников изученного нами поселения эпохи поздней бронзы. Исследователь при этом отметил, что между бургулюкской культурой и каунчинской имеется хронологический разрыв⁴⁴.

С этой хронологической шкалой не совсем согласен Ю.Ф. Буряков. В целом разделяя точку зрения А.И. Тереножкина, он считает, что в формировании бургулюкской культуры, помимо чукто-эйлатанского компонента, сыграл значительную роль сакский⁴⁵.

Мнение Ю.Ф. Бурякова было принято А.И. Тереножкиным⁴⁶. Учитывая все аргументы, Ю.Ф. Буряков бургулюкскую культуру Ташкентского оазиса разделил на два этапа: первый – IX-VII вв. до н.э., второй – VI-III вв. до н.э.⁴⁷.

Такова в целом хронология бургулюкской культуры Ташкентского оазиса с момента зарождения в IX в. до н.э., до перерастания ее в III в. до н.э. в каунчинскую.

Мы неслучайно выше привели хронологию бургулюкской культуры Ташкентского оазиса. Культура древнего Испиджаба развивалась синхронно с ближайшим соседним историко-культурным районом Ташкента. Несомненно, между этими историко-культурными районами с древнейших времен существовали экономические взаимоотношения. Доказательством этому могут служить некоторые венчики (рис. 23,24) посуды из нашего поселения, которые находят прямые

аналоги в комплексе Бургулюк-1. У них, как и у туябугузских, наличествует покрытие темно-коричневой, почти черной краской. Все это указывает на то, что обитатели поселения эпохи бронзы, изученного нами, имели давние этнокультурные связи с племенами бургулюкского типа Ташкентского оазиса и существовали с ними синхронно⁴⁸. Однако на территории исследуемого района на сегодняшний день не найдено поселений бургулюкского типа Ташкентского оазиса, хотя таковые, судя по наличию материала, должны были существовать.

Поселение эпохи позднебронзового периода, изученное нами в урочище Бургулюк предгорьев Каржантау, совпадает по своим хронологическим рамкам с первым этапом бургулюкской культуры Ташкентского оазиса, по хронологической шкале Х. Дуке – IX-VII вв. до н.э. Оно также синхронно с памятниками донгальского типа Центрального Казахстана, кулусайской культуры и поселения Теренкара Зайлийского Алатау⁴⁹ и др.

Своеобразие найденного керамического материала, его отличительные особенности от синхронных по времени культур приводят к мысли, что мы имеем дело с новым типом керамики позднего и финального периода бронзового века, который предлагаем назвать каржантауским.

Продолжая мысль В.Г. Ломана о том, что, возможно, памятники обиточненского типа на западе и донгальского на востоке очерчивали границу общности культур периода перехода от бронзы к железному веку⁵⁰, отметим возможность расширения этих границ на юг до Тянь-Шаня включительно. На наш взгляд, это убедительно демонстрируется материалами изученного нами поселения. При этом остается актуальным вопрос о конкретных путях соприкосновения и вза-

⁴³ Буряков Ю.Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. – Ташкент: Фан, 1982. –С.69.

⁴⁴ Дуке Х. Туябугузские поселения... Указ. Соч.,С.90-93.

⁴⁵ Буряков Ю.Ф. Генезис и этапы... Указ. Соч.,С.69.

⁴⁶ Древняя и средневековая культура Чача. – Ташкент: Фан, 1979. –С.22,23.

⁴⁷ Буряков Ю.Ф. Генезис и этапы... Указ. Соч.,С.70.

⁴⁸ Этнокультурные связи между племенами степной бронзы и круглодонной крашеной керамике наблюдаются по археологическим материалам и в других районах Тянь-Шаня. К примеру, комплекс керамики поселения Теренкара, выявленный Ф. Григорьевым в окрестностях Алматы, помимо плоскодонной горшковидной формы посуды, характерной для финального периода бронзового века, содержал и круглодонные сосуды с росписью красной краской в виде зигзагов и треугольников, имеющих аналогии в материалах расписной керамики Средней Азии. Подробнее см. указанные в примечаниях работы Ф.Григорьева.

⁴⁹ Датировка синхронных памятников предгорья Тянь-Шаня (Асы-1, Тургень-2) естественнонаучными методами установила их хронологическую шкалу XI-VII вв. до н.э., XII-IX вв. до н.э. См.: Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Указ. Соч., С.121.

⁵⁰ Ломан В.Г. Указ. Соч.,С.128.

имодействия культур населения предгорьев Каржантау с соседними районами эпохи поздней и финальной бронзы, с носителями круглодонной крашеной керамики, схожие фрагменты которых отмечаются в комплексе керамики поселения Бургулюк Испиджаба.

Насколько эта связь была тесной, каковы были масштабы заселенности у северо-западных склонов Тянь-Шаня в эпоху поздней и финальной бронзы, покажут последующие исследования, они же и определяют правильность наших выводов.

Археологические исследования памятников носителей керамики каржантауского типа продолжают...

Резюме

Жетекші мамандардын бірнеше ондаған жылдар бойы зерттеп келе жатқан Бүргелік мәдениеті мәселесіне арналған. Сонымен қоса, материалдар басылымында Бүргелік шаткалындағы кейінгі қола дәуірінің қонысы қарастырылып, керамикалық материалдарына талдау жүргізілген.

Summary

The article is devoted to problems of studying of Burgulyk Archaeological Culture by leading experts-archaeologists during several decades. Also publications of the materials occurring from a settlement of epoch of late bronze of natural boundary Burguljuk, the analysis of a ceramic material are carried out.

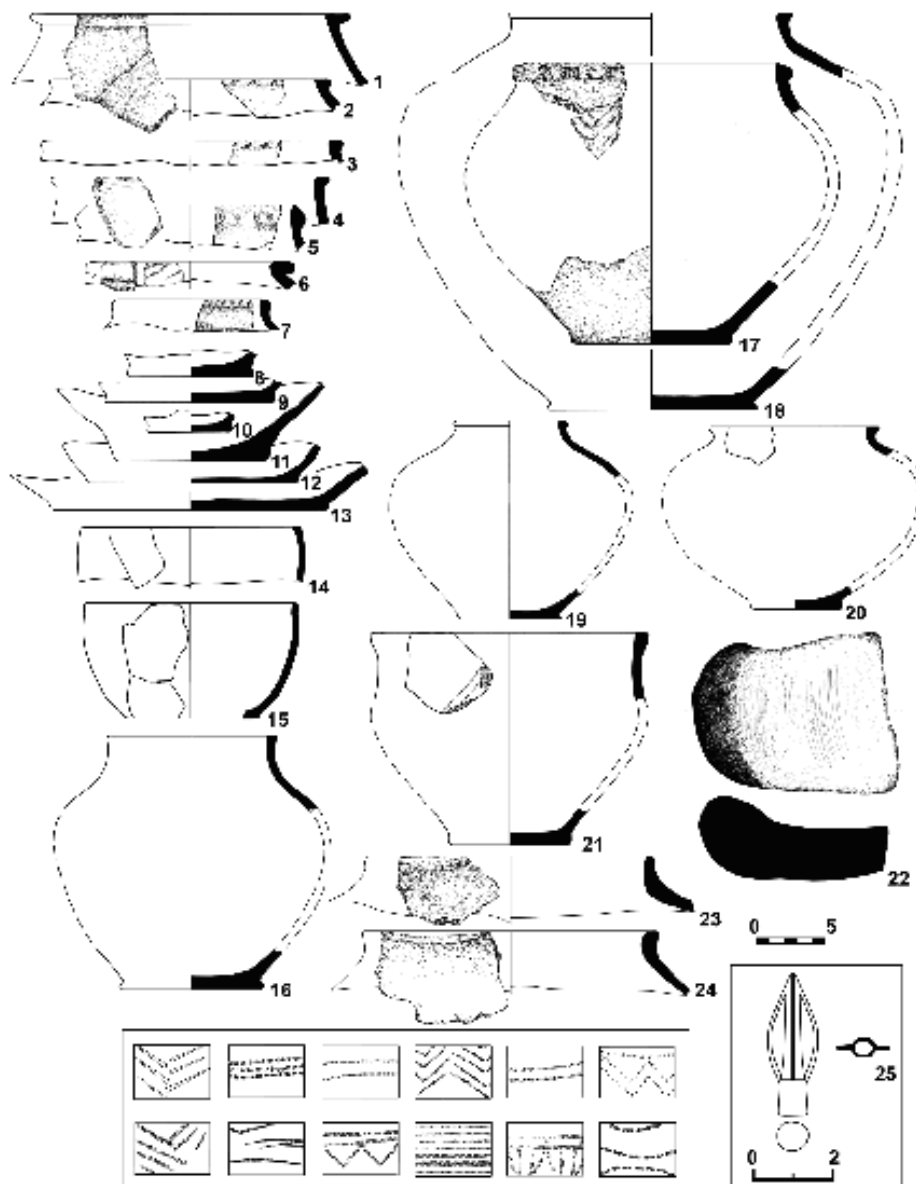

Рис. Комплекс находок поселения Бургулюк

А.З. БЕЙСЕНОВ, В.К. МЕРЦ

К ИЗУЧЕНИЮ ПАМЯТНИКОВ РАЙОНА РЕКИ ШИДЕРТЫ

В последние годы Институтом археологии им. А.Х. Маргулана совместно с Центром археологических исследований ПГУ им. С. Торайгырова проводятся археологические исследования на побережье реки Шидерты. Помимо современных научно-исследовательских работ (направленных, главным образом, на изучение памятников каменного века), проводимых специалистами Центра¹, район среднего течения реки Шидерты известен открытием здесь в конце 1950-х - начале 1960-х годов ярких памятников раннего железного века в группах могильников Тасмола, Нурманбет, Карамурын. Как известно, именно их материалы в свое время легли в основу выделенной М.К. Кадырбаевым тасмолинской археологической культуры².

На первом этапе совместных исследований, в мае 2008 г. были проведены кратковременные разведочные обследования на участке побережий от поселка Шидерты на юге до села Тортуй на севере, далее с охватом 10-км пространства по течению ниже данного населенного пункта. Осмотрены были места расположения основных известных могильников, территории которых, как оказалось, после работ М.К. Кадырбаева подверглись интенсивной распашке. На втором этапе работ 2008 г. проводились исследования южнее поселка Шидерты. Этот район в ландшафтном отношении заметно отличается от уплощенно-увалистой равнины района могильника Тасмола наличием здесь близкорасположенных систем возвышенностей в виде каменистых сопок. Особо это характерно для правобережья. После обследования ряда курганных могильников и одиночных объектов в этом районе, стационарные работы были сосредоточены на поселении Шидертинское-2, в ходе открытия которого еще ранее были

зафиксированы фрагменты керамики ранне-го железного века.

Поселение Шидертинское-2 было исследовано раскопками летом 2008 г. Институтом археологии им. А.Х. Маргулана совместно с Центром археологических исследований ПГУ им. С. Торайгырова. С этой целью в рамках Программы прикладных исследований «Национальная идея как основа устойчивого развития Республики Казахстан» в составе Сарыаркинской археологической экспедиций Института археологии им. А.Х. Маргулана был организован Шидертинский отряд под руководством В.К. Мерца. В 2008 г. Шидертинским отрядом был вскрыт участок памятника площадью 112 кв.м (раскоп охватил и ранние шурфы). В ходе работ получены материалы, относящиеся к эпохам ранней бронзы и раннего железного века³. Ниже даются краткие данные проведенного исследования.

Поселение (рис.1) находится в 5 км к югу от станции Шидерты в Екибастузском районе Павлодарской области, расположено на пологом северо-восточном склоне гряды, образующей с запада скалистый обрыв правого берега реки Шидерты, в районе которого в 1970-1980-х гг. функционировал щебеночный карьер. Памятник открыт Павлодарской археологической экспедицией в начале 1990-х годов. В 2000-2001 гг. на нем проводились сборы подъемного материала, а также были заложены небольшие шурфы, данные которых показали наличие культурного слоя, содержащего разновременный материал.

На площади памятника находятся остатки нескольких больших казахских зимовок прямоугольной формы конца XIX – начала XX вв. и пристроенных друг к другу овальных сооружений из камней. Подъемные сборы дали большую кол-

¹ Мерц В.К. Некоторые итоги и перспективы изучения археологических памятников Павлодарского Прииртышья / Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. Павлодар, 2002, с. 5-20; Его же, Основные результаты изучения памятников каменного века Северо-восточного Казахстана / Вестник КазНУ. Серия историческая. 2006, №2(41), с. 147-153; Его же, Периодизация голоценовых комплексов Северного и Центрального Казахстана по материалам многослойной стоянки Шидерты-3 / Автореф. дисс... канд. ист. наук. Кемерово, 2008; Мерц В.К., Красноперова О.Н. Памятники Шидертинского археологического комплекса / Сб. материалов научно-практической конференции «Наследие академика А.Х. Маргулана», посвященная 100-летию ученого. Экибастуз, 2004, с. 153-163.

² Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры / Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. А., 1966, с. 303-433.

³ В 2010 г. планируется продолжение совместных исследований на поселении Шидертинское-2.

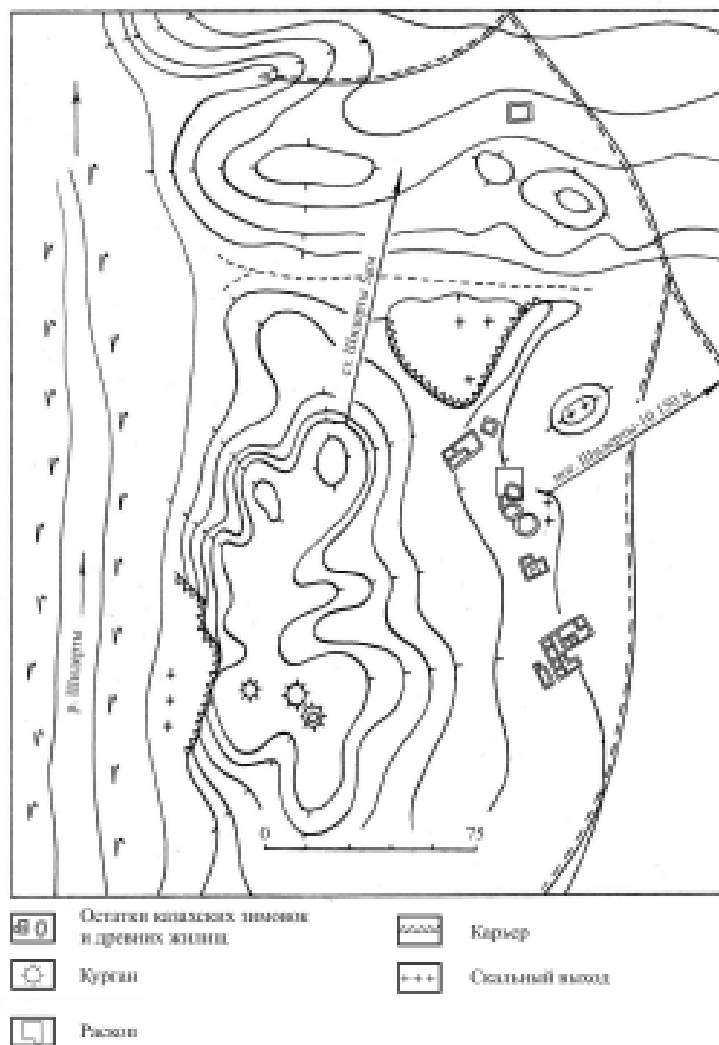

Рис. 1. План поселения Шидертинское-2

лекцию археологического и этнографического материала⁴.

Раскоп 2008 г. был заложен с охватом одной овальной каменной конструкции. Выявлена следующая стратиграфия:

1. Дерн – 0,05 м.
 2. Темно-коричневый почвенный слой супеси – 0,05-0,10 м.
 3. Светло-серый слой – зольник – 0,10-0,15 м.
- Светло-зеленый материковый слой представлен корой выветривания горных пород.

На площади раскопа были выявлены следующие структуры.

В южной части раскопа вскрыто каменное сооружение размером 7,5 x 5,5 м, овальной формы, с каменной наземной печью у восточной стенки и входом с северо-восточной стороны. Ориентировано длинной осью с северо-запада на юго-восток. Камни конструкции уложены двумя параллельными рядами, между которыми имеется каменно-земляное заполнение шириною до 0,5 м. На крупных камнях, составляющих основу конструкции, местами сохранился второй слой кладки из более мелких камней, основная часть которых завалилась внутрь конструкции и наружу. Между мелкими камнями развала стен, во

⁴ Смагулов Т.Н. Новые материалы к изучению Шидертинского археологического комплекса / Сб. материалов научно-практической конференции «Наследие академика А.Х.Маргулана», посвященная 100-летию юбилею ученого. Экибастуз, 2004, с. 44-49.

внутренней части сооружения и снаружи, встречаются кости животных и керамика раннего железного века.

Северную часть раскопа занимает подпрямоугольный котлован размером 5,8 x 3 м, сооруженный в материковом слое. В центре котлована по линии северо-восток – юго-запад на расстоянии около 0,75 м друг от друга имеются три столбовых ямы, углубленных в материк. Котлован углублен в материк на разных участках до 0,2-0,3 м. Вдоль юго-восточного края котлована, на древней поверхности, находилось три больших камня, видимо, оставшихся от стенки жилища.

Котлован полностью был заполнен золой и мусором, состоящим из костей и керамики раннего железного века.

Остатки детского погребения на древней дневной поверхности в квадрате 3-Б. Глубина залегания костных остатков около 15 см. Ориентировано оно головой на северо-восток. Судя по сохранившейся части костяка, его положение – скорченное, на левом боку – позволяет его отнести к эпохе бронзы.

Погребение в каменном ящике, расположено южнее детского захоронения в квадратах 3-4-Б. Здесь обнаружено скопление крупных камней, уходивших в материк и засыпанных перемешанным грунтом, частично происходящим из зольника. При их расчистке была выявлена продолговатая яма, ориентированная по линии запад-восток, оказавшаяся погребением. Оно было плотно забутовано крупными камнями. После разборки камней обнажилась поверхность каменного ящика, составленного из отдельных блоков и большого жертвенного пространства, сооруженного за восточной стенкой в виде ямы размером 1,2 x 0,8 м. Общие размеры могильной ямы – 2,68 x 0,95 м, глубина – 1,2 м. Размеры ящика – 2 x 0,85 м, высота стенок ящика – около 0,35 м.

В головном жертвеннике обнаружено скопление большого количества черепов животных, в том числе коз, овец и лошадей, уложенных мордами на восток. Сохранность костей очень плохая. Остатков удил на лошадиных черепах не обнаружено.

В ящике выявлен плохо сохранившийся костяк человека, лежавшего на спине, головой на восток, с подогнутыми и завалившимися влево ногами. Сам костяк был прижат к левой стенке

ящика и слегка повернут на левый бок. Череп также развернут влево. С костяком найдены остатки железного ножа, имевшего длину около 12 см, фрагменты шила, насаживавшегося на деревянную рукоять и имевшего длину около 6 см, медная округлая пластина-пуговица диаметром около 1,5-2 см с большим, до 1 см, отверстием в центре и маленьким отверстием сбоку, массивная бронзовая бляха круглой шляпковидной формы диаметром 3,5 см с цельнолитой подпрямоугольной петелькой на внутренней стороне, 3 бусины из темно-зеленого стекла диаметром 0,5 см, обломок одной бусины из голубого стекла диаметром 0,7 см, свернутая из медной проволоки петелька диаметром 0,4 x 0,7 см, маленький каменный жертвенник подпрямоугольной формы с закругленными углами.

В области поясницы поперек туловища погребенного была положена крупная лошадиная лопатка.

По своим особенностям погребение относится к коргантасскому типу⁵.

Из раскопа получена также большая коллекция различных предметов, связанных с хозяйственной деятельностью – каменных изделий, мотыг, абразивов, кремневых орудий аморфного облика, среди которых имеются нуклеусы для отщепов, скребки, скребла, наконечники стрел, керамика, фрагменты литейных форм, костяные изделия и фаунистические остатки.

В северо-восточной части раскопа найдена основная часть кремневых изделий и керамики ранней бронзы (рис.2), представленной толсто стенными фрагментами, украшенными гребенчатым орнаментом, наклепными валиками и насечками по венчику. Всего найдено около 100 фрагментов. Данная керамика сопоставима с керамикой елунинского типа Обь-Иртышского междуречья, датируемой исследователями эпохой ранней бронзы. К этому комплексу также можно отнести найденные кремневые орудия и, прежде всего, крупные черешковые наконечники стрел, выполненные из зеленого алевролита и белого кварцита, а также обломок абразива из красного песчаника.

Очень интересной находкой, происходящей из зольника, является обломок небольшого костяного предмета, имеющего овальную форму, с глубоким вырезом на боковой части, образующим

⁵ Бейсенов А.З. Погребальные памятники и культово-ритуальные сооружения древних кочевников Центрального Казахстана (7-1 вв. до н. э.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. А., 1997, с.12-13.

Рис. 2. Керамика эпохи ранней бронзы

два коротких выступа, на концах которых имеются следы использования (рис.3). Данный предмет был осмотрен трассологом А.Н.Усачуком, реконструирован и определен как редкий экземпляр специальных псалиев для объездки лошадей. Подобный предмет впервые обнаружен на казахстанских памятниках. По дате это раннее изделие, относимое специалистами к эпохе энеолита-ранней бронзы.

Керамика⁶ раннего железного века (рис.4), насчитывающая более 1000 фрагментов различных частей сосудов, представляет фрагментированную посуду баночного и горшечного типов. Основная масса этой керамики происходит из зольника, расположенного в северо-западном секторе раскопа, где он заполняет вышеуказанный котлован и занимает площадь вокруг него. Как было сказано, также часть ее найдена в развалах участков каменного сооружения. Большин-

Рис. 3. Костяной псалий

ство сосудов без орнамента, некоторые украшены вдавлениями, жемчужинами, реже различного рода царапинами, ногтевыми защипами, линиями. Имеются фрагменты сосуда со сливом. В целом данная керамика по внешним особенно-

Рис. 4. Керамика эпохи раннего железа

⁶ В настоящее время проводится В.Г.Ломаном технико-технологический анализ данной коллекции, поэтому более полно она будет рассмотрена в другой публикации.

Рис 5. Керамическая литейная форма

стям идентична посуде из поселений раннего железного века, открытых и исследованных А.З.Бейсеновым в Карагандинской области⁷.

Кроме того, в зольнике удалось обнаружить маленький бронзовый однолезвийный нож, обломок двустворчатой керамической литейной формы для отливки ножа (рис. 5) и льячки или сопла, что говорит о факте металлургического производства на данном поселении. Еще один обломок каменной двустворчатой литейной формы для шариков разных размеров, разделенных глубокими бороздками, сделанными крест на крест, которые, видимо, использовались в качестве бусин или пуговиц, происходит из подъемного материала, собранного на памятнике в 2001 г.

В районе каменной конструкции найдены также обломок каменной пуговицы с просверленным отверстием и два моллюска каури с большими овальными отверстиями на спинке, представляющие детали каких-то подвесок.

Коллекция каменных орудий из раскопа (включая данные шурфов) представлена 131 предметом. Из них 113 – мотыги, включая обломки. Наряду с крупными мотыгами (рис.6), имеются экземпляры небольших размеров (рис.7). Основная часть этих изделий относятся к эпохе раннего железа. Данные изучения поселений в Кара-

Рис. 6. Каменные мотыги

гандинской области показывают, что для этих памятников характерны многочисленные мотыги преимущественно малых форм⁸.

Таким образом, установлено, что поселение обживалось по меньшей мере 2 раза: в эпоху ранней бронзы и в тасмолинский период раннего железа. Период коргантаса пока представлен только материалами погребения. На данном этапе работ слой ранней бронзы условно связывается с прямоугольным котлованом, расположенным севернее каменной конструкции. Каменное сооружение, вероятно, оставлено населением тасмолинского периода раннего железного века. Необходимо особо отметить, что поскольку работы на памятнике планируется продолжить, ряд уточнений по указанным горизонтам предполагается сделать в будущем.

Относительно возраста и культурной принадлежности слоя ранней бронзы можно сказать

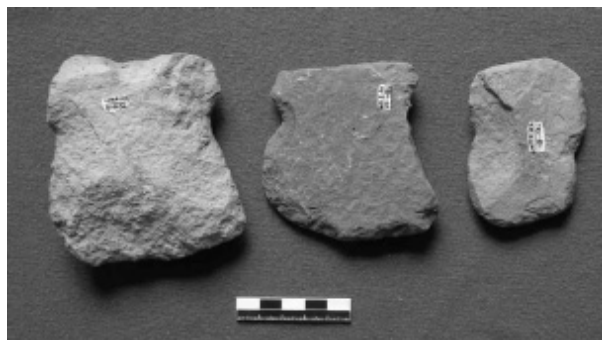

Рис. 7. Каменные мотыги

⁷ Бейсенов А.З. Керегетас-2 коньсынын зерттелуі /Қазақ өркениеті. 2009, №4 (36), б. 5-9; Его же, Некоторые результаты исследования поселения раннего железного века Кызылсуир-2 (Центральный Казахстан). Вестник КазНУ. Серия историческая. 2009, №4 (55), с. 222-225; Бейсенов А.З., Ломан В.Г. К проблеме сложения раннесакских поселенческих комплексов Центрального Казахстана /Вестник Университета «Кайнар». 2009, № 4/2, с. 12-15; Их же, Древние поселения Центрального Казахстана. Монография. А., 2009.

⁸ Бейсенов А.З., Ломан В.Г. Древние поселения Центрального Казахстана. А., 2009.

Рис. 8. Бронзовая бляха

следующее. Его керамика аналогична материалам могильника Шидерты-10, расположенного в 150 м к северо-востоку от описываемого поселения. Могильник был изучен Центром археологических исследований ПГУ им. С.Торайгырова в 2001-2002 гг. По керамическому материалу эти объекты сопоставимы с раннебронзовыми памятниками Обь-Иртышского междуречья, соотносимых с елуинской археологической культурой⁹. По образцам древесного угля из погребения могильника Шидерты-10, В.К.Мерцем получена радиоуглеродная дата 3835 ± 90 лет (СОАН-4860). Ее калибровка указывает на возраст в пределах 2404 – 2266 гг. до н.э., то есть на третью четверть III тыс. до н.э. Таким образом, раннебронзовые материалы поселения Шидертинское-2, аналогичные материалами могильника Шидерты-10, видимо, также можно датировать этим временем.

Слой раннего железного века поселения по аналогии с материалами (особенности каменного сооружения, керамика) карагандинских памятников предварительно датируется в рамках III-V вв. до н.э. По отношению как к данному памятнику, так и остальным изученным раскопками поселения раннего железного века Центрального Казахстана, особо остается неясным вопрос верхней даты. Этот вопрос определенным образом связан с проблемой даты появления памятников коргантасского типа. По-видимому, к началу периода коргантас

Рис. 9. Каменный жертвенник

эти поселения уже пустовали. Факт сооружения погребения коргантасского периода на площади поселения раннего железного века ранее был встречен на раскопе 2 поселения Кызылсуир-2. На основании первой серии материалов коргантасские погребения были отнесены к III-I вв. до н.э.¹⁰. В погребении на поселении Шидертинское-2 в могиле помимо прочего найдены 2 замечательных изделия – это крупная бронзовая бляха (рис.8) и оставленный на груди умершего плоский каменный жертвенник (рис.9). Оба изделия связаны с материальной культурой предшествующего тасмолинского периода. Ранее в нескольких случаях были встречены факты нахождения каменных плоских жертвенников тасмолинского типа в насыпях коргантасских погребений. Вероятно, данное погребение следует предварительно датировать IV- III вв. до н.э.

Резюме

Шидерті өзені бойында жүргізілген археологиялық ізденістердің қысқаша қорытындылары баяндалады. 2008 ж. мұнда барлаулармен қатар Шидерті-2 қонысында қазба салынған болатын. 112 ш.м аумақты қамтыған қазбадан ерте қола мен ерте темір дәуірлеріне қатысты құнды деректер алынған.

Summary

The brief results of surveys and researchers that carried out on banks of Shiderty River are contains in the article. The archaeological investigations in this area and stationary excavation on the settlement of Shidertynskoye-2 were carried out in 2008. Pottery and other artifacts that belongs to the Epoch of Bronze and Early Iron Age originated from the excavation that reached the area of 112 sq. m.

⁹ Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул, 2002.

¹⁰ Бейсенов А.З. К вопросу о выделении памятников коргантасского типа в Восточной Сарыарке (вторая половина – конец I тыс. до н. э.). / Этнокультурные процессы на территории Казахстана (древность, средневековье, современность). А., 1995, с.55-61; Бейсенов А.З. Погребальные памятники и культово-ритуальные сооружения древних кочевников Центрального Казахстана (7-1 вв. до н. э.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. А., 1997, с.12.

М.К. СЕЙТКАЛИЕВ

**РАННЕПРОХОРОВСКИЕ ВПУСКНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ
В КУРГАНАХ НЕКРОПОЛЯ КЫРЫК-ОБА II**

Некрополь Кырык-Оба II находится в 77 км от г. Уральска и в 5 км от отделения Даниляколь Борлинского района Западноказахстанской области. Могильник насчитывал около 30 курганов различного размера, вытянутых цепочкой по линии восток-запад. Общая протяженность могильника составляет более 3 км. Некрополь можно условно разбить на две части. Восточная состоит из 8 курганов, расположенных компактной группой, близко друг к другу. Западная часть насчитывает 21 курганную насыпь, расстояние между которыми колеблется от 10 до 180 м. Проведенные археологические исследования на некрополе показали однотипность курганов. У всех курганов земляная насыпь округлой в плане формы, как правило, с оплывшей южной стороной. Подкурганые погребальные сооружения представляли собой сложные деревянные конструкции шатрового и срубного типа, опиравшиеся в большинстве случаев на валы разнообразных форм, сложенных из материковой глины. Формы могильных ям также отличаются большой поливариативностью. Наряду с широко представленными типами того времени, открыты новые и малораспространенные для исследуемого региона формы могильных ям.

В 2005-2007 гг. Кырык-Обинским отрядом Уральской экспедиции были исследованы 2 кургана, находящиеся в восточной части некрополя, в насыпи которых был впущен ряд погребений, относящихся к раннему этапу прохоровской культуры.

Курган 1(05) представлял собой сильно оплывшую земляную насыпь округлой в плане формы высотой 1,1 м и диаметром 40 м. После сноса насыпи на уровне древней поверхности было расчищено сожженное деревянное сооружение. Конструкция диаметром более 20 м была сложена из бревен и горбылей, радиально расходящихся от центра к краям кургана. Судя по характеру расположения бревен, сооружение имело шатровую в плане форму. Длина бревен не установлена, так как сооружение в центральной части разрушено грабительскими раскопами.

Поверх деревянной конструкции был уложен слой веток, лежавших поперек длиной оси бревен.

Основное захоронение совершено на древней поверхности внутри сооружения и неоднократно подвергалось разграблению. В центральной части погребальной площадки найдены многочисленные бронзовые и железные изделия, фрагменты керамических и стеклянных сосудов.

К внешней стороне бревенчатой конструкции примыкал концентрический настил шириной около 3 м, сложенный из камышовых матов и листов коры. За пределами сооружения обнаружено впускное погребение 4. О впускном характере захоронения говорит тот факт, что при рытье могильной ямы был нарушен настил, а часть могильного выкида перекрывала шатровую конструкцию.

Погребение 4 находилось в западном секторе кургана¹. Могильная яма подквадратной формы ориентирована стенками по сторонам света, размеры 2,7x2,8 м, глубина 1,16 м от уровня древней дневной поверхности. Заполнение могильной ямы представляло собой смесь гумуса черного цвета и суглинка желтого цвета. В процессе выборки заполнения могилы на глубине 0,2 м найдены две лопатки лошади. По дну могильная яма имела четкий контур в форме квадрата размером 2,1x2,1 м. По периметру дна могильной ямы были прорыты канавки шириной около 0,4 м и глубиной 0,2 м, образовывавшие таким образом земляной стол, обильно посыпанный мелом. На поверхности «стола» под меловой посыпкой были прослежены остатки погребального ложа, сложенного из жердей. На самом ложе находилось непо потревоженное парное захоронение. Погребенные, мужчина (?) и женщина (?), лежали на спине в вытянутом положении, головами на юг (рис. 1.1).

Руки женщины были вытянуты вдоль туловища. Ноги были соединены и располагались параллельно друг другу. Сохранность костей скелета удовлетворительная, отсутствовали кости левой кисти, частично раздроблена грудная клетка. Интересны следы ранения в затылочной части черепа погребенной в виде сквозного отвер-

¹ Смаилов Ж.Е., Сейткалиев М.К. Археологические исследования некрополя Кырык-Оба II. // Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие» в 2007 году. Алматы, 2008. С. 165.

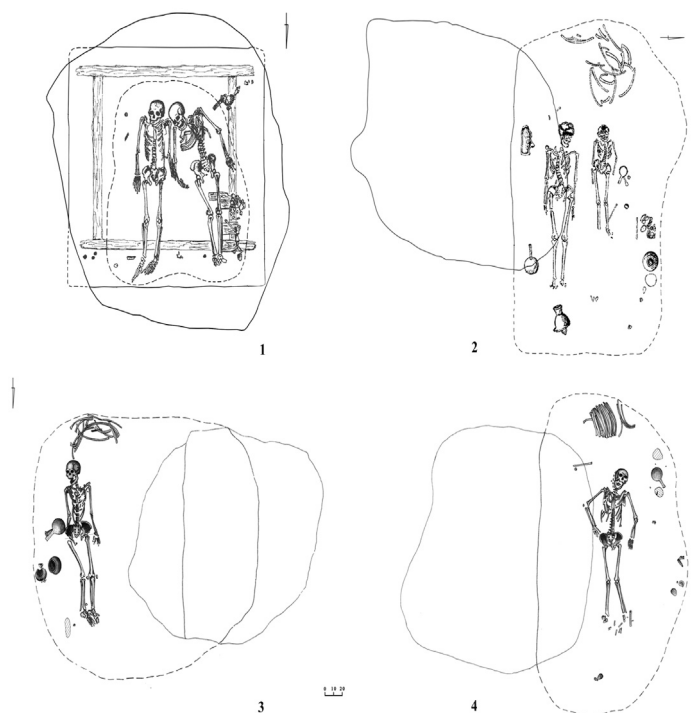

Рис. 1. 1 – курган №1 (05), погребение 4; 2 - курган №2 (05), погребение 3;
3 - курган №2 (05), погребение 4; 4 - курган №2 (05), погребение 5;

ствия рваной формы. Следов заживления или воспалительного процесса визуально не фиксируется, что, возможно, говорит о смертельном исходе нанесенной раны. Пробоина в черепе, скорее всего, была нанесена серией ударов тяжелым предметом, имеющего квадратную в сечении рабочую часть.

На расстоянии 0,10 м от правой кисти лежали бронзовое колесико и железный нож. На правой кисти находился железный браслет, изготовленный из прута округлой в сечении формы. Рядом с браслетом лежала костяная бусина. В непосредственной близости от правой стопы лежали два каменных изделия.

У мужчины руки слегка расставлены в стороны. Правая рука лежала поверх левой руки женщины. У погребенного отсутствовали фаланги обоих ног. Имеются следы заживших переломов. В районе шейных позвонков найдены бусы, изготовленные из стекла, и фигурные подвески, изготовленные из фаянса, светло-коричневого и кремового цветов. Подвеска сделана в виде головы древнеегипетского бога Беса в тиаре из шести перьев, перехваченных у основания повязкой. Раскосые глаза окаймлены дугообразными бровями, доходящими до широкого приплюснутого носа. Из раскрытого рта высовывается язык.

Волосы бороды и усов переданы волнистыми линиями.

У левого плеча погребенного лежали разбитое бронзовое зеркало (рис. 2.1), керамическое изделие, металлическая обойма, видимо, оставшаяся от футляра зеркала. Недалеко от левой ноги зафиксирован развал керамического сосуда, который удалось реставрировать. Горшок круглодонный слегка уплощенным дном, воронковидной горловиной и носиком-сливом. Поверхность темного цвета, тесто грубое. Сосуд орнаментирован по верхней части поясом из зигзагов. Рядом с сосудом найдены костяные, бронзовые, каменные изделия, куски мела, реальгара, серы и ископаемые раковины.

Курган 2(05) представлял собой сильно оплывшую земляную насыпь округлой в плане формы, высотой 1 м и диаметром 40 м. После сноса насыпи на уровне древней поверхности было расчищено сложное надмогильное сооружение, сложенное в виде сруба-клетки. Сруб подквадратной формы был сооружен на уровне древней дневной поверхности, стенки с внутренней стороны были укреплены столбами. За пределами сруба была расчищена кольцевая выкладка из веток. К внешней границе выкладки примыкал настил, сложенный в форме кольца из листов

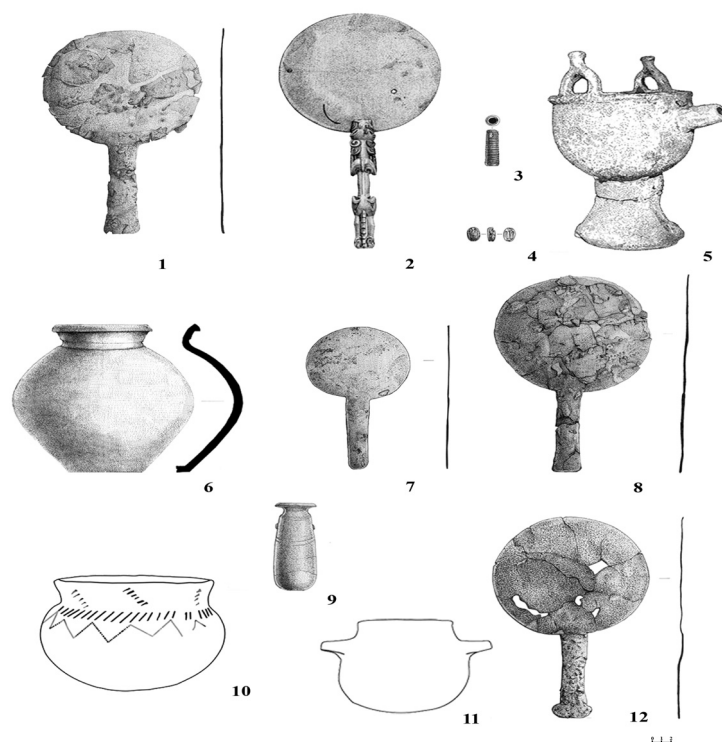

Рис. 2. Материал из погребений. 1 – курган №1 (05), погребение 4; 2-7 – курган №2 (05), погребение 3; 8-11 – курган №2 (05), погребение 4; 12 – курган №2 (05), погребение 5; (1, 2, 5, 7, 8, 12 – бронза; 3 – стекло; 4 – фаянс; 6, 10, 11 – керамика; 9 – алебастр).

кору и камышовых матов. К сожалению, основное захоронение, совершенное в центре сооружения на уровне древней поверхности, как и в предыдущем кургане, было разграблено.

За пределами сооружения обнаружено 4 впускных погребений, относившихся к различным эпохам². О впускном характере данных погребений говорит как сопроводительный инвентарь, так и тот факт, что при рытье могильных ям частично была разрушена деревянная конструкция и нарушена выкладка с настилом.

Погребение 3 находилось в юго-западном секторе кургана. По форме в плане входная яма погребения приближалась к широкому неправильному овалу, размерами 3,2x2,5 м. Длинной осью она была ориентирована по линии СВ-ЮЗ. Заполнение могильной ямы представляло собой смесь гумуса черного цвета и суглинка желтого цвета. В ходе выборки заполнения могильной ямы на глубине 0,2-0,3 м было зафиксировано мощное пятно прокала оранжевого цвета. На этой же глубине найдены фрагмент каменного сосуда

(венчик), кальцинированная трубчатая кость лошади и остатки яичной скорлупы. Юго-восточная стенка ямы на глубине 0,85 м имела уступ шириной 0,75 м, который проходил по всей ее длине. Далее стенка плавно спускалась в направлении дна. Дно ямы располагалось на глубине 2,2 м. Дно входной ямы ровное и постепенно переходит в пол подбоя. У входа в подбой расчищена обугленная плашка. Подбой был вырыт в северной части входной ямы. По форме в плане он приближался к прямоугольнику, размерами 3,35x2,2 м. Подбой был ориентирован длинными стенками по линии В-З. Потолок подбоя неоднократно обрушивался в древности, вследствие чего установить его высоту и форму не представлялось возможным.

На дне подбоя находилось непо потревоженное парное захоронение (рис. 1.2). Погребенные, взрослый и ребенок, лежали на спине в вытянутом положении, головами на запад. Руки взрослого индивида были вытянуты вдоль туловища. Ноги были соединены и располагались парал-

² Смаилов Ж.Е., Сейткалиев М.К. Археологические исследования некрополя Кырык-Оба II. // Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие» в 2007 году. Алматы, 2008. С. 15-16.

лельно друг другу. Скелет ребенка находился в непосредственной близости и параллельно взрослому. Руки ребенка были вытянуты вдоль туловища и слегка согнуты в локтевых суставах. Ноги, так же как и у взрослого, были соединены и располагались параллельно друг другу. Кости правой стопы ребенка обнаружены чуть поодаль от костяка, лежащие беспорядочной кучей. Сохранность костей плохая, у обоих скелетов полностью или частично раздроблен череп, грудная клетка и кости рук. Возле костяков были расчищены многочисленные предметы сопровождающего инвентаря.

У входа в подбой лежало блюдо, изготовленное из рога лося. Рядом с ним лежала фигурная накладка из золота, выполненная в виде головы грифона. Длина 5,7 см, ширина 1,5 см.

Вблизи черепа женщины (?) найдены куски охры и гальки. У правой ноги погребенной лежало большое бронзовое зеркало, которое крепилось двумя железными гвоздиками к костяной ручке, выполненной в зооморфном стиле. Размеры диска 17,9x16,9 см, длина ручки 18,6 см (рис. 2.2). Рядом с зеркалом находился стеклянный сосудик цилиндрической формы, изготовлен в технике сердечника из стекла грязно-голубого цвета. Высота изделия 5 см. Венчик утрачен, место скола хорошо заполировано (рис. 2.3). Вокруг флакона лежали стеклянная бусина веретеновидной формы с внутренней позолотой, бусина бочковидной формы, изготовленная из кальцита белого цвета. Рядом с ними лежала фигурная подвеска, выполненная в форме скарабея со сложнорасчлененной головой и спинкой, разделенной на два крыла и выделенными шестью лапками, помещенный на овальный щиток, на обратной стороне которого выдавлен ряд иероглифов. В предмете имеется продольное отверстие для подвешивания. Сделан скарабей из фаянса светло-зеленого цвета (рис. 2.4). Возле голени были расчищены пастовые бусины. У ног погребенной, возле восточной стенки лежал бронзовый котелок на коническом поддоне, с двумя вертикальными одношипными ручками по венчику и трубчатый носиком-сливом (рис. 2.5). Высота 24,3 см, диаметр 11,8 см. Вплотную к северной стенке были поставлены керамический станковый сосуд высотой 20 см и диаметром 19,3 см (рис. 2.6), ритуальная галька, терочник (?), ископаемые раковины и многочисленные предметы конской узда (распределители ремней, нащечные бляхи). Возле сосуда найден кусок мела.

Возле левой руки ребенка лежало бронзовое дисковидное зеркало с боковой ручкой. Размеры диска 10,4x9,4 см, общая длина вместе с ручкой 18,8 см (рис. 2.7). Под зеркалом найдена костяная ложечка с зооморфным навершием. Общая длина 14,3 см. Рядом с зеркалом лежало керамическое пряслице. Диаметр 30 мм, высота 26 мм, диаметр отверстия 6 мм.

У изголовья погребенных были положены ребра лошади. Среди костей был найден железный черешковый нож.

Погребение 4 находилось в юго-западном секторе кургана. Входная яма захоронения имела округлую в плане форму. Ее диаметр составлял 2,3 м. Заполнение могильной ямы представляло собой смесь гумуса черного цвета и суглинка желтого цвета. В ходе вскрытия могильной ямы на глубине 0,4 м найдена бронзовая пронизь. Западная стенка входной ямы имела две ступеньки, расположенные на глубине 0,6 м и 1,7 м, которые проходили по всей длине стенки. Ширина уступов около 0,8 м. Дно ямы располагалось на глубине 2,2 м. Дно ровное. В восточной стенке входной ямы был вырыт подбой овальной в плане формы, ориентированный длинной осью по линии С-Ю. На дне подбоя был расчищен скелет, предположительно принадлежавший молодой женщине (рис. 1.3). Погребенная лежала на спине в вытянутом положении, головой на юг. Лицо слегка повернуто на восток, руки вытянуты вдоль туловища. Ноги соединены, располагались параллельно друг другу и были слегка согнуты в коленях. Сохранность костей скелета удовлетворительная, частично раздроблена грудная клетка. Интересны следы ранения в затылочной части черепа погребенной в виде сквозного отверстия округлой формы. Следов заживления или воспалительного процесса визуально не фиксируется, что возможно говорит о смертельном исходе нанесенной раны. Пробоина в черепе, скорее всего, была нанесена ударом тяжелого предмета, имеющего округлую в сечении рабочую часть.

У изголовья погребенной, как и в предыдущем погребении, расчищены кости лошади. Среди них также был найден железный нож. В районе шейных позвонков расчищены стеклянные и каменные бусы. На левом запястье женщины расчищен браслет, сделанный из бронзового прута круглой в сечении формы. На правом запястье найден железный браслет. У локтя правой руки лежало большое бронзовое дисковидное

зеркало с боковой ручкой (рис. 2.8). Под зеркалом находился каменный сосудик. Сосуд сделан из хорошо отполированного алебастра кремового цвета с прожилками темно-коричневых тонов. Высота сосуда - 12 см, максимальная ширина - 4,5 см. Венчик широкий, отогнут наружу, шейка короткая, основание сосуда слегка расширяется и закругляется книзу. На тулове находятся две ручки-колодочки, расположенные на расстоянии 3,1 см от венчика (рис. 2.9). Возле восточной стенки лежали два сосуда, один из которых был раздавлен. Первый горшок имеет шаровидное тулово, уплощенное дно и воронковидную короткую горловину. Поверхность черного цвета, тесто с примесью талька. По верхней части тулова нанесен ряд зигзагов, по плечу и шейке идут косые линии (рис. 2.10). Внутри сосуда лежал железный черешковый нож. Второй горшок удалось отреставрировать, он также круглодонный с уплощенным дном, короткой прямой шейкой и слегка отогнутым венчиком, неорнаментирован. Поверхность кирпичного цвета, тесто грубое (рис. 2.11). Возле сосудов найдены раскрошившиеся куски мела.

Погребение 5 находилось в юго-восточном секторе кургана. Входная яма погребения имела подквадратную в плане форму и была ориентирована стенками по сторонам света. Заполнение могильной ямы представляло собой смесь гумуса черного цвета и суглинка желтого цвета. В верхних слоях заполнения могильной ямы найдены фрагмент отбитой ножки каменного жертвенника и две бронзовые пронизи, выполненные в зверином стиле. Восточная стенка входной ямы имела ступеньку на глубине 0,75 м. Подбой овальной в плане формы был вырыт в западной стенке входной ямы. Дно погребения прослежено на глубине 1,85 м. Дно ровное. На дне подбоя расчищен костяк, предположительно принадлежавший женщине (рис. 1.4). Погребенная лежала на спине в вытянутом положении, головой на юг. Руки были расставлены в стороны и согнуты в локтевых суставах. Ноги были соединены и располагались параллельно друг другу. Кости правой стопы обнаружены в разрозненном состоянии. Сохранность костей скелета удовлетворительная, частично раздроблена грудная клетка в силу неоднократного обвала свода подбоя. В затылочной части черепа погребенной обнаружен компрессионный перелом, следов заживления или воспалительного процесса визуально не

фиксируется, что возможно говорит о смертельном исходе нанесенной раны. Перелом, очевидно, был нанесен ударом тупого предмета, имеющего округлую в сечении форму.

У правого локтя найдена золотая нашивная бляшка с изображением головы грифона, размером 2,1x1,5 см. Аналогичные бляшки (7 шт.) были расчищены возле черепа, вместе с ними найдена одна полусферическая нашивка диаметром 1,2 см. У самого входа в подбой лежали костяная трубочка и керамическое пряслице усеченно-биконической формы. Диаметр – 2,8 см, высота – 2,1 см, диаметр отверстия 6 см.

Возле южной стенки расчищены кости лошади и железный нож. У западной стенки найдено бронзовое дисковидное зеркало с боковой ручкой, конец которой оформлен в форме грибовидной шляпки (рис. 2.12). Диаметр диска 15 см, общая длина вместе с ручкой 25,5 см. Вокруг зеркала лежали три стеклянные бусины и бронзовый втульчатый наконечник стрелы. Недалеко от них расчищены ископаемые раковины и кусочки охры. Возле левой ноги погребенной лежала костяная трубочка. У северной стенки найдены ритуальная галька и большой кусок охры.

Итак, благодаря тому, что все погребения располагались на периферии основных захоронений, они остались незамеченными для грабителей. Полученный в ходе раскопок непо потревоженных захоронений материал дает возможность восстановить в целом погребальный обряд, определить их культурную принадлежность и хронологические рамки.

Погребение 4 в кургане №1 (05), бесспорно, выделяется на фоне остальных как по форме могильной ямы, так и по его внутреннему устройству. Захоронение совершено в могильной яме подквадратной формы, по периметру дна могилы были прорыты канавки, образующие таким образом земляной стол, на который были уложены погребенные. Это довольно редкий тип могильной ямы. Так, по данным С.Ю. Гуцалова, в Южном Приуралье зафиксированы всего две могилы подобного типа, датированные второй половиной VI–V вв. до н.э.³ Могилы с подобным устройством известны не только в Южном Приуралье, но и в соседних и более удаленных территориях. Так, в могильнике Уйгарак О.А. Вишневецкая исследовала семь аналогичных могил⁴. Там же, в Приуралье в могильнике Южный

³ Гуцалов С.Ю. Древние кочевники Южного Приуралья в VII-I вв. до н.э. Уральск, 2004. С. 94.

⁴ Вишневецкая О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII-V вв. до н.э. М.: Наука. 1973. С. 61.

Тагискен раскопано два захоронения с подобным внутренним устройством⁵. Помимо приаральского региона аналогичные могилы известны в раннескифских памятниках Северного Причерноморья⁶. Схожие погребения, но только с дромосом, прорытым с южной стороны могильной ямы и угловыми ямками, датируемыми VI в. до н.э., фиксируются в могильниках Приднепровской лесостепи⁷. На Среднем Дону также встречаются могилы с прорытыми по периметру стен канавками, как и раннескифские погребения они имеют по дну ямы, захоронения датированы IV в. до н.э.⁸.

Все впускные погребения в кургане №2 (05) располагались по кольцу и на равном отдалении от центрального захоронения. Аналогичная картина наблюдается во многих могильниках V-IV вв. до н.э. Южного Приуралья, в таких, как Лебедевка V⁹, Филипповка I¹⁰, Мечетсай¹¹. Очевидно, что конечная планировка погребений и их взаиморасположение определялись изначально.

Захоронения совершены в подбоях. Подбой были вырыты именно в той стенке входной ямы, которая была ближе к центру кургана, где находилось основное погребение. Это указывает на то, что отношение погребальной камеры к центральному захоронению для копавших могилу была важнее, чем ориентировка самого подбоя касательно сторон света. Схожая ситуация фиксируется в кургане 3 могильника Кичигино, относящегося к V-IV вв. до н.э.¹².

Устья подбоев, видимо, закрывались рядами вертикально поставленных деревянных плашек, препятствующих проникновению грунта в погребальную камеру. В погребении 3 удалось расчи-

стить остатки такого перекрытия, в других захоронениях о наличии такого рода закладов говорит характер расположения отдельных костей погребенных, смещенных в ходе разложения мягких тканей и свидетельствующих о том, что камеры длительное время оставались полыми.

Ориентировка костяков зависела от расположения могильной ямы, почти все погребенные, за исключением захороненных в погребении 3, уложены головой на восток, остальные ориентированы головой на юг.

Обязательной чертой погребального обряда было положение заупокойной пищи в виде ребер лошади у изголовья погребенных.

Для определения культурной принадлежности и хронологии исследованных погребений следует обратиться к многочисленному и достаточно выразительному сопровождающему инвентарю.

Определить время погребения 4 кургана №1 (05) помогут фигурные подвески с изображением Беса, изготовленные из фаянса, светло-коричневого и кремowego цветов. Предмет, безусловно, изготовлен в Египте, где мы находим большой круг аналогий, датированных временем XXVI династии¹³.

Зеркало из этого комплекса относится к I типу классификации К.Ф. Смирнова и датируется IV в. до н.э. Полной аналогией кырыкобинскому является зеркало из погребения 2 кургана 7 могильника Три брата¹⁴.

Точной аналогии керамическому сосуду из рассматриваемого погребения нам не известно. Близкой аналогией, но не тождественной, является горшок из кургана 1 могильника Кудыксай III, датированный V-IV вв. до н.э.¹⁵.

⁵ Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сырдарьи. М.: «РОССПЭН». 1997. С. 30.

⁶ Ольховский В.С. Раннескифские погребальные сооружения по Геродоту и археологическим данным. //СА, №4. 1978. С. 91.

⁷ Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII-IV вв. до н.э. Киев, Изд-во «Наукова Думка». 1983. С. 238.

⁸ Гуляев В.И. «Амазонки» на Среднем Дону. // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж, 2002. С. 129.

⁹ Железчиков Б.Ф., Клепиков Н.М., Сергацков И.В. Древности Лебедевки. М., Изд-во: «Восточная литература». 2006. С. 13.

¹⁰ Яблонский Л.Т. Новые раскопки Филипповского могильника I. // Археология Восточно-Европейской степи. В. 6. Саратов, 2008. С. 257.

¹¹ Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке. М., 1975. С. 92.

¹² Таиров А.Д., Боталов С.Г., Плешанов М.Л. Исследование курганного могильника Кичигино в 2007 г. (предварительные результаты). // Ранние кочевники Волго-Уральского региона: материалы междунауч. конференции «Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий». Оренбург, 2008. С. 140.

¹³ Ходжаши С.И. Изображения древнеегипетского бога Беса в собрании Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина: Каталог. М., 2004. С. 143-147

¹⁴ Смирнов К.Ф., Петренко В.Г. Савроматы Нижнего Поволжья и Южного Приуралья. САИ, Д1-9. М., 1963. Т. 28.

¹⁵ Гуцалов С.Ю. Зауральская керамика в погребениях ранних кочевников Южного Приуралья. // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Серия 1 исторические науки. №3, Челябинск, 2005. С. 88.

¹⁶ Пиотровский Б.Б. Древнеегипетские предметы найденные на территории Советского Союза. // СА, М.: Наука, 1958. №1. С. 21.

Время погребения 4 кургана №1 (05) определяется, прежде всего, импортными предметами. Наиболее значимым предметом является фигурное изделие в форме скарабея из погребения 3. Тщательность изображения туловища жука говорит в пользу того, что он, по всей вероятности, изготовлен в Египте, а не в центрах Малой Азии или восточного побережья Средиземного моря, для которых характерна сильная стилизация¹⁶. В самом Египте известно несколько центров по изготовлению подобных фаянсовых изделий. Это Мемфис, Фивы и греческий город-колония Навкратис¹⁷. Последний, при посредничестве греческих городов Милет, Самос и Родос, активно развернул международную торговлю. Навкратийские изделия, в частности, скарабеи, найдены в Закавказье, Северном Кавказе, Северном Причерноморье, Румынии¹⁸. Несомненный интерес представляют находки аналогичных скарабеев из греческого поселения на острове Березань в Северном Причерноморье. Ценность их заключается в том, что все они происходят из закрытых археологических комплексов, которые имеют четкие хронологические границы и датируются серединой VI – началом V вв. до н.э.¹⁹.

К категории редких находок можно отнести флакон иранского производства. Подобные флаконы использовались в Ахеменидском Иране для хранения косметической краски, используемой для подводки глаз. Наиболее близкой аналогией рассматриваемому предмету является флакон из кургана 5 могильника Березки I, относящегося к рубежу V – IV вв. до н. э. Серия аналогичных флаконов найдена в северо-западном Иране и датируется зарубежными специалистами в пределах V – IV вв. до н.э. с возможностью сдвига верхней границы в более позднее время²⁰.

Также предметом импорта являются наборы бус, найденные во всех рассмотренных погребениях.

К сожалению, на сегодняшний день еще не появилось обобщающей работы по многочисленным коллекциям бус, происходящих с территории Южного Урала, и это, безусловно, затрудняет работу при уточнении хронологии и места производства данной категории инвентаря. Подавляющее большинство бусин является стеклянным. Бусы бочковидной и веретеновидной формы (в сечении 6-гранные) изготовлены из прозрачного стекла светло-голубого, белого и зеленого цветов. Подобного типа бусы очень редко встречаются в погребениях VI – IV вв. до н.э. Южного Урала, широкое распространение они получают только в эллинистическое время. Похожие бусы обнаружены в кургане I могильника у с. Покровка, датированного V в. до н.э.²¹. Аналогичная бусина найдена в кургане I могильника Тамар-Уткуль, относящегося к IV в. до н.э.²².

Помимо стеклянных найдены каменные бусы веретеновидной, бочковидной, бипирамидальной, цилиндрической и линзовидной форм, изготовленные преимущественно из полупрозрачного сердолика красно-коричневых цветов. Все сердоликовые бусы однородны по качеству камня, технике и тщательности изготовления, несомненным является производство их в одном центре. В Южном Приуралье сердоликовые бусы находят, в основном, в погребениях конца VI и начала V вв. до н.э. По мнению Г.Г. Лемлейна, бусы из сердолика производились в Иране и Индии²³. Некоторые исследователи полагают, что изготавливались подобные бусы в Индии, а материал для их изготовления поставлялся из Ирана и Аравии²⁴.

Важной находкой для хронологической привязки этого погребения являются два зеркала. Первое зеркало – составное, найдено возле взрослого костяка. Ручка зеркала изготовлена из кости и оформлена в виде скульптурных изображений пантер, расположенных симметрично, в пасти

¹⁷ Скрипкин А.С. Изделия египетского фаянса у сарматов Поволжья. // Историко-краеведческие записки. Волгоград, 1975. В. III. С. 95

¹⁸ Пиотровский Б.Б. Древнеегипетские предметы найденные на территории ... С. 22-23.

¹⁹ Большаков А.О., Ильина Ю.И. Египетские скарабеи с острова Березань. // ВДИ, М.: Наука, 1988. №3(186). С. 65.

²⁰ Скарбовенко В.А. Погребальный комплекс эпохи раннего железа в кургане 5 могильника Березки I. // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В.С.Ольховского. сб.статей. М.: 2005. С. 392.

²¹ Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сармат. М.: Наука, 1964. С. 309.

²² Смирнов К.Ф., Петренко В.Г. Савроматы Нижнего Поволжья и Южного Приуралья. САИ, Д1-9. М.: Наука, 1963. Т. 27.

²³ Смирнов К.Ф. Савроматы... С. 147.

²⁴ Аникеева О.В. Каменные бусы из Филипповского и Прохоровского могильников. // Ранние кочевники Волго-Уральского региона: материалы межд. науч. Конференции «Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий». Оренбург, 2008. С. 27.

²⁵ Смирнов К.Ф. Савроматы... С. 156.

которых зажат бронзовый диск, который крепился к ручке двумя железными заклепками. Данное зеркало относится к редкому VI типу по классификации К.Ф. Смирнова и датируется в пределах V-IV вв. до н.э.²⁵. Так как ручки данного типа изготавливались из дерева или кости и украшались художественной резьбой, отсутствие аналогии кырыкобинскому зеркалу выглядит вполне закономерно, ведь оформление ручек является, прежде всего, плодом индивидуального творчества мастера-резчика. Подобного типа зеркало найдено в погребении 4 кургана 4 могильника Филипповка²⁶. Второе зеркало из этого комплекса относится к I типу классификации упомянутого выше исследователя. Этот тип зеркал довольно широко представлен и бытует в Южном Приуралье с VI в. до н.э. по III в. до н.э.²⁷. Полной аналогией кырыкобинскому является зеркало из погребения 1 кургана 3 могильника Покровка 10²⁸.

Бронзовый котелок из рассматриваемого погребения не находит полных аналогий. Близкие по форме котелки происходят из кургана 3 могильника Кичигино²⁹, предварительно датированного исследователями V – началом IV вв. до н.э., и Соболевского кургана V в. до н.э.³⁰. К.Ф. Смирнов относил Соболевский котелок ко II типу и считал, что данный тип связан с котлами I типа, которые близки им по форме, но отличаются отсутствием носика-слива и имеют по венчику две арочные ручки с одним отростком, на вершине увенчанный гвоздеобразной шляпкой³¹. Кырыкобинский котелок совмещает в себе морфологические признаки обоих типов и, видимо, занимает промежуточное положение.

Для определения времени погребения 4 так-

же следует обратить внимание на сопроводительный инвентарь. Зеркало аналогично предмету из погребения 4 кургана №1 (05) и также датируется IV в. до н.э.

Весьма интересна находка туалетного сосуда-алабастра. Возможным местом производства найденного сосуда был Египет. В пользу этого говорит то, что абрис сосуда очень напоминает форму аналогичных предметов, происходящих с территории Египта. Материал, из которого сделан сосуд, также подтверждает древнеегипетское происхождение алабастра. Египетские сосуды, как правило, изготавливались из местных пород камня – алабастра, диорита, оникса и серого гранита³². Однако нельзя упускать из виду вероятность того, что найденный сосуд может относиться к широко распространенным подражаниям египетским изделиям. Идентичные рассматриваемому алабастровые алабастры найдены в Ольвии и относятся к VI – V вв. до н.э.³³. Похожий сосуд найден в разрушенном кургане на окраине г. Орска и датируется второй половиной V – третьей четвертью IV вв. до н.э.³⁴. Несколько отличный, но все же типологически близкий каменный сосудик обнаружен в погребении 3 кургана Б могильника у дер. Прохоровка Оренбургской области. Погребение датируется авторами раскопок IV – III вв. до н.э. Аналогичный сосуд, сделанный из алабастра, был найден в среднесарматском погребении Чкаловского могильника³⁵.

Сосуд из погребения 4 можно отнести к III отделу круглодонной керамики по классификации М.Г. Мошковой, и датируется IV в. до н.э. Более всего он напоминает сосуды из погребения 1

²⁶ Равич И.Г., Яблонский Л.Т. Химико-технологическое изучение сарматских зеркал, найденных в курганных могильниках Оренбургской области. // Ранние кочевники Волго-Уральского региона: материалы межд. науч. конференции «Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий». Оренбург, 2008. С. 100.

²⁷ Смирнов К.Ф. Савроматы... С. 153.

²⁸ Яблонский Л.Т. Работы комплексной Илекской экспедиций в 1995 году. //Курганы левобережного Илека. В. 4. М., 1996. С. 46.

²⁹ Таиров А.Д., Боталов С.Г., Плешанов М.Л. Исследования курганного могильника Кичигино в 2007 г. (предварительные результаты). // Ранние кочевники Волго-Уральского региона: материалы межд. науч. конференции «Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий». Оренбург, 2008. С. 143.

³⁰ Смирнов К.Ф. Савроматы... С. 131.

³¹ Смирнов К.Ф. Савроматы... С. 128-131.

³² Савельева Т.В., Смирнов К.Ф. Ближневосточные древности на Южном Урале. // ВДИ, М.: Наука, 1972. №3(12). С. 112.

³³ Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР. М.: Наука, 1984. С. 254.

³⁴ Савельева Т.В., Смирнов К.Ф. Ближневосточные древности... С. 106-123.

³⁵ Яблонский Л.Т., Мецзяков Д.В. Доследование курганного могильника у д. Прохоровка. // Ранние кочевники Волго-Уральского региона: материалы межд. науч. конференции «Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий». Оренбург, 2008. С. 191.

кургана 1 могильника Аландское³⁶ и погребения 2 кургана 25 Ново-Кумакского могильника³⁷, оба памятника датируются рамками IV вв. до н.э. Близкий кырыкобинскому по форме горшок происходит из кургана 1 могильника Акжар II, относящегося к рубежу V–IV вв. до н.э.³⁸. Второй сосуд из рассматриваемого комплекса не находит прямых аналогий в керамике Южного Приуралья. Абрис горшка напоминает форму сосудов из кургана Солоха³⁹. Несколько близким рассматриваемому сосуду по форме, но не по времени является горшок, который происходит из кургана 13 могильника Чограй VIII, датированного III–II вв. до н.э. Но следует отметить, что он несколько отличается: у него более выраженная и вытянутая шейка и слегка отогнутый наружу венчик⁴⁰. Думается, что кырыкобинский сосуд является исходной формой для данной категории керамики.

Время погребения 5 определяет наличие бронзового зеркала, которое относится к 3 типу I отдела по классификации М.Г. Мошковой. Время бытования подобных зеркал, по мнению М.Г. Мошковой, следует определять рамками IV–III вв. до н.э.⁴¹. В классификации К.Ф. Смирнова нижней границей существования зеркал этого типа обозначен IV в. до н.э.⁴².

Следующим предметом, позволяющим определить хронологию погребения, являются нашивные бляшки. Близкой аналогией им, на наш взгляд, являются золотые бляшки из кургана 3 могильника Нагорненский, датируемого автором раскопок V в. до н.э.⁴³.

Таким образом, погребальный инвентарь и обряд захоронений указывает на их одновременность и, возможно, принадлежность погребений к одной семейной группе. Анализ сопроводительного инвентаря и погребального обряда позволяет отнести все погребения к рубежу V–IV вв. до н.э. Не должен смущать тот факт, что ряд элементов погребальной обрядности и категории

инвентаря носят несколько архаический облик. К таковым относится наличие почти во всех погребениях заупокойной пищи в виде боков лошади и части инвентаря, представленного в виде ископаемых раковин. В остальном же погребальный обряд и сопроводительный инвентарь большинства погребений характерен для раннепрохоровского этапа. Помимо общераспространенных категорий инвентаря в исследованных погребениях довольно значительно представлен блок импортных изделий. Следует отметить, что некоторые импортные предметы из рассматриваемых комплексов находят впервые не только в Западном Казахстане, но и в Южном Урале. Каким образом попали эти изделия к древнему населению Южного Урала, остается до конца неизвестным, несмотря на то, что в последние десятилетия количество находок импортных предметов значительно увеличилось. Не вдаваясь в историографию данного вопроса, отметим, что в настоящее время существует множество версий, от появления их в результате торговых отношений, обмена и до проникновения импортов благодаря военно-политическим контактам.

Наряду с общими чертами погребального обряда, характерными для большинства памятников прохоровской культуры, рассмотренные погребения имеют ряд особенностей. Своеобразие исследованных погребений заключается в том, что почти во всех захоронениях погребенные имеют следы насильственного умерщвления. Локализация и характер травм исключают их появление в ходе каких-либо военных столкновений. Кроме того, точный удар именно в затылочную кость черепа погребенных, вполне возможно, указывает на ритуальную подоплеку убийства. Среди памятников прохоровской культуры нам известен только один случай, где на черепе зафиксировано подобная травма. Но, к сожалению, могила Ново-Кумакского кургана была разграблена и весьма затруднительно что-либо говорить о характере

³⁶ Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры. САИ.Д1-10. М., 1963. Т. 9.

³⁷ Мошкова М.Г. Сарматские погребения Ново-Кумакского могильника близ г.Орска. // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. Изд-во: «Наука» М., 1972. С. 37.

³⁸ Гуцалов С.Ю. Культурный комплекс на горе Жилантау. // Уфимский Археологический Вестник, №1. Уфа, 1998. С. 145.

³⁹ Королькова Е.Ф. Ритуальные чаши с зооморфным декором в культуре ранних кочевников. // Археологический сборник, В. 36. СПб., 2003. С. 37.

⁴⁰ Кокуркина О.В. Территория и время бытования ранних диагональных погребений. // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. №2. Уральск, 2007. С. 209.

⁴¹ Мошкова М.Г. Памятники... Т. 27.

⁴² Смирнов К.Ф. Савроматы... С. 131.

⁴³ Курманкулов Ж.К. Исследование могильника Нагорненский в 1981 году. (Предварительный итог). // Материалы международной научной конференции «Кадырбиевские чтения - 2007». 16-18 мая 2007 г. Актобе, 2007. С. 102.

травмы, но если учесть, что череп принадлежал мужчине и пробоина зарубцевалась при жизни, думается, что все-таки данная рана относится к категории боевых⁴⁴.

Характер погребального инвентаря говорил о женской принадлежности всех захоронений. На наш взгляд, нанесенные травмы являются следствием обычая насильственного умерщвления жен, наложниц или рабынь после смерти мужа-хозяина. Захоронение в отдельных могилах и присутствие относительно богатого сопроводительного инвентаря в большинстве погребений только подчеркивало тот факт, что умерщвленные женщины являлись относительно полноценными членами общества, но занимали подчиненное положение по отношению к мужчине.

В связи с этим можно привести множество примеров захоронения умерщвленных женщин, занимающих подчиненное положение. Так, например, в ряде курганов тагарской культуры открыты погребения, где в ногах мужчины-воина была уложена женщина без сопроводительного инвентаря со следами насильственной смерти⁴⁵. Стоит упомянуть средневековые погребения Дмитриевского могильника, где в богатых воинских погребениях возле пожилого мужчины уложена молодая женщина со следами насильственного умерщвления, возле которой расчищен сопроводительный инвентарь. Как считает С.А. Плетнева, женщины в данных погребениях выступают в роли «посмертных жен»⁴⁶.

Весьма интересно погребение с канавками в кургане №1 (05). Большинство исследователей полагают, что данный элемент предназначался для укрепления вертикально либо горизонтально установленных бревен, облицовывающих стены. И этому есть ряд подтверждений. Так стенки ряда могил Приднепровской лесостепи были облицованы деревом, основание которого вкопано в канавки по периметру ям⁴⁷. Как полагают некоторые исследователи, подобное обустройство могильных ям восходит к степным традициям эпохи бронзы, так как в некоторых могильниках того времени в подобных канавках были расчищены остатки деревянной облицовки⁴⁸.

Однако в исследованном нами погребении не зафиксированы какие-либо следы облицовки. Кроме того, размеры погребального ложа превышали параметры земляного стола, а ноги самих погребенных нависали над этими канавками, в которых обнаружены несколько кучек ритуальных галек. Такую же ситуацию отмечала О.А. Вишневецкая во всех подобных могилах Уйгарака, там же в кургане 16 в канавке обнаружен погребальный инвентарь. В одном из поздних мавзолеев Северного Тагискена часть сосудов сопроводительного инвентаря также находилась в канавке⁴⁹. Все это, возможно, говорит о том, что канавки рылись не только в практических целях, т.е. для облицовки стен, но и несли еще какую-то смысловую нагрузку.

Как уже отмечено выше, подобные могилы появились в Южном Приуралье во второй половине VI-V вв. до н.э. и не фиксируются в более раннее время, в отличие от других регионов. Заманчиво было бы признать, что могилы подобного типа отражают проникновение в VI-V вв. до н.э. и в позднее время в степи Южного Приуралья небольших групп кочевников с юга и запада, которые и привнесли с собой данный обряд. Но подобные могилы ни в одном из рассмотренных выше регионов не составляют большинство и относятся к слабораспространенным типам. На наш взгляд, в подобном типе могильных ям необходимо видеть какую-то социально-религиозную основу обряда, нежели воспринимать его как некий этнический маркер.

Таким образом, в ходе раскопок на некрополе Кырык-Оба II были исследованы ряд впускных погребений раннепрохоровского этапа, которые значительно дополнили наши представления о погребальном обряде ранних кочевников Западного Казахстана. Наряду с широко распространенными типами могильных ям, изучены весьма редкие по своему внутреннему устройству могилы, содержащие уникальный сопроводительный инвентарь. Уникальность инвентаря заключается в том, что в исследованных погребениях найдено большое количество находок импортных предметов из Египта и Ирана. Кроме того при

⁴⁴ Мошкова М.Г. Сарматские погребения... С. 41.

⁴⁵ Мартынов А.И. Лесостепная тагарская культура. Изд-во «Наука». Новосибирск, 1979. С. 31.

⁴⁶ Плетнева С.А. Возможности выявления социально-экономических категорий по материалам погребальной обрядности. // РА, №4, 1993. С. 161.

⁴⁷ Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия... С. 238.

⁴⁸ Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки... С. 36.

⁴⁹ Вишневецкая О.А. Культура сакских... С.61.

исследовании некоторых захоронении где погребенные имели явные следы насильственного умерщвления, мы столкнулись с весьма интересной ритуальной практикой древнего населения Южного Приуралья вероятно, связанной с убийством жен после смерти мужа. Думается, что введенный в научный оборот материал раскопок прольет свет на проблему происхождения и механизмы формирования прохоровской культуры в степях Западного Казахстана и Южного Урала.

Резюме

Қырық-Оба II қорымы обаларындағы қазбаның кейбір нәтижелері қаралады. Қазба барысында бірқатар ертепрохоровтық зираттар зерттелген болатын. Обаларда қабір шұңқырларының кенінен таралған түрлерімен қатар, аз таралған формалары да зерттелді. Осы зират-

тарды қазу арқасында Мысыр мен Ираннан келген көптеген импорт заттардан тұратын қосалқы инвентарь алынды. Кейбір импорттардың тек Батыс Қазақстанда ғана емес, сонымен қатар, Оңтүстік Оралда да алғаш рет кездесіп отырғанын атап кеткен жөн.

Summary

Some results of excavation of barrows of a necropolis of Kyryk-Oba II in which course have been investigated a number inlet Early-Prokhorovo burial are considered in the article. In barrows along with widespread types of sepulchral holes, a little widespread form has been investigated also. Thanks to excavation of the given burials the accompanying stock presented in the form of a considerable quantity of import subjects from Egypt and Iran is received. It is necessary to notice that some imports are met for the first time not only in the Western Kazakhstan, but also in Southern Ural Mountains.

А.Н. МАРЬЯШЕВ, О.Н. ГУМИРОВА

ПЕТРОГЛИФЫ ВАЛКАМОНИКИ И ИХ КАЗАХСТАНСКИЕ И ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКИЕ АНАЛОГИИ

В конце лета 2009 года сотрудники петроглифического отряда Института археологии имени А.Х. Маргулана совершили поездку на север Италии, в провинцию Брешиа, в Валкамонику, часть рисунков которой расположены на склонах Доломитовых Альп рядом с городом Капо ди Понте.

Целью поездки стало знакомство с одним из выдающихся и наиболее изученным памятником первобытного искусства Европы, насчитывающим несколько тысяч рисунков. В последние годы все чаще авторам работ о казахстанских петроглифах в поисках аналогий приходится обращаться к европейскому наскальному искусству. В некоторых случаях в литературе о наскальных изображениях встречались удивительные совпадения в культовых сценах в изображении солярных знаков и атрибутов у отдельных персонажей. Однако эти совпадения просматривались только среди определенной группы петроглифов. В Валкамонике имеется много иных петроглифов с

незнакомыми сюжетами, образами, неизвестными в Средней Азии и Казахстане.

Получить ответы на некоторые вопросы можно было только на месте, ознакомившись с топографией скал на практике, техникой нанесения рисунков. Следовало уточнить, как те или иные образы, знаки, антропоморфные персонажи и фантастические существа датируются европейскими коллегами.

Авторы работ о петроглифах Валкамоники выделяют несколько разновременных групп с рисунками и датируют их от эпохи энеолита до эпохи поздней бронзы. Часть отдельно стоящих рисунков, которые не образуют сцен с культовыми фигурами, они относят к эпохе неолита.¹ К этому же времени и по этим же признакам относят древнюю группу петроглифов и сибирские археологи.²

В Казахстане обнаружено только несколько памятников искусства эпохи мезолита, неолита

¹ Anati Emmanuel. The Civilisation of rocks, Edizioni del centro, Capo di Ponte, 2008, с. 108-121. Anati Emmanuel. Valcamonica rock art. A new history for Europe. Edizioni del centro, Capo di Ponte, с. 69-84. Ausilio Priuli. Valcamonica: Valley of Prehistory. Museo didattico d'arte e vita preistorica, Capo di Ponte, с. 8-11. Umberto Sasoni. Campanine, fanum lovis. Sentieri del tempo\ L'arte rupestre di campanine fra storia e preistoria, с. 43-72.

² Молодин В.И., Черемисин В.Д. Древнейшие наскальные изображения плоскогорья Укок, Новосибирск, с. 102.

и энеолита, однако те, что приведены в публикациях, не составляют большую группу, и их датировка недостаточно аргументирована. Только на некоторых из них собраны образцы каменной индустрии.³ Для изучения петроглифов этого времени еще не выработаны надежные методы определения возраста, не обнаружены канонические повторяющиеся сюжеты.

Европейские коллеги, как сибирские и узбекские, исходят из того, что большинство наиболее древних рисунков не составляют многофигурные сюжеты и представлены одиночными крупными контурными рисунками, кроме того, как аргумент используют тот факт, что изображены дикие, а не одомашненные животные. Заметим, что Молодин В.И. и Черемисин Д.В. находят стилистическое сходство в контурных рисунках лошадей из Калгутинского рудника с европейскими изображениями. Однако эта датировка еще не стала общепризнанной.⁴

Авторы работ о петроглифах Валкамоники составили достаточно подробную периодизацию всех рисунков этого региона, используя различные методы в исследованиях: исходя из общих закономерностей эволюции первобытного искусства, результатов археологических раскопок на поселениях, анализе стиля, технике нанесения рисунков и современных методов датирования, включая радиоуглеродные даты с поселений.⁵

Одним из основных специалистов в области изучения петроглифов является директор Samunian Centre for Prehistoric Studies Эммануил Анати. Им разработана периодизация петроглифов Валкамоники, которая в течение многих лет совершенствуется. Он выделил следующие периоды в эволюции наскального искусства Валкамоники:

автор работы отметил, что заселение долины реки Оглио произошло в эпоху мезолита, после того как ледник отступил и изменились климатические условия более 10 000 лет назад. Сама долина представляла собой экологическую нишу. После окончания ледникового периода район реки Оглио, где расположена Валкамоника, оказался чувствителен ко всем последовавшим изменениям климата. Горный климат и наступившее

потепление способствовали образованию местной фауны. В эпоху мезолита появляются первые группы людей.

В эпоху неолита долина уже была покрыта густыми лесами. В атлантический период (около 5 500 лет до н.э.) происходит переход к производящему хозяйству.

В это время население селилось в основном не в долине реки Оглио, а на холмах, там, где было расположено и древнее святилище с петроглифами.⁶

В ходе работ с казахстанскими и центрально-азиатскими петроглифами было отмечено, что многие из них имеют много общего в сюжетах, в технике исполнения с европейскими рисунками. Особенно много общего в стиле некоторых из них.

Рассмотрим ряд аналогий: в одном стиле выполнены солярные персонажи, ряженные с головными уборами из перьев, колесницы с двумя колесами без возниц, четырехколесные повозки, запряженные лошадьми, изображения знаков в форме круга со спицами, ладоней, подошв людей, адорантов, людей в позе моления, змей, чашевидных углублений, или лунок и др. (Таблицы 1-13). Степень идентичности может различаться в зависимости от того, насколько сложным является рисунок.

Иконографически наиболее близки изображения колесниц и повозок (таблицы 8, 9), солярных знаков (таблица 1) и следов ноги (таблица 14). Больше вариантов и разнообразия имеют развернутые сюжеты: пары мужчин – адорантов, стоящих с поднятыми и согнутыми в локтях руками (таблица 4), эротические сюжеты (таблица 5), сцены с изображением скотоложества (таблица 12), люди в позе моления (таблица 3).

Более отдаленное сходство прослеживается в фигурах оленей, собак, лошадей, в сценах охоты. Как и на других памятниках, в Валкамонике петроглифы высечены в разное время, причем разрыв во времени составляет между более древними и поздними несколько тысяч лет, поэтому сравнивать эти рисунки и делать какие-либо выводы следует осторожно и в определенных временных рамках.

³ Самашев З.С. Петроглифы Казахстана. Алматы, 2006, с. 22.

⁴ Молодин В.И., Черемисин В.Д. Древнейшие наскальные изображения плоскогорья Укок, Новосибирск, с. 102.

⁵ Anati Emmanuel. The Civilisation of rocks, Edizioni del centro, Capo di Ponte, 2008, с. 64-84. Anati Emmanuel. Valcamonica rock art. A new history for Europe. Edizioni del centro, Capo di Ponte, с. 61-66. Marretta Alberto. In cerca di "graffiti" alle Scale di Cimbergo, Sentieri del tempo\ L'arte rupestre di campanie fra storia e preistoria, с. 13-32.

⁶ Anati Emmanuel. The Civilisation of rocks, Edizioni del centro, Capo di Ponte, 2008, с. 124-125.

Наиболее близкие аналоги прослеживаются в петроглифах Валкамоники, Центральной Азии и Казахстана в эпоху энеолита, бронзы и частично в эпоху финальной бронзы.

К эпохе энеолита относятся, по периодизации Э. Анати, следующие сюжеты: четырехколесные повозки, запряженные быками, с дышловом способом запряжки, солярные знаки в форме круга и колеса, изображения топоров, кинжалов, личин, людей в позе адорации с поднятыми и согнутыми в руках руками, группы людей, взявшихся за руки и образующих группу танцующих, поединки двух мужчин, из животных – фигуры быков с короткими рогами и оленей.

Аналогичные рисунки из Казахстана, Киргизии и частично Монголии датируются этим же временем, за исключением казахстанских материалов, где пока что найдено незначительное количество рисунков эпохи энеолита. Уверенно датировать их еще трудно.

Многие из казахстанских аналогов (солярные знаки, подошвы, солнцеголовые персонажи, фигуры ряженных, изображения эротического характера, двухколесные колесницы датируются эпохой бронзы.⁷

Сюжетные параллели и иконографические аналоги не вызывали бы удивления, если бы памятники наскального искусства Киргизии, Сибири и Казахстана не были бы удалены от Валкамоники на огромное расстояние.

Известно, что большинство петроглифов Гобустана, росписей из Африки и Ближнего Востока иконографически не имеют близкого сходства с казахстанскими и центрально-азиатскими: в росписях Сахары,⁸ на египетских барельефах или печатях, на украшениях ворот из Переднего Востока на дворце Саламансара III колесницы с возникшими показаны в профиль⁹, тогда как на скалах Центральной Азии рисунки колесниц выбиты в «плане».

Следует обратить внимание на тот факт, что перечисленные параллели и иконографически близкие, выполненные в определенном стиле фигуры животных, людей, а также многочисленные знаки связаны с мифологическими представлениями населения и отражают языческие верования. Они могут существовать на протяжении нескольких эпох. Для подтверждения этого приведем несколько примеров:

солярные знаки в форме колеса со спицами сохранялись вплоть до средневековья, изображения колесниц встречаются на скалах и в эпоху раннего железа.

Энеолитические жезлы из Причерноморья и Европы имеются в сценах с ряженными в культовых сюжетах из Казахстана в петроглифах эпохи бронзы, а также на современных иконах с изображением Христа.¹⁰

Видимо, работая на памятниках наскального искусства, часть археологов не всегда учитывает то обстоятельство, что многие образы и символы религиозного содержания пережили тысячелетия. Лунки, или чашевидные углубления, известны в пещерах Европы еще с каменного века, поэтому не всегда можно использовать эти рисунки как опорные сюжеты и образцы для построения периодизации целой группы петроглифов.

Наиболее надежными из них для петроглифов эпохи бронзы являются сюжеты с колесницами, поскольку находки самих колесниц известны в погребениях в Синташте,¹¹ в Казахстане, в Европе, на Ближнем Востоке.¹²

Сами аналоги иконографически не всегда идентичны, среди них совпадают на разных памятниках только отдельные образы-символы.

В каждом из регионов имеются и неповторимые сюжеты, прослеживаются свои стилистические особенности. Примером могут служить изображения следа в Валкамонике и в Центральной Азии. Сопутствующими сюжетами в Баян-Жу-

⁷ Кадырбаев М.К., Марьяшев А.Н. Петроглифы хребта Каратау, изд. 2-ое, Алматы, 2007, с. 56, рис. 27, с. 62, рис. 31. Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Наскальные изображения Семиречья. Алматы, 2002, с.25.

⁸ Анри Лот. В поисках фресок Тассимен-Аджеера. Ленинград, 1973.

⁹ Новоженев В.А. Наскальные изображения повозок Средней и Центральной Азии. Алматы, 1994, с. 68-69, рис. 36-37. История искусства зарубежных стран. Первобытное общество, древний восток, античность. Москва, 1981, издание «Изобразительное искусство», рис. 181, 184, 292.

¹⁰ Смирнов А.М. Изображения посохов на антропоморфных изваяниях эпохи энеолита в Северном Причерноморье и Средиземноморье. Аналогии, интерпретации// Памятники археологии и древнего искусства Евразии. Москва, 2004, с. 65-93. Кадырбаев М.К., Марьяшев А.Н. ,указ. работа, с. 56, рис. 27, с. 62, рис. 31.

¹¹ Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта, Челябинск, 1992, с. 214. Новоженев В.А., указанная работа, с. 123-153.

¹² Новоженев В.А. Указанная работа, с. 21-76.

реке являются люди в позе адорации и лошади, в Валкамоники – люди с копьями, сцены сражения и олени.¹³

И все же значительную часть совпадений вплоть до отдельных деталей трудно признать случайной.

Не случайно в Валкамоники с окончанием бронзового века появляются новые рисунки с изображениями жилищ на сваях, в батальных сценах, поединках со щитами. В Казахстане почти полностью исчезают многие культовые сюжеты эпохи бронзы. В эпоху раннего железа появляется искусство звериного стиля, получившее распространение в кочевой среде.

Наскальное искусство Валкамоники менялось, видимо, медленнее, чем в Центральной Азии и в Казахстане, так как население оставалось жить в долине реки Оглию, не меняло образа жизни, типа хозяйства и уклада жизни.¹⁴ Значительно сложнее, чем выделить некоторые параллели в эволюции наскального искусства этих регионов, выяснить, когда и почему возникли сходные мифологические представления на обширной территории. Многие представления могли возникнуть на определенной стадии развития общества в силу одинаковых условий, в которых оно находилось. Известно, что антропоморфные солнечные персонажи известны в Египте и на Колумбийском плато, откуда они вряд ли могли проникнуть, в частности с другого материка через океан.

Открытия в последние годы в Туркмении в районе Мургаб Сарияниди В.И. позволили рассматривать продвижение индоиранского населения с запада на юг. Можно более уверенно говорить о контактах степняков-скотоводов с земледельческим населением Средней Азии.¹⁵

Наши материалы, полученные при изучении наскального искусства Казахстана, свидетельствуют о существовавших в древности контактах и прямых заимствованиях или влиянии одних культур на другие, что нашло отражение не только

в мифологических сюжетах, но и в особенностях и иконографической идентичности ряда образов и отдельных фигур.

При работе с петроглифами Валкамоники возникает вопрос: как можно объяснить идентичность многих образов людей, животных, изображений повозок, колесниц и знаков-символов. Сведений о миграции населения из Европы в Казахстан в эпоху энеолита и бронзы не сохранилось, однако известно по антропологическим источникам, что древнее население по ряду признаков на территории Казахстана было в основном европеоидным. Единого представления о путях миграций в этот период у специалистов нет.

Известно, что на территории Казахстана в эпоху бронзы основной археологической культурой была андроновская культура. У археологов существует несколько гипотез о ее происхождении. Большинство авторов работ на эту тему считают, что истоки андроновской культурно-исторической общности следует искать на западе в Восточной Европе.

Некоторые из них полагают, что синташтинская, предшествующая андроновской, культура возникла под влиянием других культур из западного ареала, где заметную роль сыграла раннеалакульская культура.¹⁶

Следует иметь в виду, что многие памятники первобытного искусства стилистически близки аналогичным на огромной территории, что не может указывать на их принадлежность к какой-либо одной культуре, да и среди памятников Казахстана и Центральной Азии тоже имеются определенные различия, как в сюжетах и отдельных образах, так и в стиле.

Возможно, продвижение индоевропейского населения на восток происходило неоднократно.

Мы не ставим своей задачей объяснить или связать идентичные изображения с конкретной культурой, мы обращаем внимание на близость этих памятников от Европы до Казахстана и Монголии.

¹³ Байпаков К.М., Марьяшев А.Н. Петроглифы Баян-Журека, Алматы, 2008, с.113,189.

Anati Emmanuel. The Civilisation of rocks, Edizioni del centro, Capo di Ponte, 2008, с. 215-217, 268-269. . Umberto Sasoni. Указанная работа, с.52-69, рис. 10, 15, 17, 21, 22, 24, 29, 31, 32.

¹⁴ Anati Emmanuel. The Civilisation of rocks, Edizioni del centro, Capo di Ponte, 2008, с. 275-284.

¹⁵ Массон В.М. О продвижении носителей культур степной бронзы в процессах культурогенеза в древней Средней Азии. Комплексные общества в Центральной Евразии в III-I тысячелетиях до н.э.// Материалы Международной конференции. Челябинск-Аркаим, 1999, с. 72-77.

¹⁶ Ткачев В.В. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актобе, 2007, с. 344-346.

Л.Л. Галкин, изучавший контакты населения срубной и алакульской культур, пишет что, начиная с энеолита, эти контакты не прерывались, а в «срубно-андроновскую эпоху этот миграционный процесс приобретает устойчивый характер».¹⁷

Уже в первой половине II тысячелетия до н.э. население из Волго-Уральского междуречья продвигается на юг, достигая Мургаба.

Ряд авторов отмечает смену культурных традиций местного неолитического населения Средней Азии кельтеминарского круга и распространение племен со степными традициями. В. Массон подчеркивает, что этот процесс носил мирный характер.¹⁸

Е.Е. Кузьмина считает, что это было не единовременное переселение большой группы населения и проходило оно в несколько этапов в течение длительного времени.¹⁹

Таким образом, появление европейских аналогий в петроглифах не является исключительным случаем в Центральной Азии и в Казахстане. Отсутствие петроглифов в Восточной Европе и за Уралом, видимо, связано с тем, что там нет подходящих плоскостей для петроглифов.

Известно, что в Казахстане и Средней Азии петроглифы имеются в основном в горных районах. Общим в древнем наскальном искусстве

Европы и Азии являются не только стилистическое единство, но и сама мифо-ритуальная система, связанная с мировоззрением населения в эпоху энеолита и получившая дальнейшее развитие в эпоху бронзы. Общее в изображении образов, сюжетов и символов можно объяснить единой знаково-коммуникативной системой, сформировавшейся в эпоху энеолита и распространившейся в степи Казахстана в эпоху бронзы.

Резюме

Валкамоника петроглифтері және оның Азия жеріндегі ұқсастығы атты мақалада авторлар Е. Анати еңбегінде негізгі сюжеттер мен жартастағы бейнелерді кезеңдерге бөлінуін оқырмандарға таныстырады. Мақалада Қазақстан мен Орталық Азияның энеолит және қола дәуірі кезеңдеріндегі мифтік-ғұрыптық ұқсастығы көрсетілген.

Summary

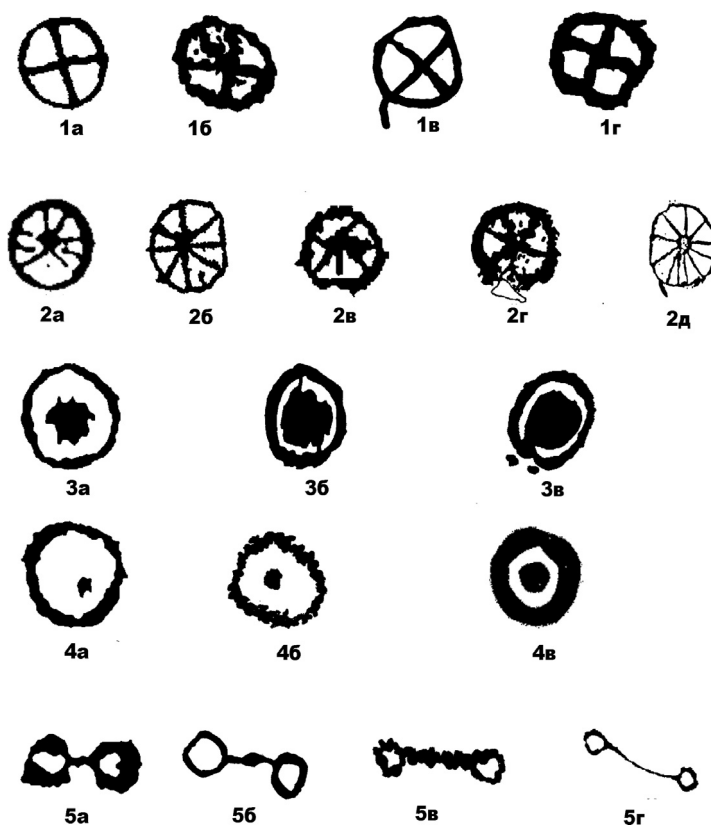
In the article «The Petroglyphs of Valkamonika and the Asian analogies» authors inform the basic data about ancient petroglyphic art of Valkamonika, acquaint the reader with the basic plots and periodization of the rock drawings, developed by E. Anati. An analogy of the figures originates from Kazakhstan are Central Asia, allowing drawing a conclusion on unity of mythos and ritual system in the Epoch of Eneolith and Bronze in the article.

¹⁷ Галкин Л.Л. Проникновение носителей срубной и андроновской традиции в Мургабский оазис. Миропонимание древних и традиционных обществ Евразии, Москва, 2006, с. 53-66.

¹⁸ Массон В.М. Указанная работа, с. 72-77.

¹⁹ Кузьмина Е.Е. Арии – путь на юг. Москва-Санкт-Петербург, 2008, с. 39-50.

Таблица №1

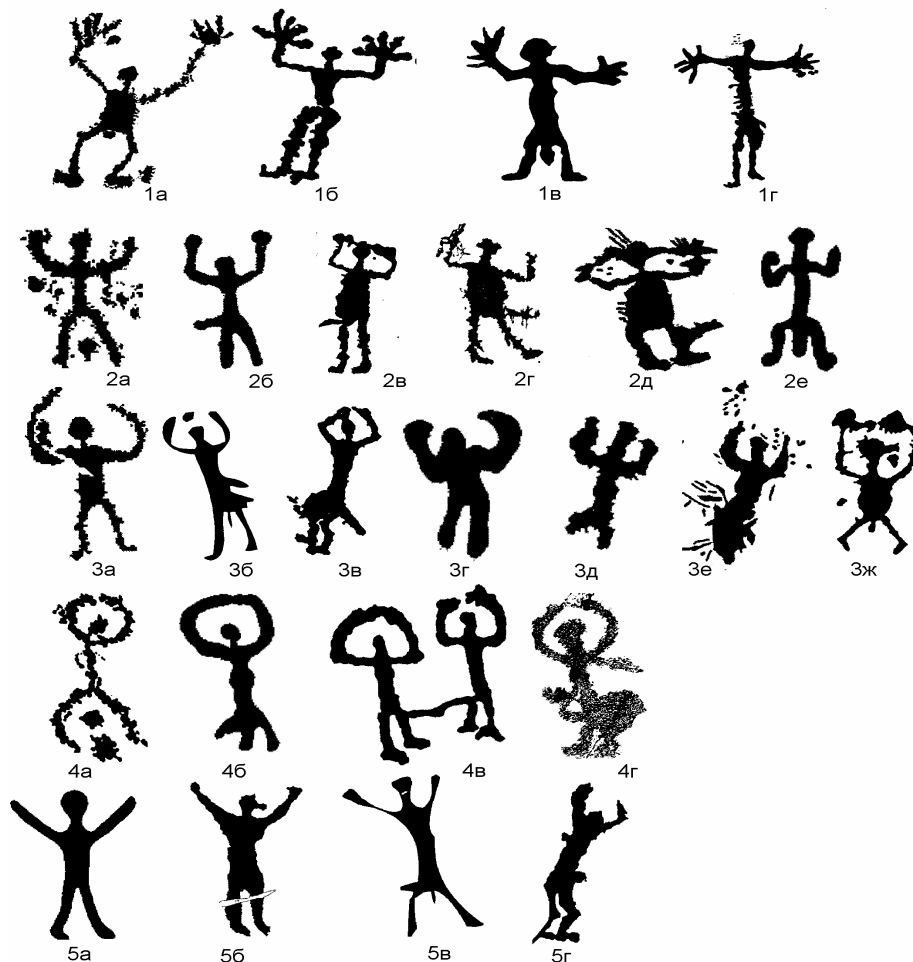
1а, 2а, 3, 4а – Валкамоника, 1б – Саймалыташ, 1в – Тамгалы, 1г – Усть-Туба, Хакассия; 2б – Каратау, 2в – Курчум, 2г – Монголия, 2д – Кольжабасы; 3б – Саймалыташ, 3в – Монголия; 4б – Саймалыташ, 4в – Теректы-Аулие; 5б – Тамгалы, 5в – Саймалыташ. 5г – Каратау.

Таблица №2

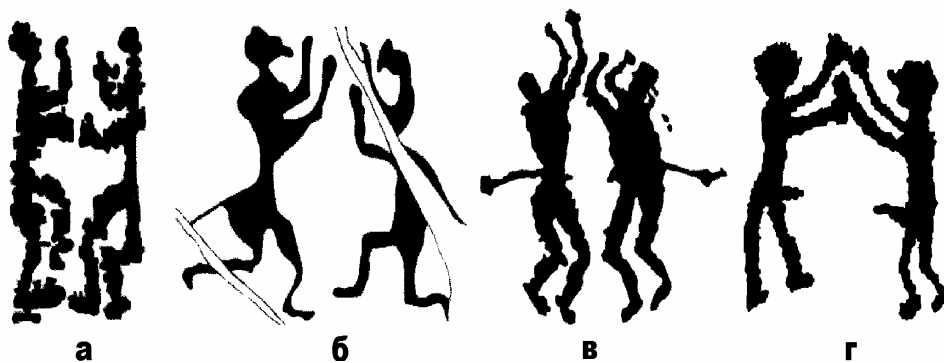
а – Валкамоника, б – Саймалыташ, в – Кольжабасы.

Таблица 3

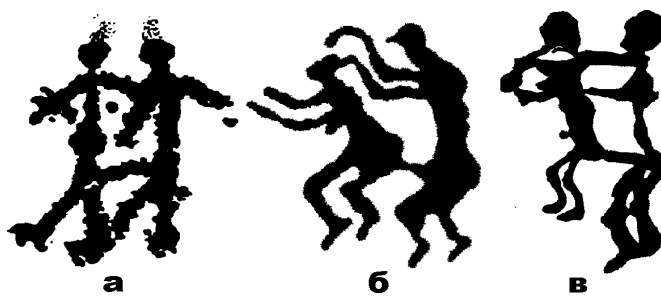
1а, 2а, 3а, 4а, 5а, 3д – Валкамоника, 1б – Саймалыташ, 1в – Каратау, 1г – Баян-Журек;
 2б – Каратау, 2в – Баян-Журек, 2г – Баян-Журек, 2д – Баян-Журек, 2е – Монголия;
 3б – Ешкеольмес, 3в – Саймалыташ, 3г – Монголия, 3е – Баян-Журек, 3ж – Баян-Журек;
 4б – Каратау, 4в – Саймалыташ, 4г – Кольжабасы;
 5б – Каратау, 5в – Ешкеольмес, 5г – Саймалыташ.

Таблица 4

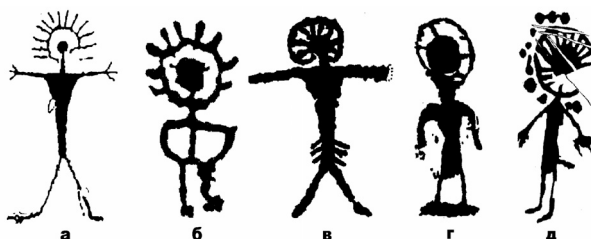
а – Валкамоника, б – Тамгалы, в – Саймалыташ, г – Кольжабасы.

Таблица 5

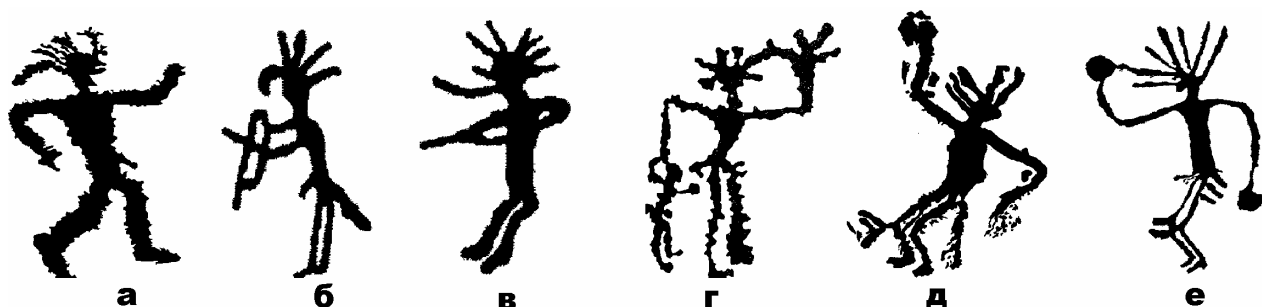
а – Валкамоника, б – Байконур, в – Ешкеольмес.

Таблица 6

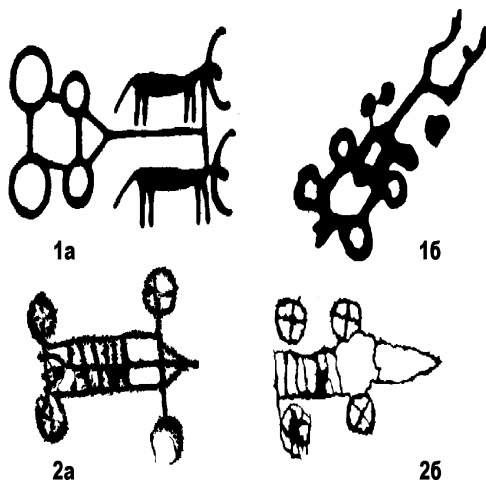
а – Валкамоника, б – Саймалыташ, в – Валкамоника, г – Монголия, д – Тамгалы.

Таблица 7

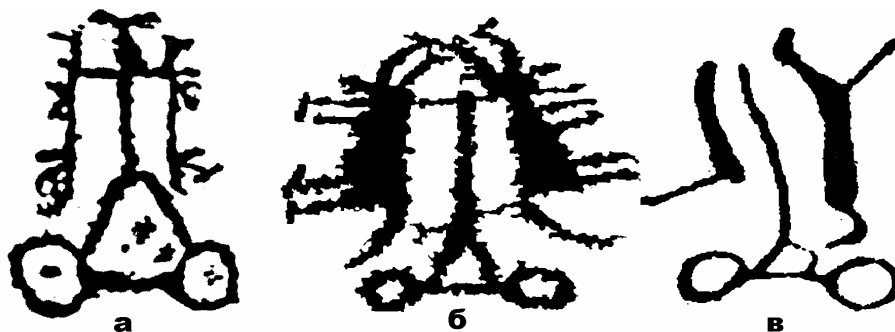
а – Валкамоника, б – Байконур, в – Байконур, г – Саймалыташ, д – Баян-Журек, е – Баян-Журек.

Таблица 8

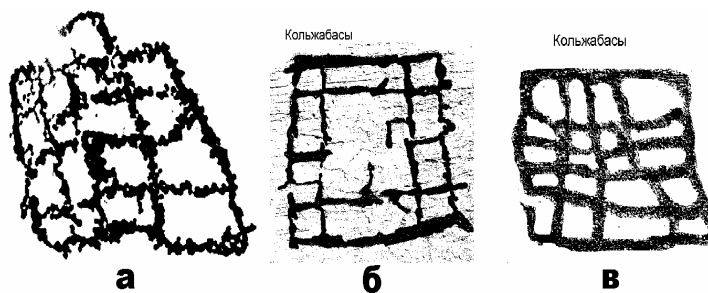
1а – Валкамоника, 1б – Каратау; 2а – Валкамоника, 2б – Каратау.

Таблица 9

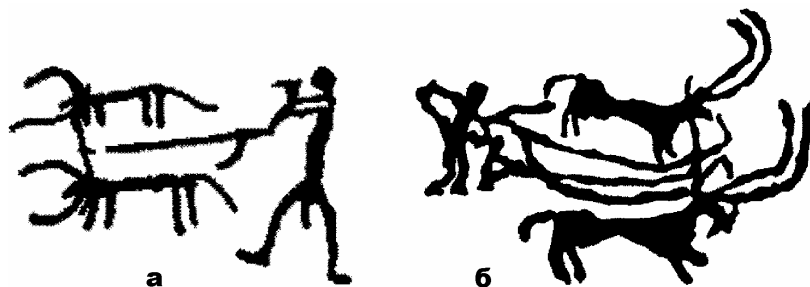
а – Валкамоника, б – Саймалыташ, в – Ешкеольмес.

Таблица 10

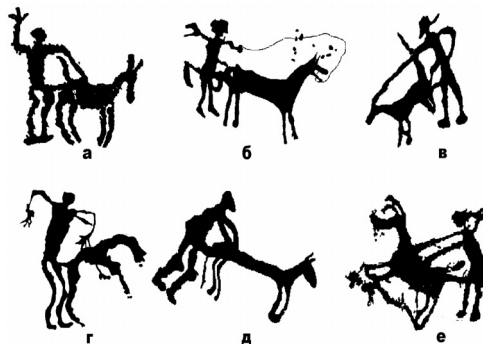
а – Валкамоника, б, в – Кольжабасы.

Таблица 11

а – Валкамоника, б – Саймалыташ.

Таблица 12

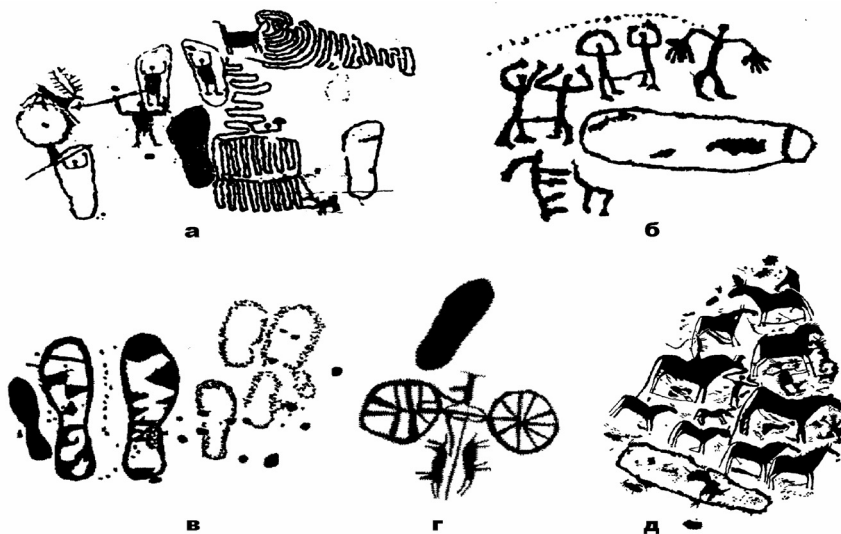

а – Валкамоника, б – Ешкеольмес, в – Баян-Журек, г – Монгольский Алтай, д – Каратау, е – Баян-Журек.

Таблица 13

Таблица 14

а – Валкамоника, б – Саймалыташ, в – Монголия, г – Тамгалы, д – Баян-Журек.

При подготовке таблиц были использованы иллюстрации из следующих книг:

Anati Emmanuel. The Civilisation of rocks, Edizioni del centro, Capo di Ponte, 2008; Anati Emmanuel. Valcamonica rock art. A new history for Europe. Edizioni del centro, Capo di Ponte, 1994; Anati Emmanuel. World rock art. The Primordial Language, Edizioni del centro, Capo di Ponte, 1994; Ausilio Priuli. Valcamonica: Valley of Prehistory. Museo didattico d'arte e vita preistorica, Capo di Ponte, 2002; In cerca di "graffiti" alle Scale di Cimbergo, Sentieri del tempo\ L"arte rurestre di campanine fra storia e preistoria, 2007; Самашев З.С. Петроглифы Казахстана. Алматы, 2006; Г.А. Помаскина, Когда боги были на земле (Наскальная галерея Саймалы-Таша), Фрунзе. 1976; В.А.Новоженков, Наскальные изображения повозок Средней и Центральной Азии. Алматы, 1994; В.А.Новоженков, Петроглифы Сары-Арки, Алматы, 2002; Кадырбаев М.К., Марьяшев А.Н. Петроглифы хребта Каратау, изд. 2-ое, Алматы, 2007; А.Г.Максимова, А.С.Ермолаева, А.Н.Марьяшев, Наскальные изображения

урочища Тамгалы, Алма-Ата, 1985; Байпаков К.М., Марьяшев А.Н., Петроглифы Баян-Журека, Алматы, 2008; Байпаков К.М., Марьяшев А.Н., Петроглифы в горах Кульжабасы, Алматы, 2004; Байпаков К.М., Марьяшев А.Н., Байтанаев Б.А., Новые петроглифы Каратау, Алматы, 2007; Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Наскальные изображения Семиречья. Алматы, 2002; Э.А.Новгородова, Мир петроглифов Монголии, Москва, 1984; Тропю тысячелетий: К Юбилею М.А.Дэвлет, Кемерово, 2008; В.Д.Кубарев, Д.Цэвэндорж, Э.Якобсон, Петроглифы Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Альай), Новосибирск-Улан-Батор-Юджин, 2005; Repertoire des petroglyphes d'Asie Centrale, Fascicule №7: Mongolie du nord-ouest haut Tsagaan Gol, Esther Jacobson-Tepfer, Vladimir Kubarev, Damdinsurenjin Tseveendorj, Paris, 2006; К. Tashbayeva, M. Khujanazarov, V. Ranov, Z. Samashev, Petroglyphs of Central Asia, Bishkek, 2001 и собственные отрисовки.

Е.Ш. АМИРОВ, М.К. СЕЙТКАЛИЕВ, Д.В. СОРОКИН

ПОГРЕБЕНИЕ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА ИЗ МОГИЛЬНИКА БОЗШАКОЛЬ-5 (ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ПУБЛИКАЦИЯ)

Осенью 2009 года экспедицией ТОО «Археологическая экспертиза» был исследован могильник Бозшаколь-5. Памятник находится в Экибастузском районе Павлодарской области в 17 км к северо-востоку от поселка Торткудук и 17 км к северу от станции Бошакуль.

Могильник расположен на уплощенной вершине сопки (высота над уровнем моря 250 м) и состоит из трех округлых форм каменных насыпей небольших размеров. Курганные насыпи образуют компактную группу, но при этом в планиграфии могильника не выделяется какая-либо система взаиморасположения погребальных сооружений (рис. 1.1). Курганы №№1 и 3 расположены в непосредственной близости друг от друга, в то время как курган №2 отстоит на некотором расстоянии от них.

Погребальные сооружения №№ 1 и 2 имеют сходные метрические показатели, меньшие относительно показателей кургана №3, являющегося самым большим в данном могильнике.

Территория памятника сильно пострадала от позднего антропогенного воздействия. Это выражается в присутствии большого количества строительного мусора (бетонные шпалы, арматура, кирпичи), рытвин, ям и отвалов грунта. Помимо этого в качестве разрушающего фактора выступила установка триангуляционного пункта. В целом состояние памятника определено как плохое.

Раскопки показали, почти все курганы подверглись разграблению за исключением кургана №1, предварительной публикации материалов которого посвящена данная заметка.

Курган №1 представляет собой округлую в плане и уплощенную в профиле сильно задернованную каменную насыпь, сложенную из обломков скалы и битого камня средних и малых размеров. Размеры кургана: диаметр 5,5 м, высота от уровня современной дневной поверхности 0,15 м. В юго-западной и юго-восточной полах курганной насыпи фиксируются крупные камни, возможно являющиеся остатками крепиды. Размеры камней, образующих крепиду в среднем составляют 0,5х0,3 м – 0,7х0,35 м. Средний размер

каменной собственно насыпи 0,1х0,15 м. Северо-западная пола кургана сильно потревожена. В этом месте зафиксировано наименьшее количество камней. Наилучшая сохранность отмечается в восточной части кургана. Следы ограбления визуально на поверхности насыпи не фиксируются.

Исследование погребального комплекса проводилось по классической методике исследования степных курганов с оставлением поперечных бровок, ориентированных по линии север-юг, образующих четыре сектора, обозначенных буквенными индексами (латиница).

Снятие насыпи производилось пластами толщиной 0,1 м. После снятия дернового слоя была произведена тщательная зачистка каменной основы насыпи с целью выявления возможных элементов конструкции погребального сооружения. В секторах В и С более отчетливо вырисовались контуры крепиды, которая ранее фиксировалась в виде отдельных камней, не образующих единой системы.

Каменная насыпь после проведения ректификации была разобрана, после чего была осуществлена горизонтальная зачистка подкурганного пространства с целью выявления могильного пятна, возможных погребально-поминальных конструкций и следов проведения каких-либо ритуалов.

После проведения горизонтальной зачистки подкурганной площадки в центральной ее части выявлены нечеткие контуры могильной ямы. Могильная яма подпрямоугольной в плане формы с сильно закругленными углами, ориентирована длинной осью по линии северо-запад – юго-восток. Размеры могилы: длина 1,91 м, ширина 0,7 м, глубина 0,18 м. Заполнение могилы представляло собой смесь гумуса черного цвета и глины желтого цвета. Стенки могильной ямы скошены и слегка сужаются ко дну, дно неровное. На дне могильной ямы расчищен костяк взрослого индивида. Погребенный был уложен в вытянутом положении на спину и ориентирован головой на северо-запад (рис. 1.2). Череп раздавлен. Руки вытянуты вдоль туловища. Ноги уложены прямо.

У левого бедра погребенного расчищено бронзовое плоское дисковидное зеркало с центральной петлей на обороте (рис. 1.3). Диаметр зеркала 8 см, толщина 0,2 см.

Под правым коленным суставом расчищен каменный жертвенник (рис. 1.4). Предмет изготовлен из мелкозернистого песчаника кремового цвета, поверхность жертвенника тщательно зашлифована. Жертвенник овальной в плане формы с невысокими бортиками и небольшим углублением в центральной части. Размеры жертвенника: длина – 14,5 см, ширина – 8,5 см.

Для определения культурной и хронологической принадлежности захоронения следует, прежде всего, рассмотреть погребальный обряд. Размеры курганный насыпи, местоположение, форма, ориентировка могилы и костяка позволяют сблизить данное захоронение с погребениями тасмолинской культуры.

По заключению антрополога обнаруженный костяк имеют признаки, которые дают возможность заключить, что пол погребенного – мужской, а возраст погребенного находится в пределах 18-25 лет. К сожалению, плохая сохранность и крайняя фрагментарность костных останков, особенно отсутствие лицевого отдела черепа, не позволяют провести определение антропологического типа рассматриваемого индивидуума. Только на основании отдельных признаков на черепной коробке и опосредованного способа – факта заметной степени половой дифференциации в молодом возрасте – можно предположить содержание в его типе европеоидных компонентов.

Инвентарь погребения не только подтверждает вывод о принадлежности его к тасмолинской

культуре, но и позволяет его предварительно датировать. Зеркало имеет ряд аналогии в памятниках тасмолинской культуры, появление зеркал такого типа относится к концу VI – началу V вв. до н.э.¹. С культово-ритуальной стороной жизни древнего населения Центрального Казахстана связан каменный жертвенник. Подобного типа жертвенники были довольно широко распространены на территории Евразии². Время бытования жертвенника из кургана №1 можно определить в рамках V в. до н.э.³.

Таким образом, раскопки кургана №1 показали, что исследованное в нем захоронение, в целом соответствует всем канонам, характеризующих погребальный обряд тасмолинской культуры. Предварительный анализ материала раскопок позволяет предварительно отнести захоронение к второму этапу тасмолинской культуры и датировать его в рамках V в. до н.э.

Резюме

Павлодар облысының Екібастұз ауданында орналасқан Бозшакөл 5 қорымында жүргізілген археологиялық зерттеулердің нәтижесі туралы мәліметтер келтірілген. Сонымен қатар, қорым обаларын б.з.б. VII–V ғасырларға жатқызуға мүмкіндік беретін жерленген адам жанындағы инвентарь және сүйек қалдықтарының антропологиялық зерттеу нәтижелерінің сараптамалары келтірілген

Summary

In this article reduce information about results of archeological research on the kurgan burial Bozshakol 5 which situated in Ekibastuz district of Pavlodar region. As well reduce analysis of accompanying inventory which allowed to date burial up to VII-V cc. b.c. and results of anthropological research of bone fragments.

¹ Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры. // Тасмолинская культура древнего Казахстана. Павлодар, 2005. С. 94.

² Вишневецкая О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII-V вв. до н.э. Изд-во: «Наука». М., 1973. С. 156., Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине-второй половине I тыс. до н.э. М., 1997. С. 191., Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сармат. Изд-во: «Наука». М., 1964. С. 297.

³ Кадырбаев М.К. Памятники... С. 107.

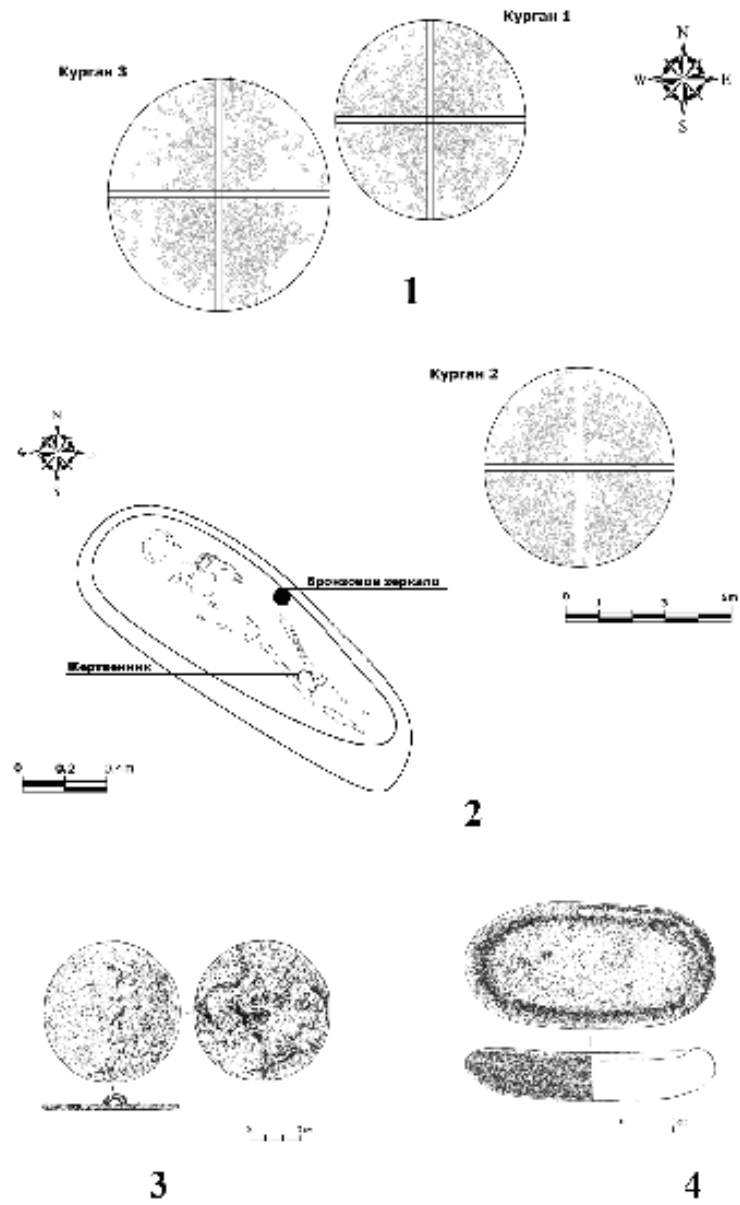

Рис. 1. Могильник Бозшаколь-5. 1 – общий план могильника; 2 – план погребения 1, кургана №1; 3 – зеркало; 4 – жертвенник; 3 – бронза; 4 – камень.

Е.А. СМАГУЛОВ

К ИСТОРИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ И РАЗВИТИЯ «ЖИЛИЩА ОТРАРСКОГО ТИПА»

Одним из важных достижений Южно-Казахстанской Комплексной Археологической экспедиции в 70-80-х годах прошлого века стало развитие этноархеологического направления. В трудах сотрудников экспедиции уже в те годы практический синтез этнографии и археологии совмещался с соответствующими подходами к созданию и анализу источниковедческой базы¹. В результате чего применительно к позднесредневековой культуре Южного Казахстана было выработано понятие «отрарский тип жилища». В данном очерке не претендуя на всесторонний охват проблемы отражения этнокультурной истории края в эволюции традиционного жилища, мы попытаемся привлечь внимание к её некоторым не мало важным, на наш взгляд, моментам.

Позднесредневековое жилище XVI-XVIII вв. Понятие «отрарский тип жилища» было сформулировано на основе обобщения массового материала полученного в ходе раскопок методом «широкими площадями» позднесредневековых слоев городища Отрар-тобе². Оно не неоднократно описано и обосновано, но наиболее раз-

вернуто в публикации 1982 г.³ В ней традиционное «жилище отрарского типа» охарактеризовано следующим образом: «В настоящее время известно уже около 150 домов-секций⁴, которые достаточно полно характеризуют жилище позднесредневекового Отрара. Анализ жилой архитектуры позволяет считать, что в городе существовал единый тип жилища, который можно назвать традиционным. Основная жилая ячейка в простейшем случае — отапливаемая комната с айваном или передней. В многокомнатных домах жилая ячейка с ее составными частями неоднократно повторялась, т. е. с возрастанием площади и числа комнат принцип организации жилища не менялся, архитектурно-планировочное решение во всех случаях следовало единому традиционному типу»⁵ (подчеркнуто мной – С.Е.А.). Интерьер основного (и зачастую единственного жилого помещения, «главного», «центрального»⁶) характеризовался наличием большой «П-образной» суфы занимавшей почти всю площадь помещения, кроме небольшого участка пола перед входом площадью 1,5-2,5 м² вымощенный квад-

¹ К слову, подобное направление исследований лишь позже получило мощное развитие, например, в российской, преимущественно, сибирской археологии (*Клейн Л.С.* Археология и этнография: проблемы сопоставлений//Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Новосибирск, 1998, т.3, с.29-66; *Томилов Н.А.* Этноархеология и ЭАК//ЭАК: проблемы культуры и социума. Новосибирск, 1996, т.1, с.5-23; *Семенова В.И.* Археологическая и этнографическая реальность: возможности перевода// Интеграция археологических и этнографических исследований. М., Омск, 1999, с.48).

² Именно такой метод раскопок даже многослойных памятников оказывается наиболее адекватным задачам и целям этноархеологических исследований. См.: *Акишев К.А. Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.* Позднесредневековый Отрар. Алма-Ата, 1981, с.139-149; они же: Отрар в XIII-XV вв. Алма-Ата, 1987; *Смагулов Е.А.* К разработке системы понятий фиксации массового материала при раскопках «широкими площадями»// Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата. 1983.

³ *Акишев К.А. Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.* Жилище позднесредневекового Отрара XVI-XVIII вв.//Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 1982, с.121-136.

⁴ В публикации 1981 г. говорится о трехстах домах-секциях позднесредневекового Отрара (*Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.* Позднесредневековый Отрар..., с. 139).

⁵ *Акишев К.А. Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.* Жилище позднесредневекового Отрара..., с.123.

⁶ Поскольку в специальной литературе и археологических публикациях наблюдается терминологические разночтения, следует оговорить смысловое содержание используемых в дальнейшем понятий и терминов. Нам следует, очевидно, различать **жилища первого порядка** (первичные), или просто жилище/жилая секция/жилая ячейка состоящие из одного или нескольких (обычно 2-3-х) разнофункциональных помещений непосредственно связанных между собой проходами. Под **жилищем второго порядка**, или домом/жилым комплексом/домовладением/жилым блоком, из которых состоит **жилой массив**/массив сплошной застройки, нами понимается замкнутый/изолированный комплекс помещений связанных между собой проходами через **коридор**/вестибюль/внутренний дворик/айван. Оно должно включать от одного до двух-трех (и более) **жилых ячеек**/секций, имеющих неперемные атрибуты/признаки. Таковыми являются прежде всего «П, Г-образные» суфы и тандыр/очаг. **Суфа** – это глиняное возвышение (20-65 см) в жилом помещении расположенное вдоль всех стен с проемами в местах входов/выходов. Служит для сна, на ней принимают пищу, отдыхают и т.д. **Тандыр** – специально изготовленная керамическая универсальная печь. **Бадраб**/мусорная яма-септик под туалетной комнаткой, служит обычно и для сброса бытового мусора.

ратным обожженным кирпичом. В центре такой вымостки под одним из кирпичей обязательно устраивался поглотительный колодец, куда стекала грязная вода. Эта так называемая «площадка ташнау» по краям имела борта – края суфы, иногда выведенные из обломков обожженных кирпичей⁷. Высота суфы обычно 50-60 см, т.е. в высоту встроенного в нее одного, иногда двух тандыров. Тандыр встраивался в суфу так, что его боковое топочное отверстие выходило на ее край. Напротив топки, в противоположной стенке тандыра, имелось круглое дымоходное отверстие диаметром 8-12 см. Далее горизонтальный отрезок дымохода вел к ближайшей стене, в которой устраивался вертикальный дымоходный колодец выходивший, вероятно, на крышу. Массивный венчик тандыра ровень с поверхностью суфы, а его устье закрывалось специально изготовлявшейся керамической крышкой. На суфе у одного из углов площадки с ташнау иногда имелась специальная глинобитная тумба размерами 40-60х40-60 см. Верхняя плоскость такой тумбы обычно выше уровня суфы, сильно прокалена и закопчена. Здесь же у края площадки ташнау, примерно в центре помещения, иногда можно было видеть массивный плоский камень или выкладку обожженным кирпичом, служившие основанием центральной колонны. В стенах, в случае их хорошей сохранности, в отдельных слу-

чаях фиксировались основания «внутристенных» (точнее пристенных) ниш. В углах этих жилых помещений иногда устраивались глиняные лари-закрома или же неглубокие погребки для хранения провизии. Чаще для хранения продуктовых припасов имелось специальное помещение-кладовая. Она располагалась обычно за задней стеной жилого помещения, и вход в нее мог быть с уровня суфы жилого помещения. Площадь кладовых обычно составляла от $\frac{1}{3}$, до $\frac{1}{2}$ жилого помещения и их отличало наличие ларей-закромов вдоль стен, а также вкопанные под уровень пола или суфы большие керамические сосуды-хранилища (хумы). Иногда здесь, в углу, мог быть сделан глиняный постав для ручной мельницы (дирмен), или устроен ташнау под небольшим вымощенным кирпичом участком пола. Вот собственно и все основные детали обустройства интерьера типичного дома отрарского типа XVI–XVIII вв. (рис. 1; рис. 2; рис. 6, 1-3).

Планировочная композиция отдельного жилища, если оно было многокомнатным, могла быть самой разнообразной, но, как верно было ранее отмечено своеобразным «модулем» или «ячейкой» было основное жилое помещение с суфами, ташнау и тандыром. По сути, оно подобно «эмбриону развития» жилищ кочевых и полукочевых народов Евразии в теории Н.Харузина, который он усматривал, как известно, в форме «первобытного шалаша»⁸.

⁷ В нашем описании (и понимании) «дома отрарского типа» и описании (и, очевидно, понимании) Л.Б.Ерзаковича, который в то время наиболее последовательно занимался изучением истории отрарского жилища, имеется один различно трактуемый нюанс. При описании участка жилого помещения перед тандыром, Ерзакович Л.Б. использует определение «очаговая яма», «очаговая площадка» «тандыры с небольшой очажной ямой перед ним» которое, на наш взгляд, есть следствие не совсем адекватного понимания планировки, и, главное, эволюции жилища (Ерзакович Л.Б. Жилище позднесредневекового Отрара как источник для реконструкции этнокультурных процессов на юге Казахстана..., 1986, с. 101; Акишев К.А. Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Позднесредневековый Отрар, с.146; Акишев К.А. Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Жилище позднесредневекового Отрара XVI-XVIII вв., с.133). По сути «очаговая яма» является участком пола помещения, остающегося свободным от застройки помещения суфами (суфой). В ходе эволюции этот участок пола имеет тенденцию сокращаться из-за расширения площади суфы. Он обычно расположен у входа, и на него, прежде всего, ступали входящие в помещение. Здесь оставляли верхнюю обувь, перед тем как расположиться на суфе; здесь ополаскивали руки; отсюда загружали тандыр топливом... Такое разделение по уровню двух поверхностей жилища (уровень пола и уровень суфы) сохраняется в местном жилище до этнографической действительности (Жилина А.Н. Традиционные поселения и жилище узбеков южного Казахстана., 1982, с.137-163). Поэтому считаем не верным представление, что суфа в «отрарском доме» отмирает, что она делается в уровень с полом прихожей, улицы; что поверхности пола («грязного», по нему ходят) и суфы («чистого», на ней спят, сидят, расстилают дастархан, едят) совмещаются (Акишев К.А. Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Жилище позднесредневекового Отрара XVI-XVIII вв., с.133). Четкое разделение уровней дома на, условно говоря, «чистый» уровень (поверхность суфы) и «грязный» (поверхность пола), что и обеспечивала суфа, как основной атрибут средневекового и традиционного дома, является характерной чертой местной бытовой культуры. В редких случаях в ходе раскопок выявляется, что «предтандырная площадка» оказывается в части помещения, где нет дверного проема. Возникает впечатление, что эта углубленная площадка специально выкопана только для того чтобы устроить в ее стенке топку тандыра. Такая ситуация обычно следствие не четко выявленных в ходе практической расчистки дома его перестроек, строительных периодов, когда закладывались первоначальные дверные проемы, открывались новые, менялись расположение суф и т.д. Следует признать, что всегда первоначально свободный от суф участок пола расположен у дверного проема, когда в ходе вскрытия достоверно установлена синхронность «тандырной площадки», суфы и дверного проема. И это есть один из характерных признаков «отрарского типа жилища».

⁸ Харузин Н.Н. История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России // Этнографическое обозрение. Изд. Этнографического отдела Импер. Общ. любителей естествознания, антропологии и этнографии. Год 8-й. Кн. XXVIII. М., 1896. № 1. с. 3.

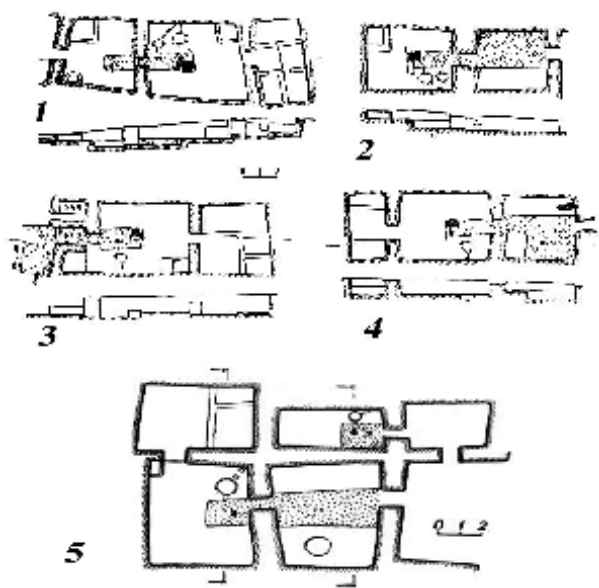

Рис.1. Планы жилищ Отрара XVI-XVIII вв. (по: Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1981, рис.24,25).

Наиболее распространенной была планировка «осевая» («линейная», «анфиладная»), когда все три помещения – «прихожая» – «основное жилое» – «кладовая» – располагались одно за другим и последовательно были связаны прохо-

дами (рис.1; 2; 6-1-3). Это, надо полагать, и есть «полная жилая ячейка», представлявшая собой дом малой семьи. Эта наиболее типичная планировка могла соседствовать с иными планировочными схемами – «крестообразной», «дворовой», «коридорной», но такие планировки, вероятно, возникали при усложнении структуры социальной ячейки заселявшей дом. Естественно, что планировка дома большой неразделенной семьи, включавшей женатых сыновей проживавших в одном доме с родителями, должна была включать соответствующее количество ячеек/модулей, т.е. жилых помещений с суфой и тандыром. Но здесь жилые секции/ячейки представлены обычно в своем «усеченном», не полном виде, без кладовых, обычно без отдельных прихожих. Кстати, достоверно расчищенных таких жилищ на Отраре совсем немного, и они не типичны для рассматриваемого периода XVI-XVIII вв.⁹

Уникальной чертой, выделяющей оттарский дом из круга среднеазиатского домостроительства, является, по существующему мнению, система отопления, состоящая из тандыра с дымоходом в суфе и стене. Предлагается считать эту систему отопления местной, имеющей самостоятельные истоки, не связанные с занесенной монголами дальневосточной традицией устройства канов¹⁰. Делались сопоставления, на наш взгляд, не всегда убедительные, с известными в

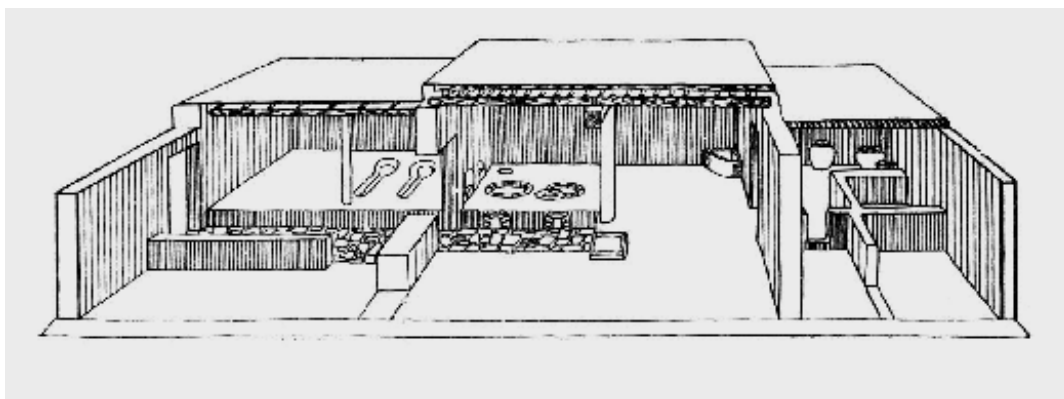

Рис.2. Реконструкция позднесредневекового дома оттарского типа (по: Байпаков, 1990, рис.на с.95).

⁹ Ерзакович Л.Б. Об одном типе жилого дома Отрара XVII века // Известия НАН РК. Серия общественных наук. № 5, 1993, с. 51-57; Нужно отметить, что вскрытие и реконструкция плана даже простейшего жилища в системе плотной квартальной застройки функционировавшей сколько-нибудь продолжительное время, представляют определенные трудности. Перестройки зачастую настолько искажали первоначальный план, что однозначная реконструкция его изначального вида становится подчас невозможной.

¹⁰ Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Позднесредневековый Отрар, с.146-147; Ахинжанов С., Ерзакович Л. К вопросу о происхождении канов на Сырдарье // ИАН Каз ССР. Серия общественных наук. 1972, № 2. С.4 – 16.

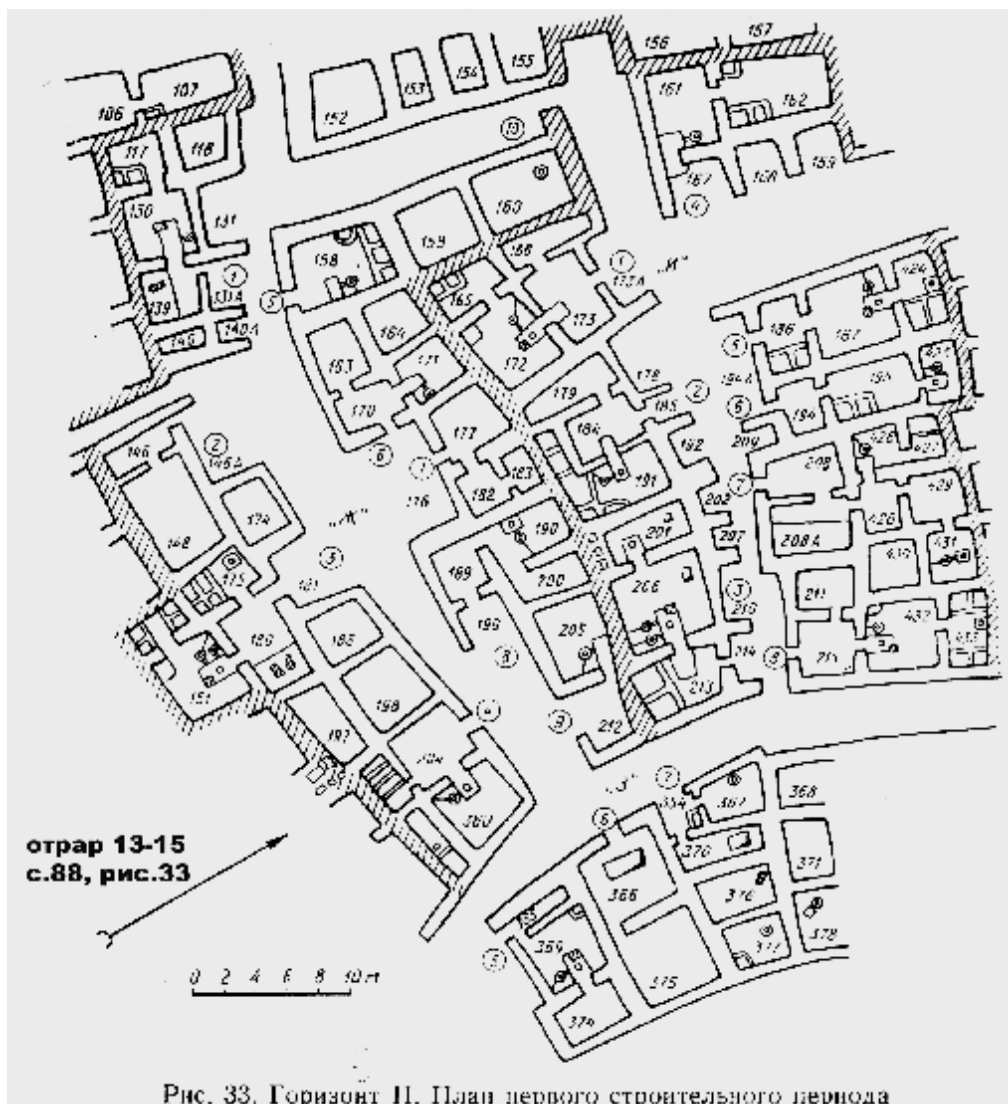

Рис. 33. Горизонт II. План первого строительного периода

Рис.3. Участок застройки позднесредневекового Отрара.
(Раскоп III, СГ2, по: Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1987, рис.33).

этнографии казахов элементами отопления, но наиболее близкой и прямой аналогией отрарскому жилищу признано все же жилище южноказахстанских сартов: «Аналогии позднесредневековому отрарскому жилищу мы находим в старых домах сельского узбекского населения, проживающего в присырдарьинских районах Южного Казахстана»¹¹. Последовавшие публикации А.Н. Жилиной¹² по традиционному оседлому жилищу присырдарьинского региона действи-

тельно показали уникальное совпадение отрарских жилищ и жилищ сартов в планировке, в деталях интерьера, а главное в организации внутреннего жилого пространства.

Постановка проблемы. Сравнительный анализ материалов по отрарскому жилищу привел исследователей к выводам, что в целом этот тип жилища лежит в русле традиций среднеазиатского домостроительства, некоторые отдельные элементы роднят отрарский дом с жилищами

¹¹ Акишев К.А. Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Позднесредневековый Отрар..., с.147

¹² Жилина А.Н. Традиционные поселения и жилище узбеков южного Казахстана//Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 1982, с.137-163; Жилина А.Н., Томина Т.Н. Народы Средней Азии. Традиционное жилище народов Средней Азии (XIX-начало XX вв. Оседло-земледельческие районы). М., 1993. 273 с.

многих народов Средней Азии, но наиболее системные и близкие аналогии известны в жилищах горных таджиков и присырдарьинских сартов, т.е. потомков наиболее древнего оседло-земледельческого, городского пласта населения Средней Азии¹³. Это наблюдение позволило нам в свое время сформулировать предположение о том, что «отрарский тип дома» имеет древний генезис и является результатом развития одного из древнейших среднеазиатских типов оседлого/стационарного жилища, происшедшего от формы «кочевое» жилища¹⁴.

В начале 80-х годов исследователи сочли преждевременным ставить и рассматривать вопрос «о происхождении жилищ Отрара XVI–XVIII вв.» сославшись на недостаточность более раннего сравнительного материала¹⁵. За прошедшее время этот вопрос, к сожалению, так и не был поставлен и рассмотрен хотя появились публикации материалов по жилищу более ранних эпох¹⁶, изданы монографические исследования по жилищам разных исторических периодов смежных регионов¹⁷, изданы новые этнографические материалы по жилью различных народов Средней Азии¹⁸ и т.д.

В частности, имеющийся теперь археологический материал несомненно свидетельствует, что все основные признаки «жилища отрарского типа» имеются в жилищах XIII–XIV вв. Т.е. пока ранний этап существования «жилища отрарского типа» можно хронологически отнести как минимум к XIII в. Именно в этот период, по Л.Б.Ерзаковичу, происходит «окончание процесса форми-

рования» позднесредневекового традиционного типа южноказахстанского жилища¹⁹.

Жилища XIII–XV вв. Строительный горизонт с жилищами послемонгольского времени вскрыт раскопом III в юго-западной части основного холма городища Отрар. Здесь на площади около 300 м² в одном жилом массиве V строительного горизонта (СГ5) вскрыты частично и полностью четыре жилых комплекса (дома)²⁰. Датируется данный горизонт XII–середина XIII вв.²¹ (рис.4). Вышележащий строительный горизонт (IV) датируется последней третью XIV–XV вв. Л.Б.Ерзакович отмечает отсутствие в раскопе строительного горизонта «монгольского времени», т.е. отмечается существование хронологической лакуны, которая составляет «более полувека», в регулярной застройке данного участка города²². Если исходить из предложенных дат, то лакуна, очевидно, составляет скорее более века (!) (от середины XIII в. до последней трети XIV в.). Но, как показывают материалы по стратиграфии Отрара, слои этого времени присутствуют в других частях застройки города. Как раз к этому времени относится сгоревший строительный горизонт в СВ части холма Отрартобе. Здесь небольшим «Раскопом X» был расчищен дом анфиладной планировки, сгоревший в результате внезапного пожара. При его расчистке были найдены уникальные находки: бронзовая хорасанская чернильница, сирийский стеклянный полихромный графин, сгоревшая книга в кожаном переплете²³. В центральном жилом помещении расчищена «П-образная» суфа, занимавшая основную часть

¹³ Смагулов Е.А. К вопросу об этнической атрибуции культуры позднесредневекового Отрара// Позднесредневековый город Средней Азии. Ташкент, 1990, с. 211–215; Смагулов Е.А. К вопросу об этнической принадлежности позднесредневековой культуры древних городов Южного Казахстана// Тезисы докладов научно-практической конференции, посвященной 70-летию организации Чимкентского обл. историко-краеведческого музея. Алма-Ата, 1990, с.47–50.

¹⁴ Смагулов Е.А. Новые данные к реконструкции комплекса культурных атрибутов на средней Сырдарье//Известия АН Каз.ССР, сер.обществ.наук, 5, 1991, с.28.

¹⁵ Акишев К.А. Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Жилище позднесредневекового Отрара, с.132.

¹⁶ Напр.: Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья в VI–начале XIII вв. Алма-Ата, 1986; Акишев К.А. Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар в XIII–XV вв. Алма-Ата, 1987, с.35–65.

¹⁷ Напр.: Распопова В.И. Жилище Пенджикента. (Опыт историко-социальной интерпретации). Л., 1990, 205с.; Завьялов В.А. Кушаншахр при Сасанидах. По материалам раскопок на городище Зартепа. СПб., 2008, с.36–97; Материалы Тохаристанской экспедиции. Вып.1, «Археологические исследования Кампыртепа». Ташкент, 2000; Раскопки в Пайкенде в 1999–2007 гг. Материалы Бухарской экспедиции, вып. I–IX, СПб., 2000–2008.

¹⁸ Напр.: Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 1982, 240с.; Кочевое жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 2000; Востров В.В., Захарова И.В. Казахское народное жилище. - Алма-Ата: Наука, 1989. 181 с.; Деревянка Е.И. Древние жилища Приамурья. М., 1991; Жилина А.Н., Томина Т.Н. Народы Средней Азии. Традиционное жилище народов Средней Азии (XIX–начало XX вв. Оседло-земледельческие районы). М., 1993.

¹⁹ Ерзакович Л.Б. Жилище позднесредневекового Отрара как источник для реконструкции этнокультурных процессов на юге Казахстана// Средневековые города южного Казахстана. Алма-Ата, 1986, с. 101.

²⁰ Акишев К.А. Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар XIII–XV вв. Алма-Ата, 1987, с.35 и сл, рис.15.

²¹ Акишев К.А. Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар XIII–XV вв., с.19.

²² Акишев К.А. Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар XIII–XV вв., с.30.

²³ Смагулов Е.А. Находки импортных вещей в послемонгольском Отраре//ИМКУ, вып.28, Самарканд. 1998, с.169–174.

помещения, с большим тандыром, который имел, проложенный в суфе в направлении к ближайшему углу, узкий дымоход. У тандыра было топочное отверстие вровень с полом, и плоскость стенки суфы с этой топкой была оформлена декоративной керамической плитой²⁴. Традиция устанавливать «керамические тандырные плитки», или как-то иначе оформлять устья топок тандыров в наиболее благоустроенных домах существовала в синхронных домах Саурана и сохранилась в более поздних жилищах Отрара²⁵.

Система отопления в этом доме пережила два этапа; последний представлен вышеописанным тандыром, а до того на этом месте, похоже, стояла небольшая печь. От нее, через всю длину суфы, в дальний угол помещения тянулся двухканальный дымоход из обломков и целых обожженных кирпичей. Этот дымоход в суфе жилого помещения, вероятно, второй пол.-конца XIII в имел ряд отличий от более поздних отрарских систем отопления «типа тандыр с дымоходом». Прежде всего, он шел в суфе вдоль длинной стены на некотором расстоянии от нее через все помещение, и этот участок был двухканальным. Дымоход делал поворот и вел к внутренней стене дома, отделявшей жилое помещение от небольшой кладовки. Дым и жар в этот дымоход поступали от небольшой печки, как это практиковалось в домах золотоордынского времени в Хорезме и Северном Прикаспии²⁶. Во второй период жизни хозяева дома отказались от кана и на место печи был встроены тандыр, а «жаропровод» остался замурованным в суфе. Очевидно, это первый (и единственный!) зафиксированный на Отраре случай, когда действительно в первом строительном периоде отопление дома можно отнести к «системе типа кан». Ее главная задача – согреть как можно большую часть суфы и удержать тепло внутри дома. Более поздние (XVI-XVIII вв.) тандыры с дымоходами в суфе вряд ли можно называть канами, поскольку ос-

новная их функция все же была не отопление, а вывод дыма из помещения. Поэтому сами исследователи, понимая принципиальную разницу между «тандыром с дымоходом» и «дальневосточным каном», признают, что «отрарские каны таковыми можно назвать лишь условно»²⁷. Расчистка дома XIII-первой половине XIV вв. в «Раскопе X» показывает, что в послемонгольское время в Отраре знали систему отопления «типа дальневосточного кана», но она здесь не прижилась, однако, как нам представляется, подсказала путь вывода дыма из отапливаемого тандыром помещения. Такую систему отопления можно назвать «тандыр с дымоходом» и рассматривать как пример культурной мутации, или стимулированной трансформации произошедшей в результате количественного накопления инноваций во взаимодействии с вековыми традициями²⁸. Теперь при изготовлении тандыра в его корпусе наряду с арочной выемкой внизу для топки в верхней части корпуса предусматривалось отверстие для вывода дыма. Более ранние же тандыры, как показывают материалы Каратобе и Отрара XII-XIII вв, и другие известные примеры, не имели дымоходов, а лишь небольшое круглое отверстие-поддувало в фасадной стенке. Это отверстие могло затыкаться обломком ручки тандырной крышки, чем регулировалась тяга. In situ такие «затычки» встречены на РЗ Каратобе (рис.11). Как показывают археологические материалы, тандыры в виде специально изготовленных керамических изделий появляются в городских жилищах Средней Азии в конце VIII-IX вв. В домах Пянджикента построенных или реконструированных во второй четверти VIII в, таких тандыров еще нет. Но есть их вероятные прототипы – печи, устроенные из перевернутого хума без дна, установленного в специальную тумбу. Традиционно они называются в литературе «тонур»²⁹. Более широкое распространение тандыры получают во втор. пол. IX-X вв.³⁰ Поначалу они

²⁴ Смагулов Е.А. Находки импортных вещей в послемонгольском Отраре., с.169, рис.1.

²⁵ Байпаков К.М. По следам древних городов., см. фото на стр.98.

²⁶ Секционные жилища из 2-3 помещений с центральным жилым, очень напоминающие планировку и устройство «отрарского жилища», но с типичным каном, изучались нами в регионе непосредственно граничащим с поволжскими золотоордынскими центрами, на городище Жайык на р.Урал (Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ахатов Г.А. Средневековое городище Жайык. Алматы, 2005, с.72-86).

²⁷ Акишев К.М. Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Позднесредневековый Отрар. XVI-XVIII вв. Алма-Ата, 1981, с.146; Акишев К.М. Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Жилище позднесредневекового Отрара XVI-XVIII вв.//Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 1982, с.133. Вероятно, такая «условность» понадобилась как повод поговорить о влияниях, «кочевническом», «монгольском» и пр. компонентах в средневековой городской культуре (Ахинжанов С.М., Ерзакович Л.Б. К вопросу о происхождении канов на Сырдарье//Известия АН.КазССР, сер.общественная, 1972, вып.2, с.64-69).

²⁸ Массон В.М. Исторические реконструкции в археологии. Фрунзе, 1990, с.37-39.

²⁹ Распопова В.И. Жилище Пянджикента. Л., 1990, с.161-162.

³⁰ Тауходжаев Ш.С. Самаркандский жилой дом IX-X вв//ИМКУ, вып.13, Т., 1977, с.97.

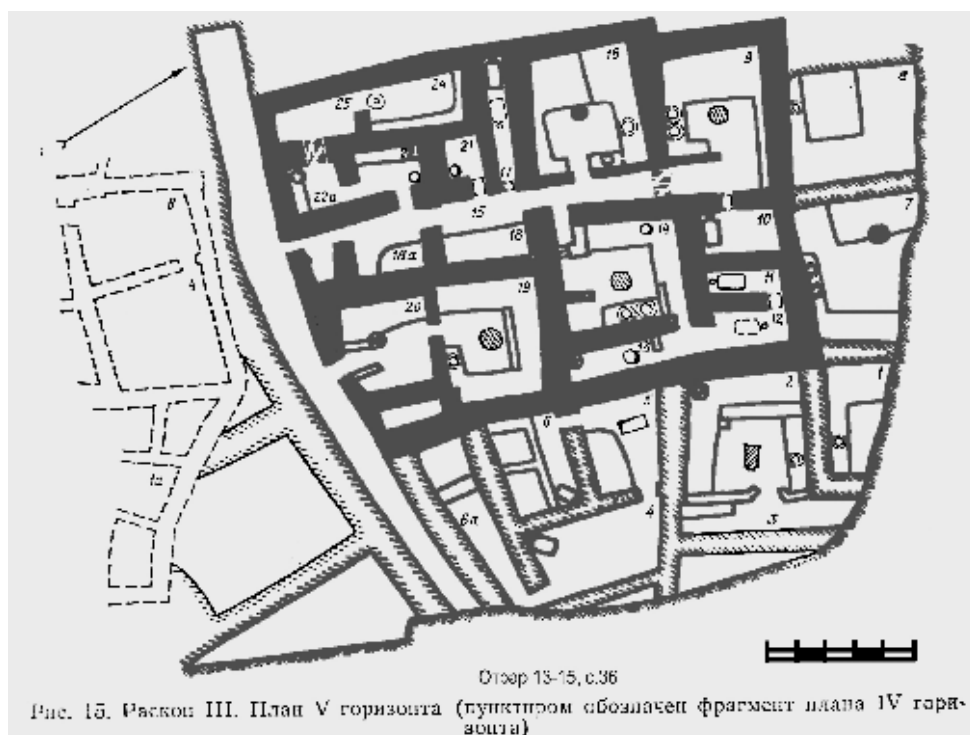

Рис.4. Участок застройки Отрара по уровню XII-XIII вв.
(Раскоп III, СГ5, по: Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1987, рис.15).

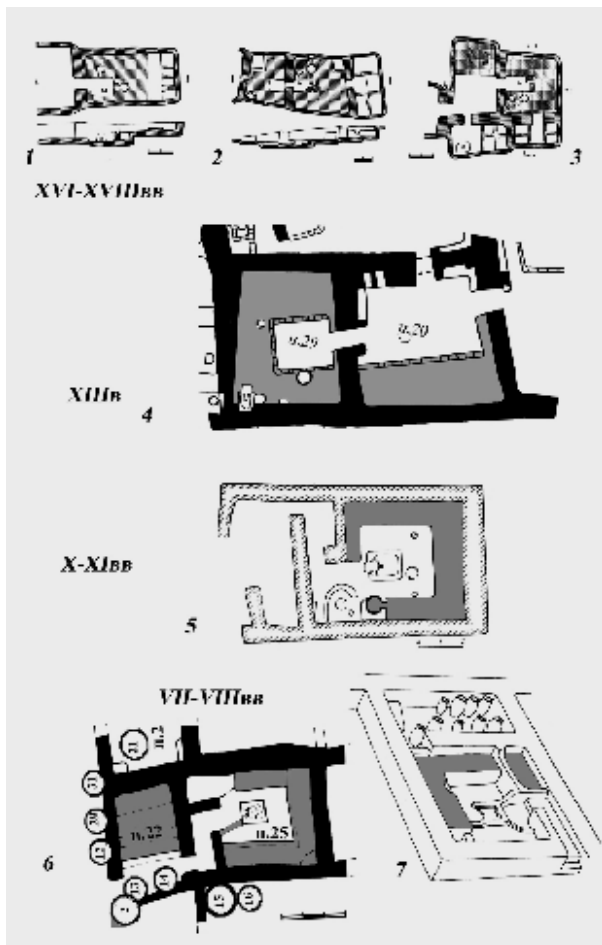

Рис. 6. «Жилище отрарского типа» от VII в. по XVIII в.

- 1-3 – жилища Отрара XVI-XVIII вв.;
 4 – жилая ячейка сауранского дома XIII в.;
 5 – жилище Куйрук-тобе, X-XI вв.;
 6 – жилище Алтын-тобе, VII-VIII вв.;
 7 – реконструкция жилища Коныр-тобе, VII-VIII вв.

не имеют ни подувала, ни дымохода, и устанавливаются в отдельную тумбу внутри помещения. И только позже находят свое место, ставшее на многие века традиционным, в суфе «жилища отрарского типа», в качестве универсальной печи, в которой можно было и хлеб испечь, и другую пищу в котле приготовить и которая согревала жилую часть дома в холодный период. Атрибутами тандыров были массивные круглые керамические крышки с грибовидной ручкой в центре и керамические декоративные плиты, которые вмазывались в борт суфы и оформляли устья подувала, а потом и топок. Внешняя поверхность таких кры-

шек зачастую инкрустировалась маленькими фрагментами стенок глазурованных сосудов, преимущественно синего или бирюзового цвета, расположение которых образовывало элементарные орнаментальные фигуры (рис. 8).

Небольшая исследованная площадь жилой застройки XIII в. на Отраре ограничивает источниковедческую базу по жилищу этого важного исторического периода. Но эту хронологическую лакуну заполняет застройка, вскрытая нами на Древнем Сауране (городище Каратобе)³¹. Установлено, что во время ВСГ (конец XII-XIII вв), и, тем более, в период СГ2 (XII в) планировка этой части города представляла собой типичную плотную городскую застройку, состоящую из **ЖИЛЫХ МАССИВОВ** пристроенных вплотную **ЖИЛИЩ** разделенных узкими улочками. Жилые массивы состояли из **ДОМОВ (ЖИЛИЩ)** горожан различных социальных категорий. Большие дома, состоящие из целого комплекса помещений («жилые блоки»), зачастую имеют в своем составе **ЖИЛЫЕ СЕКЦИИ**, состоящие, в свою очередь, из основного **ЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ** с суфой и тандыром и служебными помещениями (коридор, кладовка и пр.). Выявляются **жилища (дома)** более представительные и дома бедноты. Основными показателями (признаками) для такой градации принято считать площадь занимаемую жилищем, тщательность отделки интерьеров, наличие/отсутствие декоративных элементов и особых элементов благоустройства. Традиционно площадь жилища считается наиболее объективным и универсальным показателем³². Наличие второго строительного периода на некоторых участках ВСГ, в ходе перестроек которого несколько искажалась первоначальная планировка домов, затрудняет понимание плана жилых комплексов, но, тем не менее, отдельные дома реконструируются довольно надежно. Установлено, что западный массив Р1 имеет в середине одно большое домовладение или жилой блок. Площадь этого дома составляет около 600 м². В его состав входит не менее девяти помещений, два из которых являются жилыми зимними секциями (пом. №25, 29). Вход в жилище, в виде довольно длинного коридора между стен маленьких домиков вел из узкой внутриквартальной (?) улочки (рис. 7).

³¹ Смагулов Е.А., Столярова Н.П. Городище Каратобе - древний Сауран// Материалы международной научно-практической конференции «Древний Тараз и тюркская цивилизация». Тараз, 2007г., 22-24 октября. С.105-108; Смагулов Е.А., Ержигитова А.А. Исследования Древнего Саурана// Известия НАН РК, сер.общ.наук, 1, 2009, с.236-257.

³² Беленицкий А.М., Распопова В.И., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973, с.253; Распопова В.И. Жилище Пянджикента. Л., 1990, с.7.

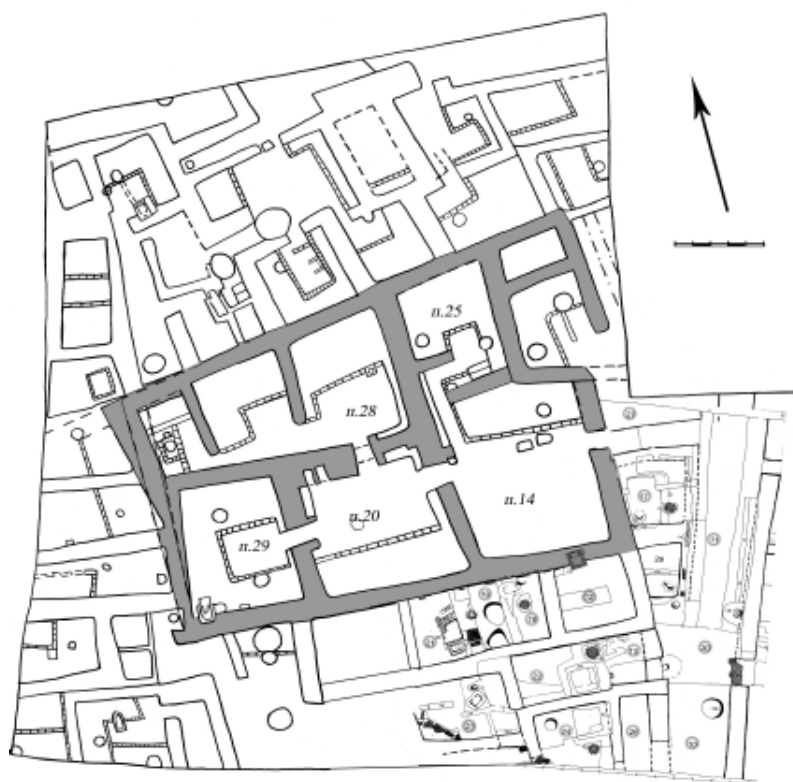

Рис.7. Жилище зажиточного горожанина XIII в. в застройке Кара-тобе (Древний Сауран).

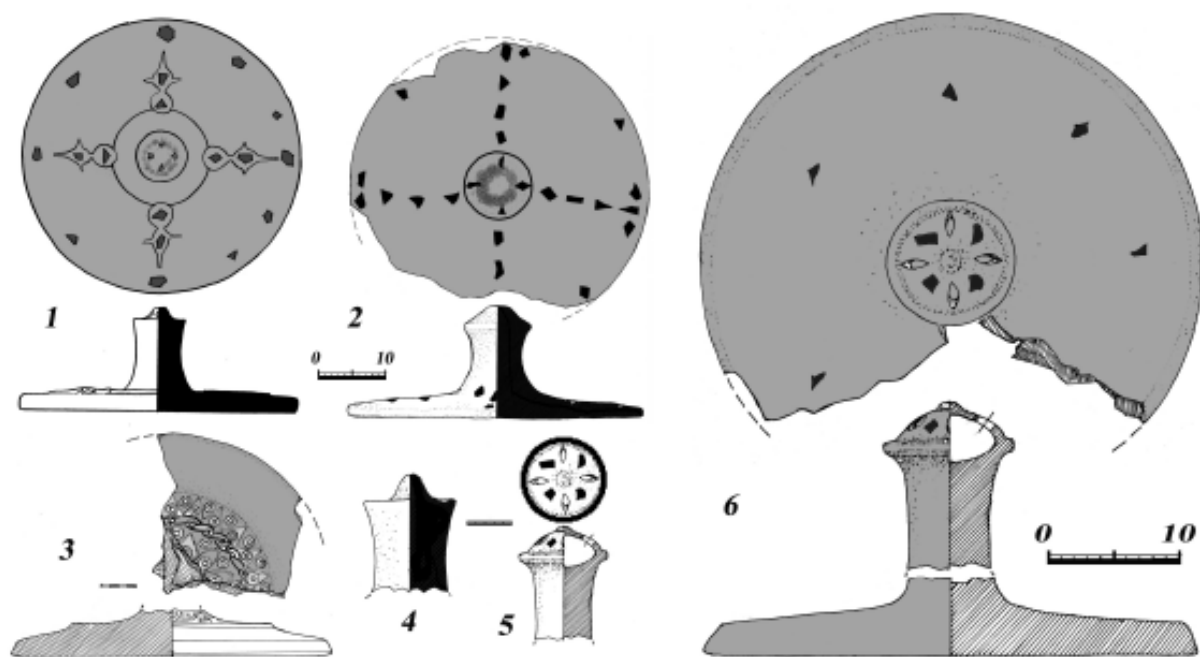

Рис.8. Крышки сауранских тандыров инкрустированные фрагментами глазурованных сосудов.

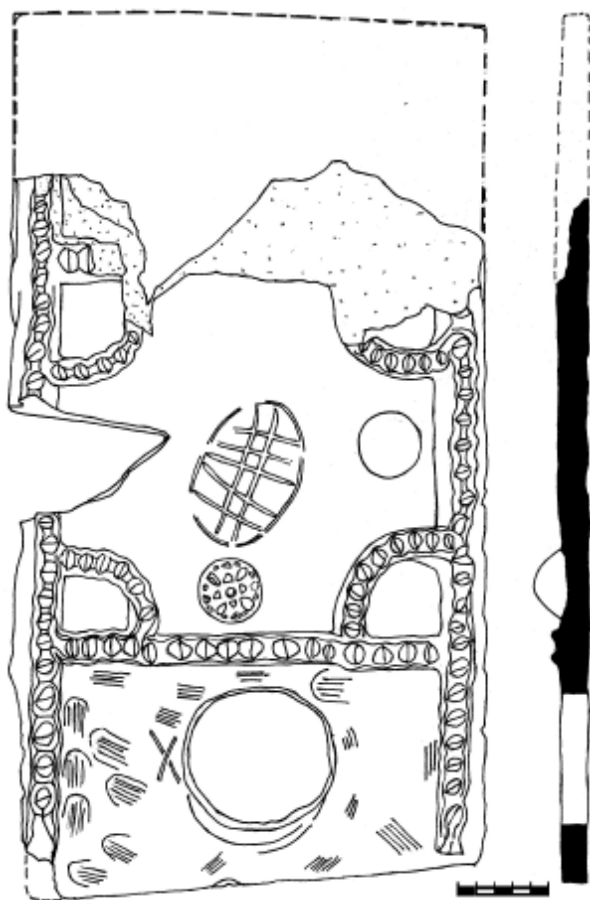

Рис.9. Керамическая плитка, оформлявшая отверстие поддувала тандыра в пом.29 дома сауранского зажиточного горожанина.

Все помещения дома связываются посредством двух довольно обширных квадратных в плане и последовательно соединенных «вестибюлей»-прихожих (№14,20). Из первого попадали в расположенное справа жилое помещение (№ 25) с двумя разновременными тандырами и на лево в квадратное помещение с камином (№ 12). В него проходили через небольшую прихожую (№18), из которой вход влево вел в эту, как можно предполагать – «мехманхану» (гостевую комнату, парадную), а на право, в помещение с туалетом (№19). Камин в мехманхане с белой ганчевой облицовкой установлен на большой суфе, занимавшей почти всю его площадь.

Перекрытие передней прихожей (№14) опиралось на две колонны (на полу зафиксированы два плоских камня, служивших основанием деревянных опор). Далее из переднего «вестибюля», большую часть которого занимала суфа, попадали во внутренние покои дома. Их составляли

пять помещений (№20,28,29,30,31), центральным являлся второй вестибюль (пом.№20). Всю его левую сторону занимала высокая суфа, рядом с которой, в центре пола, зачищен плоский массивный камень, служивший опорой колонны на которую опиралась балка перекрытия. Вдоль правой от входа стены устроена стенка с глубокими нишами; в средней нише был сделан дверной проем в северную анфиладу помещений (№28,30,31). Возможно, более плоские ниши были и в остальных стенах этого помещения (?). Все стены и прочие конструкции дома были покрыты многослойной тонкодисперсной штукатуркой. На нижней панели стены с глубокими нишами на первоначальных слоях штукатурки фиксируются следы резных узоров. В последний период существования дома резной узор покрывал верхнюю подпотолочную панель в виде резного эпиграфического фриза. Несколько крупных кусков штукатурки от этой панели были обнаружены в завале на полу помещения.

Дверной проем в середине стены противоположной входу в вестибюль №20 вел в основное жилое помещение дома (№29). Почти всю его площадь, занимала высокая (60-65см) суфа оставляя лишь небольшой участок пола перед входом. (рис.10) Слева от входа в суфе был устроен большой тандыр с круглым отверстием поддувала. Специального дымохода у тандыра не было, так же как у всех других тандыров расчищенных в этом строительном горизонте. Участок стенки суфы, в который выходило поддувало тандыра, был оформлен вмазанной в неё декоративной керамической «тандырной плитой» (рис.9). В левом дальнем углу помещения, на суфе, в стене устроен небольшой камин, а в суфе напротив входа расчищены два больших горшка вкопанных по венчик и заполненных золой и углями. Горшки явно были вкопаны в суфу уже треснувшими, с частично отбитыми венчиками, и служили как емкости обогревательного устройства «типа сандал». На полу или суфе в этом помещении не отмечено обычного плоского камня опоры перекрытия, поэтому здесь, учитывая большие размеры помещения, можно предполагать перекрытие «типа рузан». Площадка пола перед дверным проемом была частично вымощена обломками крупных керамических сосудов. В центре была вкопана хумча без дна, но как перекрывалось это ташнау, осталось не ясным.

Дверной проем в стене с нишами из вестибюля вел в северную анфиладу из трех помещений

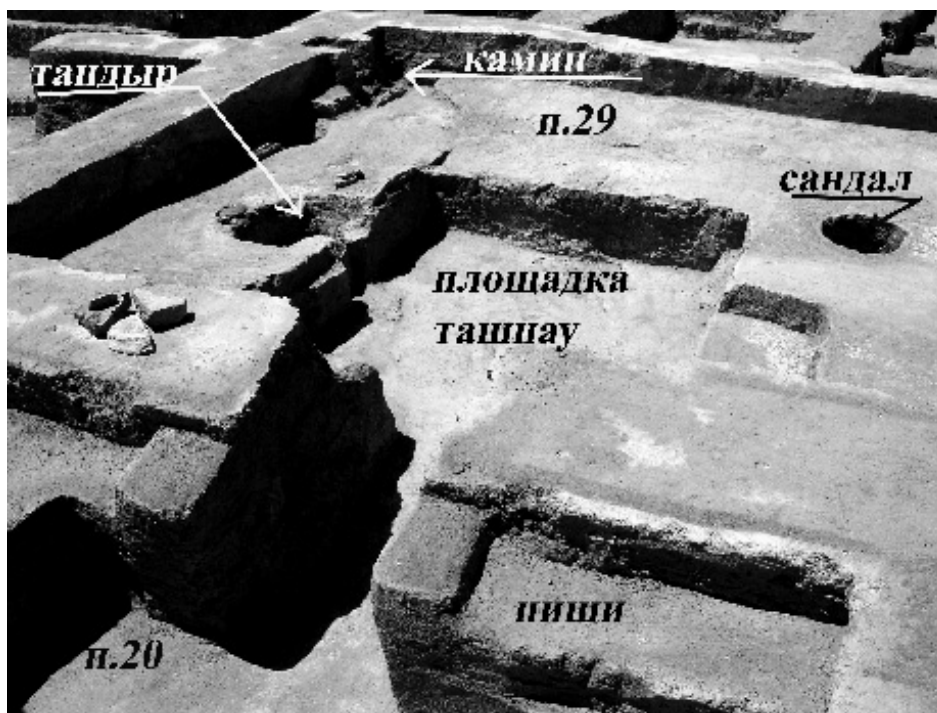

Рис. 10. Главное жилое помещение (№29) в доме зажиточного горожанина.

(№ 28,30,31). Они соединялись сквозным проходом вдоль южной стены этих помещений, являвшейся внутренней стеной всего жилища. В двух из них (№28,30), вдоль северных стен устроены высокие и широкие суфы. В пом. № 28, у края суфы, зафиксированы два плоских камня, служивших, очевидно, основанием опор перекрытия. На поверхности многочисленных обмазок покрывавших суфы отмечены следы слабых прокалов, возможно, от переносных обогревателей в виде жаровен. Очевидно, что эти помещения являлись дополнительными спальными комнатами для членов семьи. Самое дальнее и сравнительно небольшое помещение №31 служило кладовой. Здесь расчищен развал большого хума, а вдоль западной стены – лари-закрома, в одном из них была вкопана под уровень пола хумча.

Таким образом, перед нами дом большой и довольно зажиточной патриархальной семьи, состоящей из двух малых, но ведущих общее хозяйство. От всех прочих раскопанных на Каратобе жилищ его отличает большая площадь, наличие дополнительных спальных помещений, наличие декоративных деталей, тщательность отделки и общая благоустроенность.

Главными жилыми помещениями дома являются помещения № 29 и 25, которые отличаются

наличием П-образных суф и тандыров в них. Большое помещение № 29 принадлежало главе дома, а в меньшем (№25), вероятно, размещалась семья взрослого сына.

Сразу же следует отметить, что общий облик и интерьеры жилых помещений сауранских домов ВСГ значительно ближе к домам Отрара СГ4 (XIVв), чем к домам СГ5 (XII-XIIIвв). Из признаков отличающих дома Отрара СГ4 от домов СГ5 авторы отмечали: расширение площади суфы в основном жилом помещении, исчезновение керамических ванночек-«тазаров»...³³ Сюда же надо добавить, как существенный, момент, исчезновение керамических алтарей в центре помещения; преобразуются тандыры: у них вместо маленьких отверстий-поддувал в нижней части, появляются широкие топки, в виде арочного проема (в наиболее благоустроенных домах топки оформляются специальными керамическими плитками или просто лепными по штукатурке деталями), и дымоходы, проложенные горизонтальными отрезками в суфе и выходящие вертикальным колодцем, обычно, в ближайшей стене; перед тандыром под полом стали устраивать «ташнау», чего не было раньше, в виде поглотительной ямы перекрытой обожженным кирпичом со специальным отверстием. Тем са-

³³ Акишев К.А. Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар XIII-XV вв., с.20.

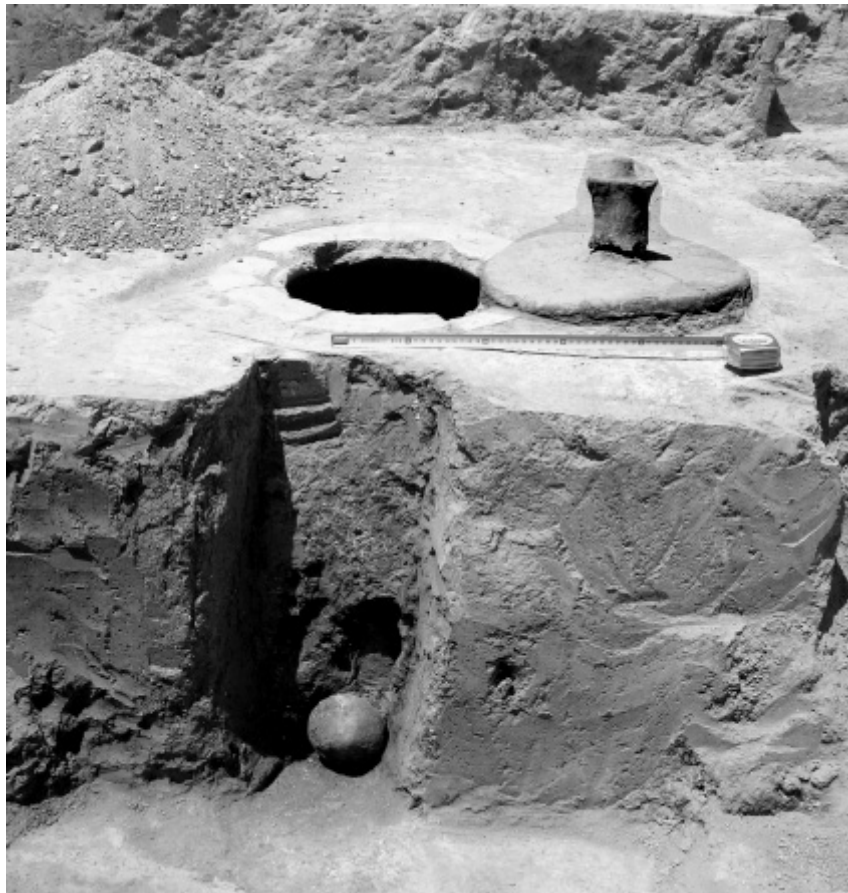

Рис. 11. Тандыр с крышкой и заглушкой в отверстии поддувала. (Каратобе, 2007, Р3).

мым завершается процесс преобразования тандыра в универсальную печь.

При этом жилища Отрара и Саурана XIIIв. имеют явные отличия от жилищ других среднеазиатских городов. Так, например, хронологически близкие жилища изучались в застройке города Ахсикент (Фергана). Вскрытый участок включал около полутора десятков домов анфиладной планировки. В их структуре отмечено наличие открытых или полуоткрытых двориков и отдельных небольших санитарно-гигиенических помещений. Дома, состоящие из 2-7 помещений интерпретированы как относящиеся к рядовому ремесленному населению города и по комплексу данных (стратиграфия, керамика, монеты) датированы XI-XIIIвв. По имеющемуся описанию можно сделать вывод, что в отличие от хронологически близких домов Отрара и чуть более поздних домов Саурана, в интерьерах ахсикентских домов отсут-

ствуют тандыры и «П,Г»-образные суфы в оформлении центрального жилого помещения, зато имеются отопительные устройства типа «сандал» и открытые очаги. Нет здесь и керамических алтариков, керамических ванночек-тазаров. В ферганском Карабулаке при всей широкомасштабности вскрытия слоев «караханидского периода» отмечено лишь два тандыра без топков³⁴. В описании жилищ Самарканда караханидского периода нет сведений о суфах в помещениях, но есть тандыры. Ташнау в Самарканде появляются в IXв – это «явление связанное с новой религией»³⁵.

В целом происходят весьма существенные преобразования в деталях интерьера, и в общем облике южноказахстанского дома, что, естественно, свидетельствует о кардинальных изменениях в бытовой культуре населения. Следует присоединиться к ранее сформулированному мнению Ермакова Л.Б., что в конце XIII- начале

³⁴ Брыкина Г.А. Карабулак. М., 1974, с.41.

³⁵ Таиходжаев Ш.С. Самаркандский жилой дом IX-Хвв//ИМКУ, вып. 13, Ташкент, 1977, с.99.

XIV вв завершается процесс формирования «отрарского типа жилища»³⁶.

Интересно отметить, что в застройке синхронных поволжских городов Золотой Орды исследователями выявлены жилища «монгольской традиции», имевших ряд аналогичных с «отрарскими жилищами» деталей³⁷. По определению Э.Д. Зиливинской, «все они имеют только одну комнату и сходное внутреннее оформление: вдоль стен устроена Г-образная или П-образная суфа, в одну из сторон которой встроен горизонтальный дымоход – кан, который отапливается печью или тандыром. Площадь пола в помещении обычно меньше площади суфы; пол глинобитный или же выложенный жженым кирпичом. В полу часто делали сливную яму для умывальника – тошнау.

Таким образом, в архитектурном плане эти дома совершенно единообразны и отличительной чертой их является не только квадратная (или близкая к квадрату) в плане форма, но и наличие всего одного жилого помещения. Группы, выделенные внутри этого типа, отличаются лишь по строительному материалу и, соответственно по технике строительства»³⁸. Этот тип жилища сформировался, надо полагать, еще в «дозолотордынское» время как преобразование в стационарную форму кочевого сборно-разборного жилища – юрты, и был свойственен традиционной культуре монгольских «кочевников».

Отметим, что кардинальное расширение площади суфы, произошедшее в XII- XIII вв, по нашему мнению, напрямую связано с исчезновением из интерьера домов напольных глиняных очагов-алтарей, занимавших до этого всю центральную часть пола помещения, при этом естественно вдоль стен могли разместиться лишь узкие (0,5-1,2 м) суфы. Теперь же края суф выд-

вигаются к двери и образуют перед ней «площадку ташнау». Это явление можно связать с усилением процесса исламизации местного городского населения, следствием чего стало исчезновение из центра основных жилых помещений очагов-алтарей имевших явно языческий культовый характер. Высота суф стандартизируется (45-60см), поскольку теперь в них размещаются керамические, отдельно изготовленные по определенным стандартам, тандыры, служившие печью универсального назначения. В тандыре можно было печь хлебные лепешки, на него можно было ставить казан. Жар тандыра согревал окружающую его суфу, которая продолжительное время, надо полагать, сохраняла и равномерно отдавала тепло. В это же время исчезают из интерьеров жилых помещений алтарные подиумы у стен, и, вероятно, культовые ниши алтарей над ними. Или же они преобразуются в декоративные ниши, служившие для размещения престижных атрибутов, посуды и пр. Причем эти преобразования не выглядят как распространение сложившегося где-то и привнесенного типа жилища, а более похоже на результат естественных эволюционных изменений, вследствие накопления и модернизации отдельных элементов. Т.е. мы можем говорить о вполне местном автохтонном явлении – «отрарский тип жилища» начиная как минимум со второй половины XIII в. Представляется вполне естественным, что завершение формирования «отрарского жилища» происходит в период, последовавший за монгольским завоеванием края. Можно предположить, что в этот период в регионе происходят существенные преобразования в этническом составе населения, повлекшие и изменения в материальной культуре. Благодаря не дальновидной политике хорез-

³⁶ *Ерзакович Л.Б.* Жилище Отрара и некоторые этнокультурные и хозяйственные процессы на юге Казахстана в XIII-XVIII вв // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата, 1983, с.91; *Ерзакович Л.Б.* Жилище позднесредневекового Отрара как источник для реконструкции этнокультурных процессов на юге Казахстана // Средневековые города Южного Казахстана. Алма-Ата, 1986, с. 43; см. так же: *Егорова Н.П.* Жилые дома Отрара XVI-XVII вв // Национальное своеобразие зодчества народов СССР. М., 1979, с.92; Однако мы не можем согласиться с мнением Л.Б.Ерзаковича о том, что тип позднесредневекового жилища Отрара сложился в XIV в путем переноса «очажной ямы» от дальней стены дома к входу. Оно основано на не всегда показательном материале поздних отрарских слоев, где зачастую представлены остатки жилищ после многочисленных перестроек, последовательность которых не всегда удавалось адекватно реконструировать (*Ерзакович Л.Б.* Жилище Отрара и некоторые этнокультурные и хозяйственные процессы на юге Казахстана в XIII-XVIII вв // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата, 1983, с.83). К тому же такое представление противоречит логике развития отрарского типа жилища в караханидское и раннесредневековое время.

³⁷ *Егоров В.Л.* Жилища Нового Сарая // Поволжье в средние века. М., 1970, с.172-193; *Мухамадиев А.Г.* Раскопки двойного дома на Водяном городище в 1970 г. // Города Поволжья в средние века. М., 1974, с.80-88; *Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Гусева Т.В.* Исследование трех усадеб в восточном пригороде Нового Сарая (Царевского городища) // Города Поволжья в средние века. М., 1974, с.89-131.

³⁸ *Зиливинская Э.Д.* Усадебные дома в городах Золотой Орды // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. М., 2006. Кн. 1, с.364.

мшахских управленцев Отрар подвергся сильнейшим разрушениям и, хотя быстро возродился как город, но так и не достиг прежнего уровня развития, а облик материальной культуры города существенно отличался от прежнего. Но при этом имеющиеся археологические материалы свидетельствуют, что истоки позднего отрарского жилища лежат в более ранних исторических пластах.

Жилище раннесредневековой эпохи. Обобщая материалы по жилищу Отрарского оазиса VI-X вв, где вскрыты достаточно широкие площади застройки таких городищ как Кок-Мардан, Куйрук-тобе, Коныр-тобе, Алтын-тобе, можно реконструировать развитие единого типа жилища с различными вариантами. Аналогичные по основным типобразующим признакам жилища распространены и в Туркестанском оазисе (Сидак, Каратобе, Шойтобе). Отметим, прежде всего, что жилище отдельной малой семьи в условиях плотной застройки поселения внутри стен, состояло из одного-двух-трех помещений связанных между собой дверными проходами. Т.е. и тут мы видим ту же жилую ячейку/секцию являющуюся «эмбрионом» формирования разнообразных планировочных вариантов жилищ. Центральным и зачастую единственным помещением было жилое «помещение с суфами». Есть все основания полагать, что это помещение являлось главным жилым и путем присоединения к нему дополнительных «служебных» комнат происходило варьирование этого типа жилища. Наличие дополнительных помещений, за счет которых увеличивалась общая площадь жилища, может служить показателем состоятельности и социального статуса хозяина. Появление дополнительных комнат происходило не обязательно путем «сегментации из первоначального помещения» (что должно было вести к сокращению площади жилого («первоначального») помещения), а, скорее, путем присоединения дополнительной селитебной площади внутри жилого массива (квартала). При этом, на наш взгляд, появлялся не новый тип жилища, а варианты внутри единого типа³⁹.

Что же представляло собой центральное («основное») жилое помещение в раннесредневековом присырдарьинском доме? Это было достаточно просторное подквадратное помеще-

щение примерно 18-32м². Вход в него вел прямо с улочки или же из подсобного помещения-прихожей. Дверной проем устраивался в углу помещения, вдоль одной из продольных стен («скользящий проход») или в середине фасадной стены. Перед входом примерно в 0,9-1,1 м от стены ставилась стенка-«экран», закрывавшая от входящего внутреннее пространство помещения. Обогнув ее, посетитель, оказывался в жилом пространстве, перед открытым напольным очагом, в котором, надо полагать, всегда тлел огонь. Очаг представлял собой слегка приподнятую над полом огороженную глиняным валиком площадку около 1м², в центре которой была круглая лунка (вариант: вмазанный в дно небольшой керамический сосуд). У короткой стороны очага обычно имеется пара симметричных глиняных конусовидных выступа.

Вдоль 2-3-х стен помещения устраиваются суфы-лежанки. На ранней стадии (IV-VI вв) они были довольно узкими (около 0,8-1,0 м) и не высокими (15-30 см). Со временем намечается тенденция их увеличения, как по высоте, так и по ширине. В одном из углов, чаще у лицевой стены, суфа отсутствовала, но здесь в тщательно обмазанном полу фиксируются развалы керамики, лунки для установки сосудов (?), зернотерки, т.е., можно предположить здесь кухонно-хозяйственный отсек. Помимо напольного очага в одной из стен устраивался простейший очаг-камин, в виде полукруглой выемки в стене с отгороженным глиняным бортиком узким участком перед каминной нишей для золы. Подобные каминны обычно устраиваются на суфе, иногда же суфа в этом месте стены отсутствует. В таких каминях зачастую находят обломки плоских керамических сковород-жаровен. Там же на суфе иногда устраиваются, в виде полукруглого, сегментовидного или подпрямоугольного возвышения, алтарные подиумы. При хорошей сохранности высоты стен удается установить наличие в стене алтарной ниши с арочным верхом. Иногда фиксируются глиняные валики, по контуру ниши, с какими-то отростками, венчающие или как бы «вырастающие» из ниши⁴⁰.

В том случае, если в жилище есть дополнительное помещение-кладовка, то она расположе-

³⁹ Обобщая данные по раннему жилищу отрарского оазиса К.М. Байпаков выделяет до трех типов домов (Байпаков К.М. Гордище Куйрыктобе - город Кедр. Алматы, 2005, с.52-53). Подобные «типологии» есть следствие не проработанности адекватной системы признаков для классификационных процедур, и не унифицированности терминологии, т.е. круга теоретических вопросов, достойных специального рассмотрения.

⁴⁰ Смагулов Е.А. Новые данные к реконструкции комплекса культовых атрибутов..., с.27-28.

на за задней стеной жилого помещения (в глубине жилища). В нее ведет так же «скользящий» проход вдоль продольной стены. В этом месте суфа вдоль задней стены прерывается; иногда же вход в кладовку сделан прямо с суфы. Кладовка - это обычно узкое помещение вдоль всей стены жилого помещения. Часть ее занята суфой, в нее были вкопаны один-два хума, развалы тарных сосудов фиксируются вдоль стен (рис.6: 5,6).

Как показывают исследования раннесредневековых памятников в Отрарском оазисе жилища этого типа распространены на наиболее раннем этапе, или в «Кокмардановском комплексе» VI-пер.пол.VIIвв.⁴¹. Уже на этой стадии жилища являют собой вполне развитый и устойчивый тип, адаптированный к местным климатическим условиям, с устоявшимся набором элементов благоустройства, приспособленный к плотной застройке огражденной стенами территории.

Таковой представляется «модель» типичного дома населения средней Сырдарьи (Ташкентский, Отрарский, Туркестанский оазисы, бассейн Арыси) в раннесредневековую эпоху (IV-VIIIвв). Признано, что этот тип жилища «традиционен» для данного региона (наиболее ранние датируются примерно с III в.н.э.) и обнаруживает устойчивые синхронные и типологические связи, прежде всего, со всем присырдарьинским регионом (от низовьев до Ферганы)⁴². Нетрудно заметить, что планировка его является прототипом планировки «жилой ячейки» позднего «жилища отрарского типа» (рис.6). В последующем развитие этого типа организации внутреннего жилого пространства идет по пути расширения и увеличения в высоту суф, появления в интерьере жилого помещения тандыров (устройство которых существенно эволюционирует в период IX-XIIIвв), при расширении размеров самого жилого помещения, в его центре появляется опора-колонна, поддерживающая кровлю... В ходе развития и постепенного отхода от архетипа, такой тип жилого помещения становится прототипом культовых помещений («святилищ», «капелл»). В них консервируются наиболее типические черты – периметральные суфы, дополнительная изоляция дверного проема от интерьера, алтарь-очаг

в центре, шатровое перекрытие со свето-дымовым отверстием в центре пирамидальной (конусообразной?) крыши и пр. Такие культовые помещения характерны для раннесредневековых жилых комплексов Средней Азии, в которых по определению Гуревича Л. они выполняли определенную социально-культурную функцию «воспроизводить традиционный образ жизни предков»⁴³ и тем самым осуществлять необходимую для всякого социума «связь времен», приобщения к духовным истокам народных традиций.

В следующем по времени «Куйруктобинском археологическом комплексе» VII-IXвв. продолжает существовать и развиваться прежний тип дома с одним основным жилым помещением с суфами по периметру и подсобной кладовой⁴⁴. (рис.6:4). Как показали исследования Куйруктобе этот тип жилища стал достаточно интенсивно трансформироваться лишь со второй пол.XIV, когда в интерьере домов широко распространились тандыры, появились «ташнау», исчезли напольные «очаги-алтари», суфы стали занимать значительно большее место в жилом помещении. При сохранении традиционной связки «жилое помещение+кладовка» стали появляться планировки, которые объединяли в явно одном комплексе помещений связанном проходами через общий коридор или вестибюль (т.е. «в доме», «под одной крышей», «в жилом блоке»), две и три такие жилые ячейки. В домах городской элиты появляются дополнительные помещения-спальни, отдельные помещения-«мехмонхана», небольшие комнатки «даретхана» и т.д. При этом возникают различного вида планировки, которые были обусловлены, прежде всего, теснотой земельного участка и необходимостью «вписать» жилище в сложившуюся застройку жилого массива. Их обычно описывают как «крестовидные», «коридорные» и пр. планировки.

Т.е. имеющиеся материалы свидетельствуют, что в период IV-XIIIвв в Отрарском и соседних оазисах существовал и развивался единый тип жилища. С IX-Xвв. в этом типе жилища на селективной основе накапливаются новые признаки, т.е. детали интерьера свидетельствующие о некоторых преобразованиях в бытовой культуре. Эти новации укладываются в бы-

⁴¹ Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана ..., с.42.

⁴² Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана..., с.85, 86.

⁴³ Гуревич Л.В. К интерпретации пенджикентских «капелл»// Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа. Древность и средневековье.М., 1990, с.85.

⁴⁴ Характеристика жилища в «куйруктобинском комплексе» почему-то отсутствует (Байпаков К.М. Средневековая городская культура ..., с.48-52), но она имеется в других публикациях (напр.: Байпаков К.М. Городище Куйрук-тобе – город Кедер. Алматы. 2005, с.46-47).

товые предписания ислама и можно считать, что на окончание формирования позднесредневекового жилища «отрарского типа» оказало влияние завершение процесса реальной исламизации местного городского населения. Массовое распространение новой формы жилища среди рядового городского населения происходило в условиях консолидации новых черт в городской культуре в новых этнокультурных условиях, возникших как следствие монгольского завоевания.

Происхождение и распространение. Поскольку слои первых веков до и нашей эры в Отрарском и соседних оазисах изучены очень слабо, мы не имеем представления об облике жилищ этого периода, не имеем надежных данных о времени появления оседлой культуры в регионе вообще. Т.е. остаются не ясными, наряду с другими, вопросы появления в регионе оседлого типа жилища и его происхождения. Эти два взаимосвязанных вопроса, на наш взгляд, следует разделить в целях адекватного анализа и привлечь материалы соседних регионов.

В центральном жилом помещении жилища раннесредневекового Чача, Тохаристана и Согда, основной деталью интерьера является «П-образная» суфа и очаг-алтарь в центре помещения. Такая же планировка консервируется в устройстве интерьеров святилищ⁴⁵. Интересно отметить, что поиски генетических аналогий такой планировке святилищ в культурах древнеземледельческого типа не увенчались до сих пор успехом. Единственно Л.Гуревичу принадлежит интересное наблюдение, связывающее подобные планировки в раннесредневековых жилищах Согда с жилищами джетыасарской культуры низовьев Сырдарьи: «В итоге краткого обзора квадратных помещений с алтарями можно сказать, что этот архитектурный тип сложился в русле градостроительной традиции восточноиранских народов Средней Азии, памятникам которой свойственна и центральная симметрия, и статичность композиции. Истоком типа, возможно, является форма архаических жилищ обитателей Приаралья. Устанавливается, что деревянное перекрытие раннесредневековых по-

мещений этого типа имело форму усеченного шатра, огонь на алтаре поддерживался в замкнутом помещении, без дымохода, несмотря на присутствие в некоторых случаях настенной сюжетной росписи. В помещениях происходили торжественные трапезы с возлияниями, возможно связанные с семейной обрядностью. Остатки костей в определенном месте указывают и на характер жертвоприношений»⁴⁶ (подчеркнуто мной - С.Е.А.). И в другом месте относительно аналогичной планировке с «П-образной суфой» в застройке Зар-тепе кушанского периода им отмечено, что «ближайший прототип помещения находится среди памятников дельты Сырдарьи. Это помещения жилых домов Джеты-Асар 12, функционировавших в первых веках нашей эры и прекративших существование «несколько позднее, чем Джеты-Асар 2», т.е. по-видимому, в III—IV вв. н. э. Каждая из жилых секций включает близкое к квадрату помещение с трехсторонней суфой, тамбурными выгородками и разными очагами, среди которых выделяют расположенный недалеко от входа обязательный овальный очаг с рогатыми кирпичами. По-видимому, квадратное помещение было в доме главным, выполнявшим утилитарные и символические функции»⁴⁷.

Изучение культурных преобразований в Средней Азии в период поздней античности и в начале раннего средневековья, по мнению специалистов, показывает, что, здесь произошло кардинальное изменение форм материальной культуры, и, прежде всего, изменился характер, такого важного этнокультурного показателя как жилище. Стало «общим местом», по Вайнберг Б.И.⁴⁸, связывать распространение этих инноваций с продвижением на рубеже IV-V вв «джетыасарцев» вверх по Сырдарье, что дало импульс смещению «каунчинцев» во внутренние оазисы Средней Азии. Л.М.Левина датирует время массового распространения джетыасарских керамических форм вверх по Сырдарье, на территорию среднесырдарьинских культур, концом III-нач. IV вв. Причем эта инвазия культурных признаков столь существенна, что значительно из-

⁴⁵ *Филанович М.И.* К типологии святилищ огня Согда и Чача//Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Ташкент, 1987, с.148-156; *Богомолов Г.И., Буряков Ю.Ф.* Культурные помещения при жилых домах с городища Канка//ИМКУ, вып.21, Т., 1987, с.76-88; *Ахунбабаев Х.Г.* Домашние храмы раннесредневекового Самарканда//Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Ташкент, 1987; *Гуревич Л.В.* К интерпретации пенджикентских «капелл»// Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа. Древность и средневековье. М., 1990, с.67-87; *Шкода В.Г.* Пенджикентские храмы и проблемы религии Согда (V-VIII вв). СПб., 2009.

⁴⁶ *Гуревич Л.В.* К интерпретации пенджикентских «капелл»..., с.78.

⁴⁷ *Гуревич Л.В.* К интерпретации пенджикентских «капелл»..., с.73.

⁴⁸ *Вайнберг Б.И.* Этногеография Турана в древности. М., с.255.

меняет облик самих культур, и дальнейшее их развитие характеризуется уже как следующий, третий, этап, со своим характерным комплексом признаков⁴⁹. С этой инвазией, в частности, связывается распространение погребальных сооружений в виде наземных склепов в Фергане⁵⁰. А так же отразилось, по аргументированному мнению Р.Х. Сулейманова, в формировании СГШ городского храма городища Еркурган, и в целом облика культуры этого периода в Нахшебе (Южный Согд). Здесь выявлено примыкающее с запада к храму монументальное здание (20x20м по периметру интерьера) в планировке которого отразились инновации «джетыасарской архитектурно-строительной традиции»⁵¹. Автор сопоставляет его планировку с планировкой интерьеров джетыасарских наземных погребальных склепов (тип 3) во множестве исследованных Л.М. Левиной на высохших руслах Сырдарьи⁵². С этой же инвазией носителей присырдарьинских культур во внутренние оазисы Средней Азии связывает Р.Х. Сулейманов формирование архитектурного облика раннесредневековых замков и распространение крестовидных в плане культовых сооружений⁵³.

Надо полагать, что это движение осуществлялось по давно проторенным путям, и в среде генетически родственных племен и общин. Присутствие в более раннее время на средней Сырдарье населения «сарматского круга» четко документируется стратиграфией городища Шаштобе (Ташкентский оазис), где могильник «пришельцев из с северо-запада – из Приуралья и Приаралья» размещается на развалинах бургулюкского поселения, а этот горизонт перекрывается монументальной постройкой культуры Каунчи⁵⁴. В это же время здесь наблюдаются процессы активного заселения всех ирригационных

районов, появление множества новых поселений и их систем, т.е. это явление можно охарактеризовать как «урбанистический взрыв»⁵⁵.

Надо полагать, что аналогичные последствия имела эта миграция и в других регионах средней Сырдарьи. На базе местных гидроресурсов складывалась основа последующей оазисной системы расселения, и складывалась своеобразная оседлая культура, имевшая для многих компонентов прототипы именно в джетыасарском урочище этапа 1б (по Л.М. Левиной⁵⁶). Е.Е. Неразик вполне обоснованно обратила на это особое внимание. Она подчеркивает, что в Средней Азии в это время изменился облик жилищ, распространились большие дома-массивы с центральным коридором или двором и многими жилыми и хозяйственными помещениями, подведенными под общую кровлю. Если в Согде, Чаче, Фергане в VI-III вв до н.э. были традиционные жилища «земляночного типа»⁵⁷, то со II в. до н.э. распространяются наземные дома в которых «интерьер жилых помещений ... так же, как и в Хорезме, был организован, прежде всего, П-образной или Г-образной суфой, не характерной ранее для жилищ этих областей... Интерьер жилых комнат стал иным: вдоль трех или четырех стен тянулась кирпичные суфы, посередине помещался открытый очаг-козрище, на одной из суф устраивался тандыровидный очаг»⁵⁸. Действительно, отмеченные детали интерьера жилых помещений не известны в городских жилищах античной периода Средней Азии. В то же время они характерны для жилищ самых ранних слоев городищ низовьев Сырдарьи (джетыасарская культура). Здесь сильно укрепленные крепости застраивались «жилыми секциями», характерными признаками которых было наличие в центре на полу

⁴⁹ Левина Л.М. Среднеазиатские связи джетыасарской культуры в первой половине тысячелетия н.э. // Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1981, с.174.

⁵⁰ Матбабаев Б.Х. К вопросу изучения подземных склепов и погребений в камышовых гробах Ферганы // ИМКУ, вып.29, Самарканд, 1998, с.71.

⁵¹ Сулейманов Р.Х. Древний Нахшаб. Проблемы цивилизации Узбекистана VII в. до н.э. - VII в. н.э. Самарканд-Ташкент, 2000, с.143.

⁵² Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. М., 1996.

⁵³ Сулейманов Р.Х. Древний Нахшаб..., с.с.259, 265.

⁵⁴ Филанович М.И. К интерпретации погребений в нижнем горизонте Шаштепа а Ташкенте // ИМКУ, вып.25, Ташкент, 1991, с.77-87; Филанович М.И. К вопросу о путях движения ранних кочевников (Чач и Согд на пути кочевников в Бактрию) // Изучение культурного наследия Востока. Культурные традиции и преемственность в развитии древних культур и цивилизации. Мат. Междунар.конфер. СПб., 1999, с.124-125.

⁵⁵ Буряков Ю.Ф. Анарбаев А.А., Матбабаев Б.Х. Раннесредневековый городской некрополь ферганцев // ИМКУ, вып.29, Самарканд, 1998, с.77.

⁵⁶ Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. М., 1996. с.

⁵⁷ Омельченко А.В. К вопросу о технике домостроительства Средней Азии в эллинистический период (по материалам поселений долины Кашкадарьи) // ИМКУ, вап.34, Самарканд, 2004, с.62-68.

⁵⁸ Неразик Е.Е. Об этнических процессах в раннесредневековом и средневековом Хорезме // Материалы к этнической истории населения Средней Азии. Ташкент, 1986, с.37.

открытого типа очага-алтаря и невысоких суфлежанок по периметру стен. Жилище состояло из 2-3 помещений («жилая секция»), в котором центральное жилое помещение имело выше отмеченные признаки. Стоит привести подробную характеристику этих вариантов по Л.М.Левиной: «Основные, или главные, жилые помещения в каждой секции – всегда самые большие по площади, в центре имели открытый очаг, обычно в плане овальный или подпрямоугольный с закругленными углами, заглубленный ниже уровня пола, с глиняными бортиками, часто соединенными маленькими дугообразными глиняными же валиками с предвходовыми валикообразными краями суф, расположенных вдоль стены по обе стороны прохода. Совместно с такими же маленькими валиками, отделяющими торцовые части суф от прохода в помещение, упомянутые очаговые валики отделяли предвходовое пространство, получившее название «лоткового входа». В месте соединения этих валиков с бортиками очагов помещались симметрично по отношению друг к другу два усеченно-конической формы «рогатых кирпичи» (или «очажные подставки»). Низкие и широкие суфы чаще всего строились вдоль двух противоположных стен и в центральной своей части перерезывались проходами. От проходов площадь суфы отделялась невысокой загородкой, изготовленной из поставленных на длинное ребро сырцовых кирпичей, дополнительно обмазанных глиной, или на каркасе из дерева и прутьев, также обмазанных глиной. Суфы-лежанки в большинстве помещений джетыясарских городищ сооружались следующим образом: из поставленных на ребро сырцовых кирпичей делалось внешнее ограждение суфы, пространство между стеной помещения и кирпичным ограждением заполнялось кирпичным ломом с костями животных и рыб, фрагментами керамики, а затем тщательно обмазывалось глиной.

Иногда на суфе (ширина их обычно 1-1,3 м, высота 10-20 см) помещался пристеночный очаг-камин с отражателем из поставленного на ребро кирпича. В основных жилых помещениях встречались и своеобразные спиралевидные в плане глиняные конструкции-подставки для зернотерок. Такие конструкции-подставки для зернотерок, как и специальные сосуды-зернохранилища, неоднок-

ратно отмечены в интерьере основного жилого помещения каждой секции. Жилыми трехкомнатными и двухкомнатными секциями с основным помещением с вышеописанным интерьером в периоды 1б и 1в застраивались вторые и третьи площадки городищ (раскоп V Бедаик-асара, раскопы VI, VII Томпак-асара). Стены секции ставились или на материковую поверхность или на культурный слой или забутовку больших помещений типа сараев.

Наряду с вышеописанной планировкой основного жилого помещения секции существовал и другой ее вариант. На городище Томпак-асар последний вариант составлял менее трети от числа раскопанных здесь секций. При втором варианте внутренней планировки основного жилого помещения секции проход в него располагался не в центре одной из стен, а в углу (так называемый «скользящий» проход), а предвходное пространство, своеобразный тамбур, отделялся от основной площади помещения высокой (1,5 м и более), узкой кирпичной стеночкой, длиной 1,5-2 м. Вдоль трех стен помещения П-образная суфа, более узкая и высокая, чем суфы в таких помещениях при планировке первого варианта. Здесь также в центре помещения располагался заглубленный ниже уровня пола открытый очаг, круглый в плане, с высокими бортиками, с пристроенной к очагу трапециевидной в плане площадкой, на которой поставлены две усеченно-конической формы «очажные подставки». При неоднократных перестройках основного жилого помещения внутри секций обычно менялись в первую очередь местоположение и размеры суф. Что касается центрального очага, то даже при капитальных перепланировках изменялась лишь ориентация длинной оси очага, но центр его оставался неизменным»⁵⁹.

Возникнув в первых веках до н.э. эти варианты жилья без особых изменений просуществовали в основном регионе распространения Джетыясарской культуры вплоть до VIII-IX вв. Последний вариант, как отмечает Л.М.Левина, количественно менее представлен, но он, похоже, получил развитие в ранних жилищах средней Сырдарьи (в зонах распространения Отрарско-Каратауской и Каунчинской культур)⁶⁰, а позже и в раннесредневековых домах других оазисов Средней Азии.

⁵⁹ Левина Л.М. Этнокультурная история восточного Приаралья. I тысячелетие до н.э.- I тысячелетие н.э. М., 1996, с.25-26, рис. 10, 29, 27-30, ил. 15-17, 35.

⁶⁰ Археологические исследования пока не выявили преемственной связи ранних этапов Каунчинской культуры с предшествующей ей Бургулукской культурой в части жилищного строительства (Буряков Ю.Ф. Археологические материалы к этнической истории бассейна Средней Сырдарьи в древности и средневековье// Материалы к этнической истории населения Средней Азии. Ташкент, 1986, с.50-67).

Происхождение такого типа жилищ в среднеазиатских оазисах принято связывать с заселением их выходцами из присырдарьинского региона, поскольку наиболее ранние слои (первые века до н.э.) с такого типа домами вскрыты на поселениях джетыясарской культуры в низовьях Сырдарьи. Эта миграция населения присырдарьинских культур предопределила ход этнокультурного развития всей Средней Азии в конце I тыс. до н.э. – перв. пол. I тыс. н.э.⁶¹ Это время, по основанному на множестве археологического материала мнению, может характеризоваться как эпоха очередной волны массовой миграции кочевого в недавнем прошлом и полукочевого населения, значительно изменившей облик местной древней культуры во всех ее проявлениях. Племена и народы, ведшие комплексное хозяйство в присырдарьинском регионе, сохранявшие традиционные устои общественной жизни и идеологии, вторглись в среднеазиатские оазисы, местами сменили местную социальную элиту, и в конечном итоге, принесли много нового и своеобразного в местную культуру от гончарных традиций до культовой архитектуры. Однако, вопрос о происхождении у этих племен жилищ «джетыясарского типа», насколько нам известно, не ставился⁶².

Учитывая известное положение, рассматривающее джетыясарскую культуру как культуру осевших, прежде кочевых и полукочевых в основном восточно-иранских по происхождению племен⁶³, логично видеть в ранних формах джетыясарского жилища воспроизведение жилищ свойственного этим народам на кочевой стадии, когда им **в качестве жилищ служили преимущественно крытые повозки или жилища на колесах. Т.е. есть основания считать, что «истоки типа» раннего джетыясарского жилища лежат в домостроительных традициях кочевых в прошлом племен.** О существовании такого типа жилищ у скифов, алан, гуннов и вплоть до поздних кочевников неоднократно говорят древне и средневековые

авторы, наблюдавшие кочевой быт. Имеются и археологические материалы, позволяющие судить о внешнем и внутреннем облике этих домов на колесах. Это известные глиняные модели кибиток, т.н. «игрушки»⁶⁴. Или, например, детали интерьера скифских погребальных катакомб, которые, по мнению В.С. Ольховского, «свидетельствуют о стремлении смоделировать в камере интерьер жилой постройки или крытой повозки»⁶⁵. Из древних авторов интересно сообщение Гиппократа, который отмечает, что у скифов «нет домов, а живут они в кибитках», из них «наименьшие бывают четырехколесные, а другие — шестиколесные, они кругом закрыты войлоком и устроены подобно домам, одни с двумя, другие с тремя отделениями; они непроницаемы ни для воды (дождевой), ни для света, ни для ветров. В эти повозки запрягают по две и по три пары безрогих волов... В таких кибитках помещаются женщины, а мужчины ездят верхом на лошадях» (подчеркнуто мной –С.Е.А.)⁶⁶.

Здесь интересна подчеркнутая важная деталь – жилище на повозке, в отличие от другого более позднего изобретения кочевников, сборно/разборной юрты⁶⁷, могло состоять из двух-трех «отделений», мы бы сказали – комнат, если бы это было стационарное более капитальная каркасная, бревенчатая или кирпичная постройка. О мобильном жилище гуннов имеется сообщение у Аммиана Марцелина: «Они никогда не прикрываются никакими строениями и питают к ним отвращение, как к гробницам... У них нельзя найти даже покрытого тростником шалаша; ... и на чужбине они не входят в жилища, за исключением разве крайней необходимости; у них даже не считается безопасным находиться под кровлей». «Все они, не имея ни определенного места жительства, ни домашнего очага, ни законов, ни устойчивого образа жизни, кочуют по разным местам, как будто вечные беглецы, с кибитками, в которых они проводят жизнь. Здесь жены ткнут им жалкую одежду, спят с мужьями, рожают детей и кормят их до возмужалости»⁶⁸. Вполне справедливо замечание

⁶¹ Напр.: Аскарлов А.А. Некоторые аспекты изучения этногенеза и этнической истории узбекского народа//Материалы к этнической истории населения Средней Азии. Ташкент, 1986, с.3-14; Буряков Ю.Ф. Археологические материалы к этнической истории бассейна средней Сырдарьи в древности и средневековье..., с.50-67.

⁶² Жилина А.Н. О некоторых древних чертах жилища оседлого населения Средней Азии//Всесоюзное археолого-этнографическое совещание по итогам полевых работ 1972 года: Тезисы докладов и сообщений по этнографии. Т., 1973, с.54-55.

⁶³ Проблемы происхождения и датировки ранних этапов Джетыясарской культуры см.: Вайнберг Б.И. Этногеография Турана в древности. М., 1999, с.173-194.

⁶⁴ См.: Нечаева Л.Г. О жилище кочевников юга восточной Европы в железном веке (I тыс. до н.э. – пер. пол. II тыс. н.э.)//Древнее жилище народов Восточной Европы. М., 1975, с.7-49.

⁶⁵ Ольховский В.С. Поминально-погребальная обрядность населения степной Скифии (VII-III вв. до н.э.). М., 1991, с.33.

⁶⁶ Цит. по: Нечаева Л.Г. О жилище кочевников..., с.11.

⁶⁷ По мнению некоторых исследователей юрта, возникла у тюркских кочевников в середине I тыс. н.э. (Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии. М., 1991, с.50).

⁶⁸ Цит. по: Нечаева Л.Г. О жилище кочевников..., с.19.

Нечаевой Л.Г. о том, что и у гуннов в кибитках так же существовало разделение на 2-3 «отсека».

Нам же следует добавить, что **при воспроизведении планировки мобильной кибитки в стационарных условиях из сырцового кирпича или пахсы, очевидно, и получались планировки жилищ подобные тем, что исследованы в нижних слоях джетыясарских, отрарских, каунчинских памятников, т.е. линейно расположенные 2-3 помещения с одним центральным жилым, подквадратным в плане.** К тому же над этими центральными жилыми помещениями можно реконструировать пирамидально-ступенчатую крышу («типа дарбази») с центральным дымовым/световым отверстием над центральным очагом. Такие пирамидальные перекрытия были и над кибитками, о которых можно судить по их керамическим моделям⁶⁹. Они же реконструируются над святилищами присырдарьинских культур⁷⁰. Интересно отметить, что позже иной тип кочевого жилища – юрта, стала прототипом стационарного жилища в застройке золотоордынских городов. По мнению В.Л. Егорова, жилая ячейка/секция золотоордынской усадьбы имеет происхождение от формы жилища, возникшей в степях Монголии в результате трансформации юрты⁷¹.

Заключение. Предпринятый обзор палеоэтнографических данных по развитию жилого домостроительства в присырдарьинском регионе, органической частью которого были Отрарский и Туркестанский оазисы, свидетельствует о том, что здесь в течение более двух тысячелетий развивался один традиционный тип жилища. Он возник как повторение в новом материале образа и планировки жилища, существовавшего в мобильном виде, в виде жилища каркасной конструкции, обтянутой войлоками, кожей и тканями на повозке. С.И.Вайнштейн называет такой вид жилища «шалаш на колесах»⁷². Значение и роль этого вида мобильного жилья в истории культуры кочевничества оказалась, на наш взгляд, недооцененными. А появление у оседающих тюрко-монгольских племен и народностей стационарных форм жилья всегда и всюду объяснялось или заимствованием у ранее оседлых народов, или трансформацией юрты и ее более ранних прототипов⁷³. Мы же счи-

таем, что «отрарский тип жилища» имеет самостоятельное древнее происхождение, и прототипом его планировки было внутреннее устройство кочевого кибитки. Вероятно, что такой тип дома был распространен по бассейну Сырдарьи с движением «джетыясарцев», но вполне возможно, что при оседании очередной кочевого орды (ее части, естественно) на разных территориях каждый раз происходило независимое воспроизводство этой общей и естественной для новых участников процесса оседания формы жилища, но с различиями в мелких деталях интерьера. О том, что в прошлом кочевое население могло достаточно долго сохранять приверженность древним формам построек, выглядевшим в новых условиях как экзотичный рудимент, свидетельствует, например, бытование в Средней Азии перекрытий в виде деревянного шатра над раннесредневековыми культовыми помещениями в массиве застройки из сырца и пахсы; или сохранившиеся в южных индийских штатах вплоть до средневековья традиция строить каменные индуистские ратха-храмы на колесах (храмы Сурьи, Индры). По существующему мнению, эти каменные храмы на колесах воспроизводили форму деревянного мобильного храма, бытовавшего еще у древних ариев⁷⁴.

В результате нескольких волн инвазии населения с берегов Сырдарьи во внутренние оазисы Средней Азии, этот тип жилья, отразившийся в планировке культовых помещений, получил широкое распространение. Дальнейшая эволюция была обусловлена появившимися в условиях стационарного быта новыми возможностями, а также особенностями местных домостроительных традиций. Существенные преобразования в интерьере жилища повсеместно происходили в эпоху проникновения в культуру местного населения бытовых норм ислама. Этот процесс, как и процесс исламизации оседлого населения края, был растянут во времени. В конечной фазе на нем сказались последствия этнокультурного смешения, вызванного монгольским завоеванием края. В результате, к концу XIII в сложился «отрарский тип жилища», просуществовавший в регионе вплоть до XX в. Учитывая четко различимый «южноказахстанский компонент» во влияниях на сложение городской культуры Поволжских городов золотоордынской

⁶⁹ Нечаева Л. Г. О жилище кочевников..., рис. 1.

⁷⁰ Гуревич Л.В. К интерпретации пенджикентских «капелл»..., с. 76-77.

⁷¹ Егоров В.Л. Жилища Нового Сарая..., с. 180-182; Егоров В.Л., Жуковская Н.Л. Типы традиционного сельского жилища Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии. М. 1979. с. 198-216.

⁷² Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии..., с.49.

⁷³ Харузин Н.Н. История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России..., с. 1, 43-46.

⁷⁴ Павлов Н.Л. Алтарь. Ступа. Храм. Архаическое мироздание в архитектуре индоевропейцев. М., 2001, с. 153-154.

эпохи⁷⁵, можно сформулировать предположение, что этот тип жилища (в полной трехчастной форме) в период интенсивного строительства городов и поселений в северо-каспийских регионах Золотой Орды, распространился с берегов Сырдарьи до среднего течения р.Урал. Как оказалось усадьбы Жаикского городища состояли из подобных жилых ячеек, но только с системой отопления в виде типичных каналов⁷⁶. В то время, как в синхронной застройке Поволжских городов преобладали усадьбы с жилищами «монгольского типа» с похожими жилыми ячейками, но отличными по планировке и технологии строительства от «отрарского жилища»⁷⁷. Похоже, это был последний исторический период, когда «жилища отрарского типа» оказали влияние на жилищное строительство в отдаленных от берегов Сырдарьи регионах.

Резюме

Отырар қалажұртында қырық жыл бұрын басталған кең көлемдегі зерттеулер көрсеткендей тұрғын үй архитектурасы XVI-XVIII ғғ. Оңтүстік Қазақстанның қалалары мен мекендерінің құрылысын құраған дәстүрлі тұрғын үйлерді суреттеді. Өзіндік жобалары археология мен этнология үшін негізгі қызмет атқарғандықтан «отырарлық үлгідегі тұрғын үй» деген түсінік қалыптасты. Палеоэтнографиялық зерттеулер тұрғын үйдің бұл үлгісі дәстүрлі оңтүстік қазақстандық қалалардың ежелгі халықтарына тән екендігін көрсетті. Аталған мақалада осы кейінгі ортағасырлық тұрғын үй үлгісінің пайда болуы жөнінде сауал қойылып, қарастырылған. Қордаланған археологиялық мәліметтердің негізінде «отырарлық үлгідегі тұрғын үйдің» басты белгілері моңғол уақытынан кейінгі жүйеде, яғни XIII ғ. аяғында қалыптасқандығы анықталды. Бұл тұрғын үй үлгісінің қалыптасуы негізінде IX-XII ғғ. қалалар мен мекендердің құрылысын сипаттайтын дәстүрлі үйлердің жобасы жатыр. Осы уақытта ислам ережелерінің әсері тарап, жергілікті тұрмыстық мәдениетке енгендіктен дәстүрлі тұрғын үй үлгісінде

өзгерістер болды. Автордың пікірінше деректемелік қордың осындай жағдайы ерте ортағасырлық тұрғын үйлердің кейпі оңтүстік қазақстан аймағына III-IV ғғ. белгілі деп есептеуге мүмкіндік береді, мұнда ол осы уақытта Сырдария өзенімен жоғары жетіасар мәдениеті халықтарының таралуымен келген. Ал, кейінгі «отырарлық үлгідегі тұрғын үйдің» алғашқы түрі болып есептелетін тұрғын үйдің ежелгі түрі ежелде жергілікті жартылай көшпелі халықтарда кеңінен қолданылған көшпелі киіз үйлерден келіп шыққан.

Summary

As have shown begun almost forty years ago large-scale researches of the Medieval Otrar the inhabited architecture of all Southern Kazakhstan in XVI-XVIII centuries represented by traditional dwellings making building of cities and settlements. The original lay-out has formed the basis for development in archeology and ethnology of the concept of «dwellings of Otrar kind». Pale ethnographical researches have shown that this character of dwelling was peculiar to the ancient population traditional for Southern Kazakhstan cities. In this article it the question of an origin of it Late Medieval kind of dwelling is putting and considered. On the basis of the saved up archeological data it is established, that the basic attributes «dwellings of Otrar kind» develop in system in after-Mongol time and to speak about «Otrar kind of dwelling» it is possible already from the end of XIII century. The basis for formation of this character of dwelling was the lay-out of traditional houses which were characteristic for building cities and settlements in IX-XII centuries. There was a transformation of a traditional character of dwelling under the influence of norms of an Islam, permeated in local household culture, in this period. By the opinion of the author, the status of source study base is those, which allow counting, that Early Medieval dwelling, which countenance in South Kazakhstan region is known from III-IV centuries, was brought here with distribution at this time upwards of Syr-Darya River the population of Djetyasar culture. And the early type of the stationary dwelling becoming the prototype of late «Otrar dwelling kind», has an origin from dwelling such as a nomadic tilt cart widely occurring in an antiquity at local semi-nomadic population.

⁷⁵ Ерзакович Л.Б. О южноказахстанском компоненте в материальной культуре городов Золотой Орды // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970. с. 60-68.

⁷⁶ Байтаков К.М., Смагулов Е.А., Ахатов Г.А. Средневековое городище Жайык..., с.72-80.

⁷⁷ Зиливинская Э.Д. Усадебные дома в городах Золотой Орды//Этнокультурное взаимодействие в Евразии. М. 2006. Кн. 1. С.364-377.

К.М. БАЙПАКОВ

АРАБСКИЕ ЗАВОЕВАНИЯ, ИСЛАМ И ИСЛАМИЗАЦИЯ ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА И ЖЕТЫСУ

Через VIII в., по мнению выдающегося исследователя Востока О.Г.Большакова, проходит граница, разделяющая два больших периода истории Средней Азии. Он пишет: «Вторжение арабов, принесших с собой новую религию и государственный язык, включение мелких княжеств в систему единого государства, установление новых культурных, экономических связей привело к существенному изменению всего облика духовной и материальной культуры»¹.

Б.Г.Гафуров отмечал, что «мусульманская культура... — результат синтеза творческих достижений многих народов, в том числе и среднеазиатских... Итак, с точки зрения исторической перспективы, включение Средней Азии в халифат способствовало в конечном счете... широкому развитию контактов между различными народами, на основе которых и произошел величественный культурный синтез в Средней Азии и на всем Ближнем Востоке IX-X вв.»².

Этот процесс получил название «мусульманский Ренессанс»³.

По мнению академика Н.И.Конрада, «Возрождение» — есть процесс, характерный не только для Европы, но представляющий собой «проявление общей закономерности исторического процесса», обязательно наступающего в определенный момент исторического развития народов «с длительной, непрерывно развивающейся и продолжающейся и в наше время исторической жизнью и культурой»⁴.

Безусловно, процессы, связанные с инновациями мусульманского периода, имели место и

в Казахстане, также как и имел здесь место и мусульманский Ренессанс. Юг Казахстана и Жетысу, хотя и не были завоеваны, по мнению С.Г.Кляшторного, арабами⁵, но общая историческая ситуация в среднеазиатско-казахстанском регионе определяла их экономическое и культурное развитие в едином русле⁶.

И хотя какие-то районы Южного Казахстана и Жетысу были завоеваны арабами, но они всегда были для арабов «беспокойными владениями»⁷.

Надо подчеркнуть, что главным результатом вхождения Средней Азии и части Южного Казахстана, примыкающего к Ташкентскому оазису, было сближение Средней Азии и Ближнего Востока, отразившееся и в духовной, и в материальной сферах. Было установлено единство культуры от Багдада до Ферганы, чему способствовала единая религия-ислам и экономические связи⁸. Можно сказать, что это единое культурное пространство включало в себя и Южный Казахстан и Жетысу.

Процесс интеграции усилился в рамках Саманидского государства (IX-X вв.), затем Каранидской державы (X-XI вв.).

Письменные источники об арабских походах в Южный Казахстан и Жетысу немногочисленны.

Так, в 751 г. арабы дошли до Таласа, на берегах которого разбили китайскую армию⁹.

Источники свидетельствуют о Саманидском периоде исламизации населения Южного Казахстана¹⁰. Нух ибн Асад подчинил себе Испиджаб¹¹, его брат Ахмед ибн Асад совершил поход на Шав-

¹ Большаков О.Г. Город в конце VIII - XIII вв. // Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Москва, 1972. С.132.

² Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. Москва, 1972. С. 322-324.

³ Мец Адам. Мусульманский Ренессанс. Москва, 1966.

⁴ Конрад Н.И. Предисловие к книге В.К.Чалоян. Армянский Ренессанс. Москва, 1963, с. 161.

⁵ Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники. Москва, 1964. С.154-155.

⁶ История Казахстана. Алматы, 1996. С. 338-341.

⁷ История Казахстана. С.340; Якубовский А.Ю. Об одном раннесаманидском фельсе (из ранней истории саманидского двора). // Краткие сообщения Института истории материальной культуры (КСИИМК). 1946, вып. XII. с. 160-161.

⁸ Большаков О.Г. Город в конце VIII — начале XIII в. С.132-135.

⁹ Большаков О.Г. К истории Таласской битвы (751 г) // Страны и народы Востока. Москва, 1980. С. 132-136.

¹⁰ Михайлова А.И. Новые эпиграфические данные для истории Средней Азии IX в. // Эпиграфика Востока Москва. 1954. Т. V. С. 11-12.

¹¹ Волин С.Л. Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине р.Талас и смежных районах// Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. Труды института истории, археологии и этнографии. Алма-Ата, 1960. Т.8, с.75.

гар, где было произведено избиение несколько тысяч человек¹².

Карлуки, захватившие с 766 г. политическое господство в Семиречье и на юге Казахстана, подверглись наибольшему влиянию мусульманской культуры. Есть мнение о том, что они приняли ислам еще при халифе Махди (755-785 гг.)¹³. Однако, видимо, это относилось лишь к какой-то их части, так как в 893 г. Исмаил ибн-Ахмад взял Тараз, «превратил главную церковь этого города в мечеть»¹⁴.

В начале X в. ислам принял родоначальник династии караханидов Сатук, а его сын Бограхан Харун б. Мусса в 960 г. объявил ислам государственной религией.¹⁵

В первую очередь мусульманство распространялось в городах. В письменных источниках сохранились указания на процесс исламизации горожан. Так, Ибн Хордадбех сообщает об отрядах мусульман в главном городе округа Фараб Кедере.¹⁶ Ибн Хаукаль пишет про город Сюткент, находившийся на левом берегу Сырдарьи на границе с Шашем: «...в нем есть мечеть и в нем собираются тюрки из [разных] племен гузов и карлуков, которые уже приняли ислам»¹⁷. Главный город Южного Казахстана был «местом войны за веру».¹⁸

Макдиси, перечисляя города округа Испиджаб, в качестве их обязательного компонента называет мечеть¹⁹.

Постепенно новая религия распространяется и в среде кочевников, тот же Ибн Хаукаль сообщает о тюрках-мусульманах, кочевавших между Фарабом, Кенжидой и Шашем.

Имеются сведения о распространении ислама в XI—XII вв. в среде кыпчаков²⁰.

Однако, археологические раскопки городищ на юге Казахстана, в Отрарском и Туркестанском оазисах дали материалы, которые начало араб-

ских завоеваний позволяют отнести к VIII в. Письменные же источники подробно освещают перипетии арабских завоеваний лишь для крупных городов Средней Азии — Мерва, Самарканда, Бухары, Пайкенда, тогда как взятие и разрушение мелких и средних в сообщениях источников не отложились и здесь на первый план выступает археология.

В Ташкентском оазисе, в Шаше, археологами отмечены следы пожаров на городище Мингурюк, Кугантене и Ханабат, которые датируются первой третью VIII в.

Разгромы и опустошения городов, по мнению М.И.Филанович, были связаны с арабскими походами на Чач²¹, но при этом она отмечает, что Чач не был покорен и управлялся своими правителями. Распространение ислама шло медленно, и население Чача по-прежнему исповедовало зороастризм, о чем свидетельствуют домашние святилища²².

Пожары на цитадели Мингурюка в VIII в. Ю.Ф.Буряков связывает с борьбой против арабского и китайского нашествия²³.

Однако, Е.А.Смагулов пишет о наместниках арабов в Шаше и Тарбанде, которым подчинялись местные правители²⁴.

В Туркестанском оазисе (область Шавгар) при раскопках верхнего строительного горизонта цитадели городища Сидак, представленного дворцово-храмовым комплексом, также были зафиксированы следы мощного пожара²⁵. Он произошёл, если опираться на анализ материала и находку пока единственной медной монеты, где-то в первой половине, ближе к середине VIII в. Медная монета найдена в слое пожара и принадлежит чекану Хусрава — удельного хорезмийского правителя области Кердер (низовья Амударьи). Можно полагать, что пожар уничтожил храм на Сидаке в пределах второй четверти VIII в. и может быть связан с действиями арабских войск²⁶.

¹² Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч. Москва, 1963. Т. I. С. 268.

¹³ Бартольд В.В. Очерк истории Семиречья. Москва, 1963. Соч. Т. II Ч. 1. С.39.

¹⁴ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. С. 315-316, 318.

¹⁵ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия с.

¹⁶ Материалы по истории туркмен и Туркмении (МИТТ). Москва-Ленинград, 1939. Т. I. С.144.

¹⁷ МИТТ. С.184.

¹⁸ Волин С.Л. Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине р.Талас и смежных районах. С.80.

¹⁹ Волин С.Л. Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине р.Талас и смежных районах. С. 81-82.

²⁰ Абул-Гази. Родословное древо тюрков. Казань, 1906, с.34.

²¹ Филанович М.И. Ташкент. Зарождение и развитие городской культуры. Ташкент, 1983. С.210, 114, 187,188.

²² Филанович М.И. Ташкент. Зарождение и развитие городской культуры. Ташкент, 1983. С. 187.

²³ Буряков Ю.Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент, 1982. С.180.

²⁴ Смагулов Е.А. Арабское нашествие в Южном Казахстане //Мобилизованный археологией. Алматы, 2004. С.105.

²⁵ Смагулов Е.А. Арабское нашествие в Южном Казахстане. С.109.

²⁶ Смагулов Е.А., Туякбаев М.Х. Археологические исследования на городище Сидак // Известия Министерства образования -Национальной Академии наук РК. Серия общественных наук. Алматы. 2003. № 1. С. 83-98.

Е.А. Смагулов также считает, что при характеристике находок из остатков дворцового комплекса городища Куйрук-тобе в Отрарском оазисе, сгоревшего в пожаре, упомянуты комплексы керамики и монеты, которые уверенно датируются VI-VIII вв., но при этом, по мнению К.М. Байпакова, верхняя граница жизни дворца, погибшего при пожаре, относится им к первой половине IX в. Находки только местных литых бронзовых монет со львом и отсутствие тюркешских монет, или омейядских или саманидских фельсов, которые были бы более уместны в слое пожара, если бы дворец существовал в конце VIII- первой половине IX в., говорят о предпочтительности датировки пожара на цитадели ближе к середине VIII в. Вполне вероятно, что это также один из пожаров, связанный с арабской экспансией в 20-40-х годах VIII в., можно синхронизировать с пожаром во втором строительном горизонте на цитадели соседнего городища Куюк-Мардан²⁷. Основываясь на письменном источнике «Насаб-нама» М. Кожа связывает начало арабских завоеваний и исламизацию на юге Казахстана в VIII в.²⁸

Однако, в вопросе хронологии пожаров на городищах Куйруктобе, Куик-Мардан нет определенной связи с арабскими завоеваниями VIII в. Как считает К.М. Байпаков, все не так однозначно. Хронология пожара на цитадели Куйруктобе может быть связана с началом IX в., с событием описанном в письменных источниках. Это сведения Табары, взятые из сочинения Абу-л-Вахида Мухаммеда аль-Азраки «Хроника города Мекки», и комментарии к надписям трофеев аль-Мамуна - короне и трону хранившихся в сокровищнице Каабы. Так у аль-Азраки сообщается о том, что аль-Мамун (наместник Хорасана в 809-818 гг.) перед началом войны с Халифом аль-Амином жаловался своему визирю аль-Фадлу ибн Сахлю на сложную ситуацию в Хорасане и Маверннахре: «...приходится (бороться против аль-Амина) после разорения и мятежа... после отказа джабгу повиноваться, увёрток хакана, владетеля

Тибета..., когда царь Отрарбенда отказался платить подать, которую он обычно платил». Продолжение этого повествования связано с карательным походом аль-Фадла: «из области Тарбад (ал Фадл) послал то, что потребовал с Фараба и Шавгара. И он постарался овладеть областью Отрар; он убил начальника пограничной местности и взял в плен сыновей Карлукского джабгу с его женами»²⁹.

С этим-то походом, видимо, и следует связать пожар в цитадели Куйруктобе и датировать его началом IX в.

Но был еще и поход в 859 г. в Шавгар, и совершил его же саманид Нух б. Асад. Во время его похода было убито несколько тысяч человек»³⁰.

Продатировать точно и однозначно пожар в цитадели Куйруктобе невозможно, так как комплекс керамики из слоя пожара датируется VII – началом IX в.³¹.

Не дают точной даты и монеты, которые чеканились в Отрарском оазисе, начиная с VIII в., но имели хождение до X в.³² Поэтому, предложенная Е.А. Смагуловым дата пожара серединой VIII в. не может быть принята как безоговорочная. Но вероятность походов арабов на Отрар и Шавгар в VIII в. не исключается. Тем более, что у того же аль-Азраки говорится о дани, которую платил царь Отрарбенда, то есть он был в подчинении арабов до похода ал Фадла ибн Сахля.

В.В. Бартольд, ссылаясь на Табари, пишет о том, что в годы наместничества в Хорасане Насра б. Сайяра (738-748), бывшего в свое время сподвижником Кутейбы, было восстановлено арабское владычество в бассейне Сырдарьи³³.

Однако, походы арабов, если они и были в VIII в., не привели к завоеванию средней Сырдарьи, Семиречья и Ферганы, как выше отмечалось. Эти области не входили в состав Халифата, и лишь после подавления восстания Муканны в Средней Азии эти регионы были втянуты в экономическую и культурную жизнь арабского халифата, о чем образно писал О.Г. Большаков. Лишь в

²⁷ Смагулов Е.А. Арабское нашествие в Южном Казахстане. С. 30.

²⁸ Кожа М. О начальном этапе исламизации юга Казахстана. На основе данных родословных и археологии // Научный мир Казахстана. Шымкент. 2008. № 3. С. 164-169.

²⁹ Михайлова А.И. Новые эпиграфические данные для истории Средней Азии IX в. С. 11-12.

³⁰ Кандия Малая. Перевод В. Вяткина. Справочная книжка Самаркандской области. 1906, вып. VIII. С. 242. А.Ю. Якубовский датирует поход концом IX в. См. Якубовский А.Ю. Об одном раннесаманидском фельсе // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1946. Вып. XII. С. 111.

³¹ Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. Алма-Ата, 1986. С. 58-59.

³² Бурнашева Р.З. Монеты раннего средневековья с городища Отрартобе и Отрарского оазиса // Древности Казахстана. Алма-Ата, 1975. С. 60-65; История Казахстана. Алматы, 1996. Т. I. С. 170

³³ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. С. 250.

конце VIII в. в основном завершается исламизация Средней Азии, а местная знать становится вровень с арабской. В Багдаде возникли целые кварталы, заселенные воинами из Хорезма, Согда, Ферганы и тюркских владений в Семиречье на Сырдарье: «Все это не могло не способствовать установлению значительного единства культуры от Багдада до Ферганы». «Начавшись в узком кругу культуры феодальной верхушки, процесс унификации захватывал все более широкие и широкие сферы... Многочисленные торговые поездки, странствия ученых в «поисках знаний» расширяли кругозор людей и способствовали переносу достижений ремесла, науки и искусства. Средством общения, обеспечившим сближение, служил арабский язык, но уже фактор культуры, науки и религии»³⁴. Последняя внедрялась и распространялась прежде всего в городах. Начался бурный подъем культуры и науки, который получил название «мусульманский Ренессанс».

Археологические раскопки памятников IX - начала XIII в. свидетельствуют о формировании мусульманской культуры. В городах появились мечети.

Первоначально функции мечети, видимо, выполняли отдельные жилые дома, где в центральных, наиболее крупных по площади, помещениях в юго-западных углах устраивались михрабы. Они представляли собой обозначенный по периметру глиняным налепом участок стены, ориентированный на Кыблу.

Два таких дома, бывшие наиболее крупными в своих кварталах, раскопаны на городище Куйрыктобе, отождествляемом с городом Кедер — столицей округа Фараб в IX—XI вв. Дома имеют типовую планировку и состоят из небольшого вестибюля с входом со стороны улочки. Вход из вестибюля вел в жилое помещение площадью до 30 кв.м с суфами вдоль стен и большим напольным очагом в центре. Очаг в плане имеет подпрямоугольную форму размерами 1,5x1 м. По периметру он окружен глиняным бортиком, у устья имеются две конические шишки, служившие подставками под котел. Ближе к юго-западному

углу над суфой имелся участок стены, размерами 0,5-0,7x1-1,2 м, обозначенный глиняным налепом. Показательно, что рядом с одним из этих домов, в соседнем, в завале помещения был обнаружен обломок глиняного сосуда четырехугольной формы, размерами 6x11 см, на котором черной тушью записана сура Корана³⁵.

В городах, когда число верующих было небольшим, под мечети приспособлялись старые культовые постройки, как это было в Таразе и Мирки, где христианские церкви превратили в мечети³⁶. По мере роста населения, исповедующего ислам, в городах строятся мечети. Про одну из них возведенную в Кедере, сообщает аль-Макдиси³⁷. Остатки этой мечети были обнаружены при раскопках отождествляемого с Кедером городища Куйрыктобе. Мечеть находилась в центре городища, на пересечении магистральных улиц.

В функционировании мечети отмечено два периода. Ранняя постройка, относящаяся к концу IX — началу X в., была перестроена в X в. и функционировала до XII в., после чего разрушилась и превратилась в кладбище. Кирпич для склепов выбирался из стен мечети, поэтому сохранность её плохая, но основные параметры мечети восстанавливаются. Это была прямоугольная постройка размерами 36,5x20,5 м, вытянутая по линии юго-запад — северо-восток. Стены сложены техникой комбинированной кладки из жженого и сырцового кирпича³⁸.

Куйрыктобинская мечеть относится к типу столпных или колонных построек. Подобная мечеть была открыта на Сапол-тепа в Узбекистане, она датирована XII в. Из поздних построек этого типа можно назвать джума-мечети XVIII в. в Хиве и Хазараспе, мечеть начала XX в. в Ургенче³⁹.

К X—XI вв. относится постройка мечети в одном из крупнейших городов Семиречья — Баласагуне. Сама постройка мечети не сохранилась, однако минарет возвышается на развалинах города до сих пор. Он сложен из жженого кирпича, имеет вид конического, утолщающегося кверху ствола на восьмигранном основании. Высота его составляет 21,6 м. Ствол минарета расчленен системой поясов: широких орнаментированных и зауженных гладких⁴⁰.

³⁴ *Большаков О.Г.* Город в конце VIII - начале XIII в. С.132-135.

³⁵ *Байпаков К.М.* По следам древних городов Казахстана (Отрарский оазис). Алма-Ата, 1990. С. 199-205.

³⁶ *Волин С.Л.* Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине р.Талас и смежных районах. С.82.

³⁷ *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. С.115-116.

³⁸ *Байпаков К.М.* Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. С.138-139.

³⁹ *Маньковская Л.Ю.* Типологические основы зодчества Средней Азии (IX - начало XX в.). Ташкент, 1980. С.108-112.

⁴⁰ *Горячева В.Д.* Средневековые городские центры и архитектурные ансамбли Киргизии. Фрунзе, 1983. С.29-32.

Остатки мечети столпного типа были вскрыты при раскопках городища Орнек, расположенного в 6 км к югу от одноименного села на р. Шубунды в ущелье Сулутор⁴¹. Раскоп, заложенный в центральной части городища, частично вскрыл прямоугольную в плане постройку размерами 40х20 м, стены которой ориентированы по сторонам света. Основания стен выложены из каменных булыжников. Сами стены шириной около 1 м были глинобитными. Вход в мечеть оформлен двумя выступами стены (3,5х3 м), образующими тамбур. На отдельных расчищенных участках пола обнаружены 14 каменных баз колонн. Некоторые базы были вытесаны из каменных глыб и украшены резным орнаментом, другие — крупные необработанные валуны. Две базы представляют собой вытесанные из каменных глыб блоки. Первый из них (0,5х0,5х1 м) со слегка закругленной нижней частью и фасками, снятыми с двух углов, украшен на одной стороне резным орнаментом. Двойной линией изображена фигура в виде ножки вазы. На ней показан лист с двумя завитками, отходящими от черешка. Второй блок — трапециевидный с размерами 1,1х1,25 м внизу и 0,75х1 м вверху при высоте 1,2 м. В верхней части имеется уступ высотой 10 см. С двух ребер блока сняты фаски. На двух гранях вырезаны изображения антропоморфных существ. Третья база в виде двухступенчатого блока имеет размеры нижней ступени 1,3х1,2х1 м, верхней ступени — 0,85х0,9х0,4 м. Остальные 11 баз — массивные каменные глыбы, уплощенные сверху, с размерами в пределах 0,8х0,8 м. Колонны выстраивались правильными рядами на расстоянии 3–3,5 м друг от друга. На общей площади постройки могло быть 55 или 66 баз колонн — 11 по длине и 5 или 6 по ширине.

Судя по планировке, это было прямоугольное сооружение с плоским перекрытием, опиравшимся на большое число колонн. Мечеть датирована X—XII вв.

За пределами центрального укрепления городища Орнек, в юго-западной части территории городища, при вскрытии холма высотой 1,5 м, диаметром 30 м были выявлены две разновременные постройки. Верхняя из них представляла собой остатки мавзолея со стенами, ориентированными по сторонам света. Стены сложены из сырцового кирпича размерами 21х20х9 см. Сохранив-

шаяся высота стен — 70–80 см, толщина — до 80 см. Размеры постройки по внешнему обводу стен — 7,5х7,5 м. Пол мавзолея вымощен прямоугольными жжеными кирпичами (24х12х4 см).

Мавзолеем использовался под коллективное захоронение, совершаемое в склепах из сырцового кирпича. На полу были обнаружены остатки плоского перекрытия. У южной стены найдены обугленные деревянные плахи — целая доска и обломок доски размерами 55х12,5х2,5 см. Доски украшены резным орнаментом в виде завитков и полукругов.

О значительном распространении мусульманства в северо-восточном Семиречье в XII—XIII вв. говорит наличие соборной мечети и комплекса мавзолеев, обнаруженных при раскопках Каялыка — столичного города государства карлукских джабгу.

Соборная (столпная) мечеть Каялыка, датируемая концом XII—XIII в., была выстроена почти в центре города и до раскопок представляла собой четырехугольное возвышение, размерами 30х30 м. Раскопки показали, что это была почти квадратная в плане постройка с размерами внутреннего пространства 34х28 м (40х32 м — внешние размеры), вытянутая по оси северо-восток — юго-запад. Вход в мечеть был с северо-востока, а, напротив, в центре юго-западной стены сооружен михраб в виде ниши из жженого кирпича. Перед михрабом сделана прямоугольная площадка, очевидно, отделенная от основного пространства мечети балюстрадой из деревянных колонн, опиравшихся на выкладку из квадратного кирпича на основании камней. Внутреннее пространство здания разделялось несколькими рядами колонн, от которых сохранились каменные базы. Всего сохранилось 54 каменные выкладки округлой или овальной формы. В центре пространство расширялось для обеспечения в особые дни удобного прохода большому количеству молящихся.

Стены сооружения толщиной 1,7–2 м сохранились на высоту до 2 м. Они сложены из прямоугольного сырцового кирпича, размерами 36х18х9 см. С внутренней стороны стены были обмазаны и побелены, а под обмазкой проложены каналы (каны), соединенные с очагами, по которым циркулировали дым и горячий воздух для отопления мечети в холодное время. Каны

⁴¹ Байпаков К.М., Терновская Г.А. Религии и культуры средневекового Казахстана. Алматы, 2005. С.169–170; Байпаков К.М. Средневековые города Казахстана на Великом Шелковом пути. Алматы, 1998. С.111–112.

обнаружены вдоль северо-западной и северо-восточной стен. Ширина канов 18-20 см. Они сохранились на высоту сохранившейся штукатурки— до 1-1,2 м от уровня пола. При раскопках мечети найдено также значительное количество водопроводных труб, свидетельствующих о подводке к некогда крупному культовому сооружению нити городского водопровода.

При раскопках мечети среди полусгоревших бревен, в основном деталей перекрытия кровли, была найдена обгорелая доска с сохранившимся фрагментом надписи арабским алфавитом. На полу обнаружены также остатки полусгоревшей камышовой кровли. К особо интересным находкам относятся массивные фрагменты резной терракоты — детали внешней и внутренней отделки мечети, найденные как снаружи, так и внутри мечети. Обнаружены керамические светильники и большое количество сосудов: котлов, кувшинов, чаш, в том числе фрагменты глазурованной керамики.

Комплекс мавзолеев Каялыка, датированный XII — первой половиной XIII в., находился у северо-восточных ворот города. Сохранность мавзолеев плохая, видимо, они были разрушены преднамеренно, а затем время завершило их окончательное превращение в руины. Сохранились участки стен, основание угловой колонны из жженого квадратного кирпича и отдельные участки выложенных кирпичом полов. Под полом обнаружено четыре погребения: два мужских, женское и детское, совершенных по мусульманскому обряду. На скелете женщины были найдены золотые украшения: два перстня, серьга, подвески из полых внутри шариков, а также украшения из бирюзы и бисер. Сохранились фрагменты богатых шелковых саванов, в них были завернуты умершие. Место захоронения говорит о высоком социальном положении погребенных.

Стенки погребальной камеры укреплены толстыми (до 20 см и более) деревянными плахами из распиленного вдоль на две части бревна. Погребенные были положены на широкие деревянные доски, опиравшиеся на бревна. Сверху они были накрыты широкими тонкими досками, а затем поперечно положенными бревнами. Выше была сделана кладка из сырцовых кирпичей (36х18х9 см), на которых найдены фрагменты костей барана. На уровне поверхности пола были уста-

новлены надгробия из сложенных «елочкой» обожженных кирпичей, размерами 26х12 см, обмазанных ганчевым раствором и побеленных известкой. Ребенок захоронен в склепе, сложенном из жженных кирпичей в 9 рядов.

Обломки резных плит из оформления фасада мавзолея украшены геометрическим и растительным орнаментом. В растительные мотивы были включены надписи арабским шрифтом.

Рядом с мавзолеем на Каялыке раскопано ещё одно культовое сооружение, очевидно, ханака (место обитания паломников дервишей), размерами 19,7х19,7 м. Внутренняя площадь здания была разделена на небольшие квадратные и прямоугольные помещения в пять рядов по пять помещений, расположенные следующим образом: к помещениям, расположенным по четырем углам здания, примыкали по два помещения. Помещения группировались вокруг центрального двора постройки, крестовидного в плане и перекрытого кровлей, о чем свидетельствуют крупные камни — основания колонн, на которых держалась крыша. Можно предположить, что сооружение было преднамеренно разрушено ещё в средние века, а жженный кирпич мог использоваться на других постройках города. В результате сохранились лишь основания стен, сложенных в два ряда в высоту из квадратного жженого кирпича на фундаменте из пахсы. На кирпичи были положены бревна, от них сохранились полуистлевшие фрагменты. Сами стены были сложены из сырцового кирпича. Лучшую сохранность имеют кирпичные основания стен восточных помещений.

В южных помещениях вскрыто четыре детских захоронения, совершенных по мусульманскому обряду уже после разрушения постройки. Одно из них прорезало кирпичную кладку основания стены, из чего можно сделать вывод, что захоронения совершались уже после разрушения объекта. Все захороненные ориентированы головой на северо-запад, лицом на юго-запад. Квадратное в плане здание ханакы с симметричной планировкой помещений повторяет и продолжает ту же ориентировку на юго-запад, что и расположенный рядом с северо-востока мавзолей, вписываясь с ним в один ансамбль⁴².

К постройкам, которые появляются в городах Средней Азии и Казахстана в период распро-

⁴² Байпаков К.М., Терновая Г.А. Религии и культы средневекового Казахстана. С.170-172; Байпаков К.М. Средневековые города Казахстана на Великом Шелковом пути. С.113.

странения ислама, относятся общественные бани⁴³. В больших городах насчитывалось по несколько десятков бань. При раскопках Отрара выявлены две бани XI—XII вв. Баня X-XI вв. открыта в Таразе⁴⁴.

Отрарские бани относятся к типу построек с крестообразной планировкой, который, по мнению исследователей, сложился в XI—XII вв.⁴⁵. Они состоят из стандартного набора помещений. Центр бани занимал обычно восьмигранный зал с лоджиями для массажа. Кроме него, в числе помещений имелись раздевалки, комната для отдыха. Отопление бань осуществлялось подпольной системой жаропроводящих каналов, соединенных с топкой. Водоснабжение производилось при помощи колодцев. Сточные воды системой кубуров выводились за пределы постройки в поглощающие ямы. Планировка бань, набор помещений, система отопления имеют аналогии с банями Средней Азии, Кавказа, Ближнего и Среднего Востока⁴⁶. Выше упоминалось, что крестообразная планировка была характерна для бань XI—XII вв., тогда как бани более раннего времени ещё не имели устоявшегося плана⁴⁷.

Баня в восточном городе была одной из наиболее посещаемых после мечети местом. И.А.Орбели дает характеристику бани и определяет её роль в жизни горожанина: «... баня на Кавказе, как и на всем Востоке, — предмет особой заботы и градоправителя, и цеховых организаций, и отдельного богача, устроившего баню для себя и своих друзей. Потому что баня служит не только для омовения, но и для укрепления сил, поднятия упавшего настроения, для отдыха, для встречи и для дружеской беседы с приятелями, для разговора о купле и продаже, о торговой сделке и для показа мастерства в шахматы и в нардах»⁴⁸.

О популярности бань в быту населения свидетельствуют многочисленные характеристики

бань и описания банных эпизодов в средневековых сочинениях.

Бани выполняли функции и лечебных учреждений. Абу Али ибн Сина, описывая влияние бани на организм, называет несколько употребляемых при купании целебных растворов. Некоторые из них получались путем кипячения растений, серы, золы; другие именуется железистыми, солеными, квасцовыми и купоросными. Не случайно, что в одной из отрарских бань было найдено большое число сфероконусов, в которых могли содержаться медицинские препараты.

Врач IX — начала X в. Закария ар-Рази рекомендовал: «Поскольку банные омовения ослабляют животную, духовную и природную силу, украшать стены бани хорошей живописью, исцеляющей от меланхолии и облегчает груз забот». Для восстановления животной силы он предписывал изображения охоты, скачущих коней, быков и сражений; для духовной — любовных сцен; для природной — сады и прекрасные видом деревья⁴⁹. Бани были доходными заведениями, поэтому горожане стремились к постройке и покупке бань. В больших городах насчитывалось по несколько десятков бань, а в таких, как Самарканд и Мерв, по мнению исследователей, могло быть до сотни бань⁵⁰.

С приходом ислама, как установили исследования некрополей, меняется погребальный обряд. Домусульманские захоронения VI-IX вв. хорошо известны по раскопкам городищ Красная Речка и Тараз в Семиречье, Борижарского могильника в Южном Казахстане. Они дают представление о сложности религиозных воззрений в среде горожан и кочевников. Открыты погребения в наусах, на площадках, в оссуариях, захоронения в виде кучек костей, костей в хумах, совершенные местными зороастрийцами⁵¹; погребения, совершенные по христианскому обряду с

⁴³ *Большаков О.Г.* Город в конце VIII - начале XIII в. С. 307-308.

⁴⁴ *Бернштам А.Н.* Баня древнего Тараза и ее датировка//Труды отдела Востока Государственного Эрмитажа. Ленинград, 1990. С.183; *Пугаченкова Г.А.* Архитектурные памятники Нисы// Труды Южно-туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад, 1949. Т.1. С.245.

⁴⁵ *Маньковская Л.Ю.* Типологические основы зодчества Средней Азии. С.108-112.

⁴⁶ *Воронина В.Л.* Об узбекских банях// Советская этнография (СЭ). 1952, № 1. С.72-73.

⁴⁷ *Маньковская Л.Ю.* Типологические основы зодчества Средней Азии. С. 72-73.

⁴⁸ *Орбели И.А.* Баня и скоморох XII в.//Памятники эпохи Руставели. Ленинград, 1938. С.159.

⁴⁹ *Большаков О.Г.* Ислам запрещает// Наука и религия. 1967, № 7. С.41.

⁵⁰ *Большаков О.Г.* Город в VIII - начале XIII в. с. 309.

⁵¹ *Ремпель Л.И.* Некрополь древнего Тараза//Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1957. Вып.69. С.104; *Сенигова Т.Н.* Вопросы идеологии и культов Семиречья//Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968, с.54-61; *Байпаков К.М., Горячева В.Д.* Раскопки Краснореченского городища// Археологические открытия. Москва, 1983. С.484; *Нурмуханбетов Б.* Некоторые итоги раскопок Борижарского могильника// По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970. С.108-120.

эпитафиями; тюркские погребения; поминальные оградки с каменными изваяниями⁵².

Погребальный обряд меняется во второй половине IX-X в. Он характерен для мусульман и совершался по определенным канонам — в грунтовых ямах, склепах из сырцового кирпича. Умершие ориентированы головой на северо-запад, лицом на юг. Инвентаря в погребениях нет. Наиболее ранние мусульманские некрополи открыты в Отрарском оазисе и датируются IX-X вв. К X в. относится некрополь городища Куйруктобе и Буранинского городища⁵³.

В XI—XII вв. на некрополях появляются монументальные мемориальные сооружения. Наиболее ранняя группа мусульманских мавзолеев открыта на Буранинском городище. Мавзолеи были расположены неподалеку от минарета. Они характеризуются богатым внутренним убранством с использованием росписей с изображением растительных мотивов резного штука, фигурных кирпичиков. Форма мавзолеев, по мнению исследователей, относится к так называемому «башенному» типу, характерному для культовой архитектуры Средней Азии и Казахстана⁵⁴.

Два мавзолея сохранились вблизи с. Головачевка, в 18 км восточнее Тараза. Один из них — Бабаджи-хатун — относится к типу беспортальных мавзолеев и датируется X в., второй — Айша-Биби, от которого сохранилась лишь западная стена характеризуется богатым оформлением плоскостей стен с использованием неполивных изразцов с растительным и геометрическим орнаментом. Датируется мавзолеем XI—XIII вв.⁵⁵.

Мавзолеем XI—XII вв. Сарлы-там сохранился на Нижней Сырдарье. Он имеет высокий портал, украшенный резными терракотовыми плитами⁵⁶. Инновации, связанные с формированием новой городской культуры, наблюдаются в массовом керамическом ремесле.

Широкое распространение получает поливная керамика. В Средней Азии, по мнению О.Г.

Большакова, она появляется во второй половине VIII в. как заимствованная из Ирана⁵⁷. В города Южного Казахстана и Семиречья поливная керамика проникает из Средней Азии в IX-X вв.

Большую группу среди глазурованной керамики представляют формы, при украшении которых использовались декоративные возможности арабского шрифта. Часть надписей носит чисто декоративный характер, они нечитабельны, но некоторые содержат различного рода благопожелания, назидания, имеют религиозный смысл⁵⁸.

В производстве изделий из меди и бронзы распространяется мода на изделия, также украшенные благопожелательными надписями и надписями религиозного содержания.

Прежде всего, следует отметить большую группу светильников и подставок под них в виде высоких цилиндров с подносами на трех ножках. Часть из них была связана с культом огня, другая использовалась в быту⁵⁹.

В городах в результате международной торговли распространяются кувшины, украшенные благопожелательными надписями. Вскоре налаживается и их местное производство.

В коллекции высокохудожественных кувшинов, хранящихся в центральном Музее Казахстана, имеется прекрасный кувшин из Семиречья. Он имеет реповидное тулово, переходящее в горло с раструбом. Кувшин опирается на поддон. Венчик отогнут под прямым углом. Ручка соединяет венчик и тулово, она украшена шестью объемными бусинами. В верхней части имеется выступ в виде плода граната. На площадке плода изображена гравировкой и инкрустацией красной медью сирена.

Горло кувшина украшено орнаментом, расположенным в трех поясах, разделенных полосами из красной меди. Верхний и нижний пояски заняты арабской благопожелательной надписью на фоне растительных побегов. Верхний

⁵² Байпаков К.М., Горячева В.Д. Раскопки Краснореченского городища. С.484; Шер Я.А. Погребения с конем в Чуйской долине. Советская археология (СА), 1962.; Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. Москва-Ленинград, 1966.

⁵³ Нурмуханбетов Б. Раннемусульманское кладбище городища Куйруктобе // В глубь веков. Алма-Ата, 1970. С.85-94; Горячева В.Д. Средневековые городские центры и архитектурные ансамбли Киргизии. С.33.

⁵⁴ Горячева В.Д. Средневековые городские центры и архитектурные ансамбли. С.35-46.

⁵⁵ Бернштам А.Н. К происхождению мавзолея Бабаджи-Хатун // КСИИМК. 1956. Вып.61. С. 86-95.

⁵⁶ Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. Москва, 1961. С.281.

⁵⁷ Большаков О.Г. Город в VIII — начале XIII в. С. 275.

⁵⁸ Большаков О.Г. Город в VIII — начале XIII в. С. 279-280.

⁵⁹ Сенигова Т.Н. Осветительные приборы Тараза и их связь с культом огня // СА. 1968. № 6. С. 208-225.

ярус написан разновидностью эпиграфического сульса, нижний — куфи. Перевод: 1) слава и счастье, и богатство, и мир; 2) с благополучием, и благословением, и миром. Кувшин по аналогии с кувшинами из других музеев датируется X в.⁶⁰ Аналогичные кувшины были найдены в слое XI в. на городище Куйрыктобе в Южном Казахстане⁶¹.

Исследования городов дали материал, позволяющий сделать вывод о том, что наряду с распространением ислама сохранялись пережитки ранее бытовавших верований.

Судя по наличию в домах южно-казахстанских и среднеазиатских жилищ культовых очагов, доисламские культы здесь продолжали сосуществовать с исламом. В этом отношении показательно, что дома с культовыми очагами на городище Куйрыктобе находятся рядом с соборной мечетью X-XIII вв. Это ещё одно из подтверждений жизнестойкости древних традиций в культуре населения Средней Сырдарьи, в том числе и в религиозных верованиях⁶². Такое явление было характерно и для Средней Азии. Так, в XI в. Абурейхан Бируни отмечал, что в Мавераннахре существовала тайная секта Муканны, последователей Зороастра⁶³. Поэт Дакики открыто заявлял, что из всех благ мира он избрал для себя четыре: вино, музыку, уста красавицы и веру Зороастра⁶⁴.

Небезинтересно отметить почитание огня в суфизме, получившем широкое распространение на юге Казахстана.

У суфиев ордена Кубравийа этнографы зафиксировали пережитки культа очага. В общезжитиях дервишей (каляндархоне) имелись большие круглые сооружения, где днем и ночью постоянно полыхало пламя. Перед уходом из каляндархоны дервиши совершали поклонение очагу, прикасались к очагу рукой или обеими руками.

После чего проводили ими по лицу, глазам, шептали молитвы⁶⁵.

Исследователи средневековой культуры отмечают, что для среднеазиатских народов ислам отнюдь не исчерпал их духовно-религиозные представления. Яркое проявление доисламских культов прослеживается по археологическим материалам из средневековых городов, в частности, городов Отрарского оазиса. Изучение казахского «язычества» как части общечеловеческого комплекса первобытных воззрений, верований, обрядов, идущих из глубины веков, позволит более полно понять культуру племен и народов, населяющих среднеазиатско-казахстанский регион.

Итак, резюмируя вышесказанное, следует отметить, что походы арабов на юг Казахстана (Средняя Сырдарья) и в Жетысу (округ Тараза) имели место скорее всего в середине и второй половине VIII в., но ни Южный Казахстан, ни Жетысу не входили в состав Халифата, хотя и выплачивали дань. Продолжением этих походов были попытки завоевания их саманидами⁶⁶. Они чеканили в Фарабе (Отраре) монету, а в Таразе и Мирки перестроили христианские церкви в мечети. Но вхождение этих областей в Саманидское государство было номинальным, если учесть, что столичный город и округ восточных и северо-восточных районов Мавераннахра платил саманидам лишь символическую дань и был освобожден от хараджа⁶⁷. Однако не сами завоевания, приведшие к периоду упадка в Средней Азии, а последствия их, связанные с вовлечением Средней Азии, юга Казахстана и Жетысу в экономическую и культурную зоны Халифата, Ирана и Средиземноморья привели к утверждению нового исторического периода истории.

В конце VIII в. завершается исламизация Средней Азии, в IX-X вв. она захватывает ши-

⁶⁰ Маршак Б.И. Бронзовый кувшин из Самарканда // Средняя Азия и Иран. Ленинград, 1972. С.73.

⁶¹ Смагулов Е.А. Два кувшина из Куйруктобе // Археологические исследования на Отраре. Алма-Ата, 1972. С.141-144.

⁶² Байпаков К.М. По следам древних городов Казахстана. С.172-182

⁶³ Бируни А. Избранные произведения. Ташкент, 1957. Т. I. С.217.

⁶⁴ Бертельс Е.Э. История персидско-таджикской архитектуры. Москва, 1960. С.163.

⁶⁵ Снесарев Г.П. Под небом Хорезма. Москва, 1973. С.88.

⁶⁶ Давидович Е.А. Бараб — новый среднеазиатский монетный двор Саманидов и Ануштегенидов // Письменные памятники Востока. Москва, 1972. С. 124-129; Байпаков К.М. Настич В.Н. Новые данные по истории Отрара X-XIII вв. // Известия АН КазССР. Серия общественных наук, 1978. № 2. С. 44-49; Бурнашева Р.З. Отрар, Отрарский оазис и Южный Казахстан. Нумизматические исследования по денежному делу южноказахстанских городов VII-XVII вв. Алма-Ата, 1989. С.22-24.

⁶⁷ Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана. Москва, 1963. Соч. Т. II, ч.1. С. 242; Волин С.Л. Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах. С.80-81.

рокие слои населения, прежде всего городского на юге Казахстана и в Жетысу. Города с их торгово-ремесленным потенциалом, подпитываемый общим экономическим пространством с их ролью религиозных и культурных центров определяли новое лицо экономики и культуры огромного региона, в том числе и на юге Казахстана и в Жетысу. Этот экономический и культурный подъем и стал основой мусульманского Ренессанса.

Резюме

Орта Азия мен Қазақстанның дамуының, әсіресе қалалардың даму үдерісінің маңызды кезеңіне арналған. Бір жағынан араб жорықтары мен жаулап алуы қалалардың мәдениеті мен экономикасының қирауына әкелуі,

екіншіден, араб жаулап алу салдары саяси тұрақтылық болды, бұл Араб халифаты әсерінің ортасында, Саманид мемлекеті, сосын Қараханидтер әулетінде кенттенудің жана цикліне, идеология мен мәдениеттің дамуына, мұсылмандық Ренессанс аталатын кезеңге әкелді.

Summary

The article is devoted to the important period of historical development of Central Asia and Kazakhstan, especially in development of cities. From the one hand the Arabian campaigns and gains have brought a destruction of economy and culture of cities, from another a consequence of the Arabian gains of steel political stabilization, entry in a sphere of influence Arabian Caliphate, the Samanid State, power of Karahanid's dynasty and then have resulted in a new cycle of a urbanization, development of ideology and culture, the period called as the Muslim Renaissance.

К.М. БАЙПАКОВ, Д.А. ВОЯКИН, А.А. УМАРХОДЖИЕВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДИЩА ДЖАН-КАЛА В ПРИАРАЛЬЕ

Проблема локализации средневекового Дженда, крупного города, упоминаемого во всех письменных источниках, повествующих о сельджукском этапе в истории огузских племен, а так же о первом периоде монгольского завоевания, входит в круг вопросов, объединенных крупнейшим исследователем истории туркмен и огузов С.Г. Агаджановым в так называемую «огузскую проблему»¹.

С Джендом связано много исторически значимых событий. Среди них такие, как миграция в X веке части огузов и туркмен, предводительствуемых сельджукидами, на территорию Джендской области и непосредственно Дженда, борьба сельджукидов с правителем Джанкента Али и его сыном Шах-Меликом, наместником Дженда², борьба сельджукидов и хорезмшахов за об-

ладание низовьями Сырдарьи и Джендом³, это и захват города Джучи в 1220 году, который, кстати, основал в городе свою ставку. С именем города связана борьба эмира Ходженда Темур-мелика, оказавшего монголам героический отпор⁴. По названию этого известнейшего города именовалась область, Аральское море называлось Джендским озером⁵, а пустыня Кызылкум называлась Джендской пустыней⁶. Город дал известные имена, такие как, например, Фахр ад-Дин Али ибн Абу-л-Касим аль-Дженди (визирь султана Джалал ад-Дина Манкбурны), о котором писал ан-Насави: «Судьба помогла ему, он остался у власти и достиг таких высот, до которых было далеко знатным людям, занимавшим видное положение. Таких отличий удостаивались лишь те немногие, слава о которых прошла по

¹ Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв. Ашхабад, 1969. С. 36-48.

² Толстов С.П. Города гузов // Советская Этнография, 1947. № 3. С. 91-93.

³ Буниятов З.М. Государство хорезмшахов-ануштегенидов (1097 - 1231). Избранные сочинения в трех томах. Баку, 1999. Т. 3. С. 12.

⁴ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Москва-Ленинград, 1952. Т.1. Книга 2.

⁵ Бартольд В.В. Очерк истории Туркменского народа. Сочинения. Т. 2. Ч. 1. М., 1963. С. 560.

⁶ Буниятов З.М. Государство хорезмшахов-ануштегенидов (1097 - 1231). Т. 3. С. 17.

[разным] странам и которых признали выдающимися мужи Хорасана и Ирака»; видным поэтом времени правления хорезмшахов был Гийас ад-Дин Абу-л-Маджд Мухаммад ибн аль-Хасан ибн Ибрахим аль-Дженди. По сведениям Ибн аль-Фувати, «он был одним из прекраснейших поэтов, стихи которого были замечательны»⁷.

Глава сельджукидов Сельджук был погребен в Дженде⁸. В Дженде находилась и могила известного суфия Камалиддина аль-Харезми, называемого Шейх Баба (1273). Наконец, Дженд для хорезмшахов (как это звучит в указах) был «главнейшей местностью мира и величайшей пограничной окраиной ислама» (уммахат-и бук'а-и дунйа ва му'аззамат-и сугур-и ислам) и, что Дженд – «основа и начало нашего победоносного государства», хорезмшах придает Дженду такое же значение, как самому Хорезму⁹.

Город Дженд стал широко известным в предмонгольское время. Так, в сочинении Мухаммеда ибн Наджиб Бекрана (XII-XIII вв.) «Джаххан наме» Аральское море названо Джендским озером или морем¹⁰. У географа Якута (XII в.) Дженд упоминается при описании пути из Хорезма по Сырдарье и селения Бугайдид, или Багдадех, – малый Багдад, находившегося между Хорезмом и Джендом. В 20 фарсах от Дженда находилось селение Саг-дере, а в окрестностях Дженда источники упоминают город Хайрабад.

Из немногочисленных данных о Дженде науке известно о существовании связей Дженда и огузов с Волжской Булгарией. Этот факт устанавливается на основании нахождения на территории Волжской Булгарии надмогильных камней с эпиграфикой. Среди надписей различного содержания встречаются тахаллусы (псевдонимы или прозвища), образованные от топонимов. В основном там фиксируются имена среднеазиатского и закавказского происхождения, как Садреддин Ширвани, Хасан Самарканди, Мухаммед аль-Дженди¹¹.

В.В. Бартольд замечает, что Дженд располагался в той же местности, что и Джанкент, т.е.

на расстоянии 20 дней пути от Фараба, десяти дней от Хорезма, двух дней от Аральского моря и одного фарсаха от реки и локализует его в урочище Тумар-уткуль, в 30 км от Кызылорды¹². К этой точке зрения присоединился и востоковед В.Ф. Минорский.

Продолжая рассуждать о локализации Дженда, В.В. Бартольд обращает внимание на тот факт, что между Сыгнаком и Джендом монголы захватили три города: Узгенд, Барчынлыгкент (или Барчкент) и Ашнас (или Ашанас)¹³. К сожалению, источники не указывают расстояния между этими городами.

Интересный результат можно получить при детальном рассмотрении описания захвата монголами территории Фараба, вплоть до Джендского озера, Хорезма и Ходженда.

«... Чингиз-хан приказал Чагатаю и Угедю с несколькими туманами войска осадить город, Джочи он соизволил определить идти с несколькими войсковыми отрядами на Дженд и Янгикент, а группе эмиров – в сторону Ходженда и Бенакета. Таким же образом он назначил во все стороны по войску, сам же лично с Тулуй-ханом отправился на Бухару...

Рассказ о походе царевича Джучи на Дженд и Янгикент и об их завоевании.

Согласно повелению завоевателя вселенной, Чингиз-хана, царевич Джучи в упомянутое время вместе с Улус-иди отправился к Дженду. Прежде всего он дошел до города [касабэ] Сугнак, принадлежащего к округам Дженда и расположенного на берегу Сейхуна [Сырдарьи]¹⁴.

Он послал предварительно [в Сугнак] посольство во главе с Хусейн-хаджи, который в качестве купца издавна состоял на службе у Чингиз-хана, находясь в числе его приближенных [хашам], чтобы он после отправления посольства, в силу своего знакомства и сродства [с населением], посоветовал жителям тех окрестностей [не сопротивляться] и призвал бы их к подчинению [монголам], дабы их кровь и имущество остались невредимыми.

⁷ Буниятов З.М. Государство хорезмшахов-ануштегенидов (1097-1231). Избранные сочинения в трех томах. Т. 3. Баку, 1999. С. 62, 76.

⁸ Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв. Ашхабад, 1969. С. 176-177.

⁹ Буниятов З.М. Государство хорезмшахов-ануштегенидов (1097 - 1231). Т. 3. С. 19, 32.

¹⁰ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Москва, 1963. Соч. Т.1. С.235-237, 482-483.

¹¹ Мухаметшин Д.Г., Хакимзянов Ф.С. Эпиграфические памятники города Булгара. Казань, 1987.

¹² Бартольд В.В. Сочинения. Очерки истории Туркменского народа. С. 560.

¹³ Бартольд В.В. К истории орошения Туркестана // Сочинения. Т. 3. М., 1965. С. 227.

¹⁴ Бартольд В.В. К истории орошения Туркестана. С. 227.

...Они завоевали Узгенд и Барчанлыгкент и двинулись на Ашнаса; подавляющее большинство тамошнего войска состояло из всевозможного сброда [рунуд ва авбаш], они в войне переусердствовали, и большинство их было убито. Слух об этом дошел до Дженда. Кутлуг-хан, верховный эмир [амир-и амиран], которого султан назначил охранять [от врагов] те пределы, ночью переправился через Сейхун [Сырдарью] и направился в Хорезм через пустыню. Когда до Джучи-хана дошло известие о том, что тот покинул Дженд, он послал с посольством в Дженд Чин-Тимура, склоняя жителей к себе и предлагая воздержаться от враждебных действий [против монголов].

Так как в Дженде не было полновластного главы и правителя, то каждый человек поступал по своему усмотрению, сам рассуждал и сам придумывал наилучший выход...

Затем они назначили на управление [Дженда] Али-Ходжу, который был из низов [?] Бухары и еще перед выступлением [Чингиз-хана] попал к нему на службу, и ушли к Янгикенту...»¹⁵.

В соответствии с приведенной информацией, мысленно продвигаясь с востока на запад по течению Сырдарьи, обнаруживаем, что после захвата Сыгнака последовало падение Узгенда и Барчанлыгкента, лишь затем настал черед Ашнаса. Слух о падении этих городов доходит до жителей Дженда, эмир которого, бросая все на произвол судьбы, переправляется, здесь необходимо подчеркнуть – переправляется через Сырдарью и, пройдя пустыню Кызылкум, добирается до Хорезма. Основываясь на этой информации, можно сделать вывод, что Дженд располагался на правом (северном) берегу реки, южнее которой – Кызылкумы, а затем Хорезм.

В рассказе Рашид ад-Дина о завоевании Бенакета и Ходженда и о героических обстоятельствах Тимур-мелика, находим информацию о расположении городов на Сырдарье и территориальной близости Барчаныгкента и Дженда.

Когда Чингиз-хан прибыл в Отрар и назначил для ведения военных действий в окрестности [своих] сыновей и эмиров (он послал в Бенакет Алак-нойона, Сакту и Бука, всех трех с пятью тысячами людей), направились в Ходженд. Когда они прибыли туда, жители города укрылись в крепости. Тамошним эмиром был Тимур-мелик,

человек-герой [бахадур], очень мужественный и храбрый. ...Тимур-мелик, когда ему пришлось туго, ночью снарядил семьдесят судов, заготовленных им для дня бегства, и, сложив на них снаряжение и прочий груз, посадил туда ратных людей, сам с несколькими отважными мужами сел в баркас. Затем зажгли факелы и пустились по воде подобно молнии. Когда [202] монгольское войско узнало об этом, оно пошло вдоль берегов реки. Повсюду, где Тимур-мелик замечал их скопище, он быстро гнал туда баркасы и отгонял их ударами стрел, которые, подобно судьбе, не проносились мимо цели. Он гнал по воде суда, подобно ветру, пока не достиг Бенакета. Там он рассек одним ударом цепь, которую протянули через реку, чтобы она служила преградой для судов, и бесстрашно прошел [дальше]. Войска с обоих берегов реки сражались с ним все время, пока он не достиг пределов Дженда и Барчанлыгкента. Джучи-хан, получив сведения о положении Тимур-мелика, расположил войска в нескольких местах по обеим сторонам Сейхуна. Связали понтонный мост, установили метательные орудия и пустили в ход самострелы.

Тимур-мелик, узнав о засаде [монгольского] войска, высадился на берегу Барчанлыгкента и двинулся со своим отрядом верхом, монголы шли вслед за ним. Отправив вперед обоз, он оставался позади его, сражаясь до тех пор, пока обоз не уходил [далеко] вперед, тогда он снова отправлялся следом за ним.

Несколько дней он боролся таким образом, большинство его людей было перебито, монгольское же войско ежеминутно все увеличивалось. В конце концов монголы отобрали у него обоз, и он остался с небольшим числом людей. Он по-прежнему выказывал стойкость и не сдавался. Когда и эти были также убиты, то у него не осталось оружия, кроме трех стрел, одна из которых была сломана и без наконечника. Его преследовали три монгола; он ослепил одного из них стрелой без наконечника, которую он выпустил, а другим сказал: «Осталось две стрелы по числу вас. Мне жаль стрел. Вам лучше вернуться назад и сохранить жизнь». Монголы повернули назад, а он добрался до Хорезма и снова приготовился к битве.»¹⁶.

Абу Рейхан Бируни, вторя Идриси, отмечает, что Новое селение (Джанкент), Дженд и Хора

¹⁵ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т.1. Книга 2. М.-Л., 1952.

¹⁶ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т.1. Книга 2. М.-Л., 1952.

располагались в устье Сырдарьи (низовья Шаша), впадающей в Джендское озеро¹⁷.

Косвенную информацию о близости расположения Дженда и Хоры (Кескен-Куюк кала)¹⁸ можно увидеть в находке монет чекана Бухары, относящихся к IX-X вв. на городище Кескен-Куюк кала¹⁹. Обнаруженный нумизматический материал связан, по нашему мнению, с военно-политическим союзом сельджукидов Дженда и саманидов: в борьбе между караханидами и саманидами сельджукские племена Дженда оказали военную помощь саманиду Нуху ибн Мансуру, благодаря которой последний вернул Бухару после ее захватом Богра-ханом²⁰.

В 1145 году хорезмшах Атсыз, совершив стремительный бросок их Гурганджа через пустыню и после осады без кровопролития захватывает Дженд и низовья Сырдарьи. Ссылаясь на Сабити, З.М. Буниятов приводит содержание победной грамоты (фатх-наме): «... Дженд является важной областью мира и великой границей ислама: освобождение его преславный и всевышний господь сделал для вас доступным и накинуд на него аркан повиновения и послушания нам... [Так продолжалось до тех пор], пока ... не привело в начале раби II 540 года (октябрь 1145 г.) к нашему выступлению из Хорезма – центра величия и местопребывания нашего счастья и не внесло в наши достойные мысли намерение отправиться в область Дженд. Сопутствуемые благополучной судьбой и счастливой звездой, мы изволили двинуться. Государство [наше] сильно, победа ожидалась великая, судьба повиновалась нам. Пустыню Дженда, известную как один из страшных и грозных путей, мы, с помощью Аллаха и при поддержке небес, пересекли за одну неделю и 8-го числа этого месяца (27 октября) остановились на берегу моря, в известном местечке, которое именуют Дженаг-дара, в 20 фарсах (120-140 км) от Дженда. Как только вьючные животные победоносного войска (да дарует ему Аллах победу!) не-

много отдохнули, мы в течение одной ночи пришли к Дженду и в пятницу утром, 9-го числа (28 октября), достигли ворот Дженда...»²¹.

От экспедиции П.И.Лерха в 1867 году до статей В.А.Каллаура в «ПТКЛА» было несколько попыток установить месторасположение городов, упомянутых в рассказе о монгольском походе, но вопрос и теперь остается неразрешенным. Так, П.И.Лерх, например, Дженд помещал в районе кладбища Коркыт-ата, а В.А. Каллаур Джендом считал развалины Кыс-калы или Гыш калы, расположенных в 25-30 верстах от Перовска²². В.В. Бартольд по вопросу локализации Дженда разделял мнение В.А.Каллаура²³.

Впрочем, археологических исследований В.А.Каллауром реализовано не было, а потому определение расположения Дженда не имело должной доказательной базы.

Археологические работы на крупном Жанадарьинском городище Джан-кала, расположенном в 115 км к западу-юго-западу от Кызылорды в 1946, 1958, 1961 были проведены Хорезмской археолого-этнографической экспедицией под научным руководством С.П.Толстова. В результате работ установлена тождественность этого памятника со средневековым Джендом²⁴.

По мнению С.П.Толстова, все крупные города в бассейне Средней и Нижней Сырдарьи сохранили до сих пор или, по крайней мере, сохраняли еще недавно свои названия в почти не измененном, во всяком случае, легко узнаваемом виде: Янгикент – Джанкент-кала, Сауран – Сауран, Сыгнак – Сунак-курган; Ашнас – Асанас. Мало вероятно, считает он, чтобы имя такого значительного центра средневековья, как Дженд, полностью было забыто. И единственным памятником Нижней Сырдарьи, до сих пор носящим созвучное с Джендом имя, является городище Джан-кала.

Важным ориентиром, по мнению С.П.Толстова, мог бы явиться, если бы можно было опре-

¹⁷ Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв., Ашхабад, 1969. С. 84, 133.

¹⁸ Байпаков К.М., Воякин Д.А. Джуvara – город солнца // Промышленность Казахстана. 2007. № 10. С. 96-98.

¹⁹ Курманкулов Ж.К., Аржанцева И.А., Зиливинская Э.Д., Рузанова С.А., Сыдыкова Ж.Т. Материалы джанкентской археологической экспедиции. Алматы, 2007. С. 51.

²⁰ Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв. Ашхабад, 1969. С. 179-180.

²¹ Буниятов З. М. Государство хорезмшахов-ануштегенидов (1097 - 1231). С. 17.

²² Каллаур В.А. Древние города Саганак, Сунак, Эшнас (Асанас) в Перовском еузде, разрушенные Чингис-Ханом 1219 г. // Протокол Туркестанского кружка любителей археологии (ПТКЛА), Ташкент, 1900. С. 16.; Каллаур В.А. О следах древнего города «Дженд» // ПТКЛА, Ташкент, 1900. С. 78-89; Бартольд В.В. К истории орошения Туркестана // Сочинения. Т. 3. Москва, 1965. С. 228-229.

²³ Бартольд В.В. К истории орошения Туркестана. С. 229.

²⁴ Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. Москва, 1962. С. 288.